

Дмитрий Гартви́г

Стена

Небольшой город Дарммол на юге королевства оказался в сложном положении. Королевская армия разбита в недавнем сражении, а от безудержных имперских легионов защитников отделяют только сезонные ветра Вороньего перевала. Обстановка накаляется с каждой секундой, и лишь только вмешательство Богов способно помочь командующему обороной, барону Рейкландскому, отразить атаку.

На шестерых юных воспитанников Ордена Магов ложится непосильный груз ответственности за судьбу всего королевства. Но хватит ли им сил выдержать эту ношу? Не падёт ли защитная стена, состоящая из человеческой силы, храбрости и чувства долга под ударами судьбы?

*«Templars of steel — we came here to win
Never will kneel — we never give in
This is our deal — the future and past
Built to last»
Hammerfall*

— Барон...

— Виконт...

— Я всё-таки надеялся встретиться с тобой при куда более благоприятных обстоятельствах. Но, как видишь, имеем, что имеем.

— Барон, *vas*, — виконт особенно выделил это слово, — я рад видеть в любом случае.

— Грегор, прекрати этот формализм, — махнул рукой жилистый немолодой мужчина, одетый по слегка устаревшей моде прошлого десятилетия. Плотная белая рубашка с красными рукавами была небрежно расстёгнута на груди, демонстрируя всем окружающим, коих, кроме виконта, в помещении не было, курчавую растительность. — Для тебя не барон, а просто Гильем, этого вполне достаточно. Я отца твоего знал с двенадцати лет, а тебе самого ещё в пелёнках на руках держал. Как, кстати, прошли похороны?

Виконт, стоящий посреди кабинета, слегка наклонил голову в знак признательности, в очередной раз подчеркнув свой ястребиный профиль. В отличие от барона, что довольно небрежно отнёсся к своему вечернему гардеробу, состоящему из потёртых кальсонов и неопрятной рубахи, расстёгнутой на груди, одет Грегор был с иголки. Лёгкий тёмно-синий кафтан с вышитым на груди гербом сидел идеально, будто бы и не было бешеной недельной скачки от Вороньего перевала. Даже дорожная пыль и разводы грязи на подвёрнутых краях ботфортов казались не досадным упущением, но ещё одним благородным штрихом, способным привести пару-тройку придворных дамочек в настоящий экстаз.

— Не так хорошо, как хотелось бы, — ответил Грегор. — Особенно учитывая тот факт, что на следующий день мне необходимо было отбывать к войскам.

Барон понимающе кивнул и вразвалочку, широко переставляя ноги, направился к своему массивному креслу на другом конце кабинета.

— Что не может не огорчать, — прокряхтел он, грузно опускаясь в кресло. — Твой отец был прекрасным человеком, настоящей драгоценностью среди знати восточных земель. Ха! Большинство из этих надутых болванов и оружия-то в руках никогда не держали. Я вообще удивлён, почему предки нашего монарха, долгого ему здравия, так долго с ними цацкались. Учитывая то, как Гарольд Второй быстро прищучил восток, стоило начать экспансию лет на сто пораньше. Зато сейчас, ох и ах! Цвет нации, золото аристократии, чуть не лопаются от натуги. Не прими на свой счёт.

Грегор, потомственный наследник не последнего по величине графства восточных земель вновь согласно склонил голову. Не то чтобы слова о почти что кровных родственниках не задели виконта, но всё же он не стал обижаться. Во-первых, из банального чувства такта, а во-вторых, барон, не смотря на всю его импульсивность, действительно с отеческой теплотой относился к нему и к его семье. Скорее, его откровенность можно было посчитать за комплимент.

— Твой отец действительно заслуживал куда лучших похорон... — задумчиво

продолжил барон, но вдруг резко переменял тему. — Ладно, теперь действительно долой расшаркивания. Грегор, что у вас произошло? Гонец опередил тебя чуть меньше, чем на сутки, так что полной картины у меня нет. Что случилось под Гетенборгом? Мы проиграли?..

— Да, — согласился виконт, аккуратно присаживаясь на небольшое креслице прямо напротив барона. — Мы проиграли, Гильем.

— Чёрт тебя, Грегор, в подробностях! — нетерпеливо потребовал барон. — Как это вообще могло случиться, по первым донесениям у имперцев было всего тысяч двадцать? В западных провинциях у нас одних гарнизонов как минимум столько же, если не больше. Это не считая королевских сил. По всем прикидкам нас должно было быть втрое больше. Кто командовал, как это смогли допустить? Нужно же быть полным ничтожеством, чтобы проиграть с таким соотношением сторон.

Виконт печально улыбнулся, взглянув барону прямо в глаза. И в очередной раз поразился переменой в его внешности. Лицо барона, не старого по сути, тридцатилетнего мужчины, представляло собой горный пейзаж, покрытый бесконечными изломами морщин и пропастями оспинок, напоминая о болезни, перенесённой в детстве. Уже не говоря о многочисленных шрамах, в мечтах рафинированных дамочек украшающих мужчину, но на деле — лишь уродующих его. Но едва только речь заходила о его единственной страсти, о его, наверное, подлинно настоящей любви, о военной науке, барона невозможно было узнать. Лицо его разглаживалось, глубоко посаженные глаза, вечно глядящие исподлобья, чуть подавались вперёд, стараясь не упустить ни одной детали, а сжатые в тонкую недовольную ниточку губы, расплывались в весёлой улыбке, представить которую можно было у какого-нибудь щеголеватого молодого дворянчика, но никак не у закалённого в бесконечных боях вояки. Барон становился похожим на какого-то сказочного принца, которых обычно изображают на качественных гравюрах к древним балладам, но никак не на того человека, которым его знал весь высший свет.

Наверное, именно поэтому успеха у женщин барон не имел. Точнее, не мог им похвастаться. Грегор доподлинно знал только об одной представительнице прекрасного пола, рискнувшей связать свою жизнь и честь с таким неприятным на вид типом.

К общему сожалению барона и виконта, лично знать её Грегор удовольствия не имел.

— Скажем так, — после короткой, даже незамеченной бароном паузы, решил продолжить виконт. — Донесения оказались ошибочными.

— Насколько?

— Фатально, — отрезал, словно ударил клинком, Грегор.

На этот раз барон не стал отвечать. Лишь поудобнее вжался в кресло, закинул ногу на ногу и расплылся в довольной улыбке.

— Если говорить коротко, то имперцы решили не повторять ошибок десятилетней давности. В этот раз они решили не форсировать Буру в трёх местах одновременно, как в прошлый раз. Если помните, тогда мы смогли нанести поражение всем трём армиям последовательно, не дав Империи сконцентрировать силы...

— Ты кажется забыл, с кем разговариваешь, — счастливо усмехнулся барон. — Я был там, Грегор. И очень результативно был, стоит сказать.

Грегор лишь кивнул на это замечание. Чёрный барон, Ужас Гетенборга, кто не слышал этого титула?

— И позволь, я угадаю, — продолжил барон. — В этот раз имперцы решили

сконцентрировать все силы в одном месте? А пограничные заставы, заметив один лишь только авангард, удрали, роняя кал?..

— Примерно так, — согласился Виконт. — Как нам удалось установить, к тому времени, как мы прибыли на запад, Империя успела взять Крыдош и Гдожу.

— Гдожа... — растерянно пробормотал барон. — Боги, это же не просто какие-то деревянные городища. Это настоящие твердыни, выстроенные по всем правилам науки. Это западные провинции, чёрт бы их побрал! Не расхлябанный восток, не купеческий юг. Запад! Империя постоянно молотом нависала над нашей тамошней границей, мы всегда с момента прошлой войны были наготове, я лично был в гарнизонах с проверкой полгода тому назад. И хочешь сказать, Крыдош и Гдожу взяты буквально с марша? Сколько же там тогда было имперцев?

— Не могу сказать точно, — развёл руками виконт. — Но по данным разведки около сотни тысяч.

— Сколько?! — воскликнул барон, приподнимаясь на локтях. — Сто тысяч? Это же вся имперская армия!

— Насколько мне известно, далеко не вся. Гильем, мы до сих пор не имеем точного понятия о настоящей величине Империи. Наши послы сумели добраться только до столицы, и это было ещё при деде нынешнего короля. Напомнить, сколько им для этого потребовалось времени?

— Вот только лекций по географии и истории мне читать не надо, — недовольно фыркнул барон. — Лучше расскажи, как само сражение прошло. Кто командовал?

— Герцог Арнульский.

— О Боги... — барон прикрыл глаза раскрытой ладонью. — Теперь понятно. У короля что, совсем не осталось способных полководцев? Я понимаю, что его величество достаточно молод, но в конце-то концов, не Арнульский же! Этот... эта жопа с ручкой даже с собственными крестьянами справиться не может, куда ему армию? Да и вообще, король прекрасно показал себя в кампании против северных племён, почему он лично не принял командование?

— В Сребролесье сезонные оползни, Гильем, — пояснил Грегор. — Треть армии вместе с гвардией и королём отстала. Герцогу было поручено маршем дойти до Гетенборга и занять плацдарм...

— Но этот придурок не послушался, — кивнул барон, словно для него всё произошедшее было очевидным. — Арнульскому очень хотелось выслужиться, аж в заднице свербило. Дай угадаю, идиот попёрся в лобовую атаку, не слушая ни советов, ни соображений, всё так же думая, что сражается против двадцатитысячного корпуса? У вас хоть разведка была?

— Была, — подтвердил Георг. — Герцог приказал высечь командира разведчика, что принёс ему сведения о настоящей численности имперцев. Сказал, что за подобное пораженчество и трусость надо вешать. А затем ночью велел построиться в боевой порядок и наступать на Гетенборг.

— Гетенборг к тому времени был уже за Империей?

— Так точно. Судя по тому, что крепостные укрепления оказались нетронуты, сопротивления не было.

— Имперцы действуют быстро, и мне это не нравится, — задумчиво пробормотал барон. — Раньше они были куда медлительнее. Обстоятельнее, да, но медлительнее. Но чёрт

с ним...

— Дальше была бойня, Гильем, — не дал барону закончить Георг. — Натуральная бойня. Ты лучше меня знаешь тамошний ландшафт: одни равнины, ни лесочка, ни бугорочка. Из естественных преград только речка, та самая. Тяжёлая кавалерия имперцев без труда взяла разгон и ударила по нашему левому флангу. Сражение, по сути, на этом и закончилось, началась резня. Целые подразделения, хорошие, регулярные подразделения моментально оказывались в окружении и умирали все до единого. У меня до сих пор перед глазами стоит эта картина: бескрайнее поле перед городскими стенами, и всё в каких-то цветных тряпках. Наши флаги, Гильем. Огромная равнина, усеянная трупами и нашими флагами...

— Какие потери? — деловито, не давая молодому человеку сбиться на лирические переживания, спросил барон.

— Колоссальные. Отступали в спешке, так что точно не знаю. Но из того, что мне удалось узнать — тысяч тридцать или около того. Из сорока. Почти вся кавалерия, очень много магов, пехоты видимо-невидимо...

— А у тебя что?

— Немного, — виконт печально покачал головой. — Мы сумели прорваться через перевал, отделившись от основного косяка армии, но всё же — немного. Два эскадрона лёгкой кавалерии, это сто двадцать всадников. Сводная потрёпанная рота регулярных войск, ещё человек сто шестьдесят. И полторы тысячи ополченцев. Но это мясо, Гильем, сам понимаешь. На него рассчитывать не приходится. Может быть они и смогли бы показать чудеса стойкости, обороняя свои дома, но западные провинции, откуда они почти все и были родом, теперь в глубоком тылу противника. Раненых почти нет, всех, кто не смог идти, пришлось бросить на Вороньем перевале. Метели начались как всегда неожиданно, сбросив правда, слава Богам, с нашего следа и имперцев.

— А остальные? — спросил барон.

— Из того, что я сам лично видел, большая часть выживших отступала на восток, к Сребролесью. Как я понял, Арнульский либо погиб, либо пропал без вести. Во главе колонны был стяг де Летта.

— Наверняка попытаются выйти к Белой Крепости и соединиться с королём, — разговаривая будто сам с собой, произнёс барон. — Но это тоже не панацея. Королю, если он не дурак, а он не дурак, за крепость держаться резона нет, сомнут. Придётся отступить дальше, сквозь грязь и оползни. И тут наша малочисленность сыграет нам на руку, имперцы просто не смогут протащить через такую слякоть свою громадную армию. Мы выиграем время.

— Да, но остаётся ещё наше, южное направление, — возразил виконт. — Я уверен, что скоро имперцы заявятся и сюда. Попытаются обойти Сребролесье по дуге, выйти напрямиком к столице.

— А сил у нас негусто, — подтвердил барон. — У меня три моих полка, это три с половиной тысячи человек. Плюс местное ополчение, ещё с тысячки полторы. Прибавим твоих, и получим около семи тысяч. И это все силы, на которые славный град Дарммол, в котором мы имеем удовольствие сейчас пребывать, может рассчитывать. Подкрепления не будет.

— Мне бы очень хотелось знать, сколько на нас кинут имперцы.

— Тысяч двадцать, не меньше, — уверенно ответил барон, хлопнув рукой по гладкой тёмно-дубовой поверхности стола. — И это как минимум.

Барон встал быстро, резко, в полной готовности к действию.

— Значит, начинаем готовиться, — продолжил он, с удовольствием потягиваясь, — Расположи своих людей, Грегор, пусть отдыхают. Я пока повывёргиваю из тёплых постелей городской магистрат, пусть раскошеливаются и дают людей и денег на оборону. Всадникам твоим завтра выдай двойное жалование и отправь по шлюхам. Пусть отдохнут, потому что в ближайшие дни они мне очень понадобятся. Метели на перевале идут от двух недель до месяца, но я никогда не доверял ни погоде, ни имперцами. Я совсем не удивлюсь, если эти сумасшедшие наплюют на шторма и попробуют прорваться. Твои всадники должны будут нести постоянное наблюдение за горами, ежедневно, слышишь, ежедневно докладывая о положении дел. Мы сейчас права на ошибку не имеем.

— Понял, — согласно кивнул виконт, тоже поднимаясь со своего места.

Барон, задумчиво сложив руки за спиной на уровне поясницы, дал медленный и широкий круг по кабинету. Босые ноги его утопали в мягком и шерстяном южном ковре, стоящем, наверное, целое состояние. Но герой битвы при Гетенборге мог себе позволить такую роскошь.

Вот только помогут ли прошлые заслуги в новой войне?

Барон подошёл к окну. Сейчас он казался виконту куда более собранным и подтянутым, нежели в самом начале встречи. От вальяжной походки и широких неаккуратных шагов не осталось и следа. Больше всего барон сейчас напоминал поджарого и активного молодого лейтенанта в походном строю, что ждёт не дожждётся момента показать себя. Даже чёрная траурная лента, которую он уже вот десять лет как носил на манер аксельбанта, казалась не символом вечной скорби, но эмблемой ярости и гнева, медленно и неумолимо закипающих где-то глубоко внутри мужчины.

— Скажи мне, Грегор, — обратился барон к виконту половиной лица, слабоосвещённой светом городских фонарей главной площади Дарммола, куда и выходило окно кабинета, — как ты думаешь, какие у нас шансы?

Сделав пару широких шагов, виконт тоже приблизился к окну и замер на другом его краю, так же, как и барон, задумчиво глядя на пустынную площадь.

— Мы в полной заднице, Гильем. Мы в полной заднице...

Куриный гвалт оглушал.

Крепостная стена на рассвете выглядела хищно. Больше всего она была похожа на обнажённую в злобном и хитром оскале победителя пасть. Зубцы её походили на широко расставленные зубы, между которыми, словно какие-то червеобразные паразиты, сновали немногочисленные дозорные.

Всё это было привычно и понятно. Гильем Рейкландский видел подобную картину не раз и не два за свою жизнь. Открытые настежь ставни крепостных ворот, бесстыдно задранная, словно юбка у проститутки, решётка. Сереющий камень стен, почти чёрный от рассветной росы. Слишком оптимистично развевающиеся штандарты на воротных гурдициях. Всё это было, и не раз. Бесконечно длинная колонна входящих в город солдат, все с понурыми, небритыми лицами, ядрёный мат, выбивающийся из общего монотонного гвалта, вопли, крики, мост, слегка, почти невидимо прогибающийся под тяжестью сотен ног. И шеренга сержантов, лейтенантов и прочих командиров всех сортов и мастей, угрюмо застывшая возле распределительного стола, переминающаяся с ноги на ногу, и жаждущая поскорее отметить, получить баронское предписание для своего подразделения и свалить

куда подальше. Хотя бы на ближайшую конюшню, зарыться в сено и сладко подряхнуть часа два-три.

Барон всё это уже видел. Особенно командирскую шеренгу, стоящую прямо перед его столом. Но кудахтанье, так злившее его, никак не прекращалось.

— Откуда курица? — спросил он, у двух стоящих по бокам бородатых солдат, своей личной охраны.

Солдаты, как и барон, были одеты в свободный кафтан, вышитый мелкими ромбами двух цветов: чёрного и красного. На головах у обоих были широкополые тюрбаны во всю ту же, чёрно-красную полосу. В левой руке каждый держал древко длинной алебарды, по уставу приложенное к плечу.

Ответа от них, правда, барон так и не дождался. Сверкнув красными от недосыпа глазами на своих подопечных, барон вновь повторил свой вопрос, на этот раз куда более злобно:

— Я ещё раз спрашиваю, откуда курица?!

— Не могу знать, ваше благородие! — хорошо поставленным голосом ответил боец по правую руку. По одной только манере его речи было понятно, что солдат этот уже не первый год тянул лямку военной службы. По крайней мере «ваше благородие» он выговорил чётко, не пытаясь на крестьянский манер слить два слова в бесящее барона идиотское «вашбродь».

— Если окажется, что идиоты ополченцы успевали ещё и мародёрствовать во время отступления, они у меня все будут за стенами города спать. Тупое, необразованное быдло. Даже убегая от имперцев не могут удержаться от того, чтобы не прибрать к своим загребушим рукам чужое добро, — начал, все более распаляясь, злобно ворчать барон.

Двое солдат, которых, судя по вполне конкретной мордатости, сложно было заподозрить в благородном происхождении, никак на эту реплику не отреагировали. Нет, у одного из бойцов всё же пробежала по густым чёрным усам презрительная улыбка, но направлена она была явно не на язвительного командира, а на беспорядочно мечущихся в узком пространстве городских ворот ополченцев, некоторые из которых так до сих пор и не выучили за какую сторону копья нужно держаться.

Что уж тут говорить, солдаты баронских Чёрных полков, которых он отбирал из всё тех же вчерашних крестьян, не любили своих бывших товарищей по сохе и плугу едва ли не меньше, чем вся знать королевства вместе взятая. И, если говорить начистоту, причины у них для этого были.

А тем временем прямо перед столом, за которым сидел заваленный бумагами барон и сверял фактическую численность поступивших в его распоряжение сил с заявленной виконтом (Грегор, не смотря на дикое желание спать, половину ночи просидел именно за этими документами), разворачивалась комичная картина. Надрывно кудахча и хлопая почти бесполезными крыльями, мимо крепостной стены неслась когда-то белая, а теперь почти полностью коричнево-болотная курица, изредка подлетая на небольшую высоту. За ней по пятам, утопая по щиколотку в городской грязи, несся одетый в какое-то рванье, в котором с трудом различалась ржавая кольчуга и накидка с гербовой нашивкой, небритый ополченец. Солдат, без сомнения, был вылитым представителем того самого слоя населения, о котором только что презрительно упоминал барон.

Гильем, сложив руки в замок и опустив на них подбородок, молча наблюдал за этим спектаклем.

Солдату всё-таки удалось нагнать непослушное животное. Одним прыжком, больше

подходящим акробату бродячего цирка, чем вчерашнему землепашцу, солдат преодолел те несколько роковых для курицы шагов, изловив несчастную в самом начале её очередного полёта. Клубок из перьев и грязного обмундирования всё с тем же отчаянным кудахтаньем и победным рычанием плюхнулся в грязь.

Небольшая капля неприятного месива упала на край стола.

— Солдат! — зычным голосом окликнул незадачливого куровода Гильем.

Тот, чумазый до ужаса, удивлённо оглянулся в его сторону и, с кряхтением поднявшись, понуро пошлёпал в сторону командующего. Курицу он при этом держал за лапы в вытянутой руке.

— Да, вашбродь... — отрапортовал ополченец, понуро шмыгая носом.

От этого «вашбродь» барон в очередной раз скривился.

— Полк какой? — спросил у чумазого Гильем.

— Ась, вашбродь? — непонимающе переспросил солдат.

— Придурок... — пробормотал барон, скосив подбородок чуть в сторону. — Командир кто?

Ополченец, в очередной раз шмыгнув носом, тупо уставился на шеренгу возле баронского стола.

— А вона он, — и ткнул в какого сержанта, уже почти дождавшегося своей очереди. — Сержант наш, значица...

— Сержант, — подозвал барон указанного солдата. — Ко мне.

— Да, господин Гильем.

Сержант материализовался перед бароном в одно мгновение. Вот он ещё выглядывает из шеренги, а вот уже стоит навтыжку по стойке смирно. Плечи арбалета торчат из-за спины, пятки сомкнуты, а на груди отчётливо виднеется личный герб короля. Не простой крестьянин-то, из собственного домена его величества. Видимо, король действительно собирал все возможные силы, раз погнал в армию своих персональных налогоплательщиков.

Барон нахмурился. Большой и указательный пальцы легонько ущипнули небритый подбородок. Так всегда происходило, когда Гильем о чём-то задумывался. Этот жест, небольшой и чаще всего совсем незаметный для окружающих, был единственной эмоцией, которую барон за всю свою жизнь так и не научился контролировать.

— Ты меня знаешь? — спросил он у сержанта.

— Конечно, господин Гильем, — согласно кивнул арбалетчик, немолодой уже, около сорока лет на первый взгляд, мужчина. — Я был с вами под Гетенборгом. Десять лет назад.

— Как твоё имя, сержант?

— Брок, господин Гильем. Тогда я служил в регулярной армии. Я был в том отряде, что вы взяли под своё командование после развала левого фланга.

— Левый фланг... — задумался на секунду барон. — Нет, не помню, хоть убей. Тогда столько всего перемешалось...

— Это точно, господин Гильем.

— В любом случае, — барон хлопнул раскрытой ладонью по столу, прижимая какую-то готовящуюся улететь бумажку. — Это дела прошедших дней. К какому подразделению ты приписан, сержант?

— Четырнадцатый пехотный Его величества, господин Гильем. Вторая рота.

— И сколько в роте человек?

— Столько же, сколько и в полку. Тридцать два. Все рядовые, господин Гильем, мне

пришлось принять командование.

— Твою-то... — барон раздражённо вдавил тыльную сторону ладони в лоб. — Хорошо. Значит, вот как мы поступим. Собери своих людей, передай их Давиду. Это он, — барон указал на личного телохранителя. — Давид, слышишь меня?

— Так точно, ваше благородие, — отозвался бородач.

— Возьми людей у сержанта, отведи их к Южным воротам. Пусть волются во второй полк регуляров. А ты, Брок, как со своими разберёшься, мигом ко мне. Мне чертовски не хватает шустрого адъютанта, а с проверенными людьми сейчас туго. Всё понятно?

— Так точно, господин Гильем! — отозвался сержант и взял под козырёк.

Сержант уже готовился было отправиться собирать своих людей, однако барон вдруг остановил его окриком:

— Брок!

— Да, господин Гильем.

— Это твой солдат? — и указал на чумазого, всё так же держащего возмущённо кудахчущую курицу.

— Так точно, господин Гильем.

— Курицу сдать интенданту, обмундирование вычистить до блеска и назначить два наряда вне очереди. Пока не обеспечишь экзекуцию — ко мне не возвращайся. Всё ясно?

На морщинистом лице сержанта, покрытом рубцами старых шрамов, расцвела улыбка.

— Будет исполнено, ваше благородие!..

Несмотря на то, что барона трудно было назвать бюрократом, со своими обязанностями он справился.

Если на рассвете колонна отступающих, заходящая в город, казалась неистребимой и бесконечно длинной вереницей из неизвестных никому имён, перемешавшихся подразделений, ненужного скарба и повозок, то уже к середине дня посреди этого хаотичного движения забрезжила тень порядка. Отставшие от основного хода движения всё так же продолжали прибывать, но теперь их встречал не затор у самых городских ворот, а чётко организованный плац, с вывешенными штандартами уцелевших полков. Для полуграмотных рекрутов даже обеспечили особый караул, состоящий из солдат Чёрных полков. Четверо бородачей с аккуратно, строго по традиции баронских войск, уложенной растительностью на лице, несли свою вахту даже несмотря на полуденную жару, и как могли объясняли полуграмотным крестьянам и ремесленникам, куда именно им следует пройти.

Даже вереница сержантов и офицеров возле баронского стола, ещё пару часов назад казавшаяся нескончаемой, наконец иссякла. Люди устроены, оружие чистится, приказы выполняются... По крайней мере барону хотелось так думать.

И всё же его густые чёрные брови были насуплены. Что-то не сходилось.

— Давай ещё раз, — обратился он к виконту, успевшему проспаться, отобедать и едва-едва прибыть на импровизированный командный пункт. — По числам у меня к тебе претензий нет, полторы тысячи ополченцев, тут плюс-минус сотня, никто точно не подсчитает. С королевскими регулярными тоже всё в порядке, трое окоchureлись по дороге, но это ничего. Это бывает. За твоих всадников я тоже спокоен, уверен, что их там ровно сто двадцать, как ты и подсчитал. А вот сюда глянь, — барон протянул виконту желтоватый смятый листок. — Вот здесь у тебя что?

— «Особ. 6 человек», — прочитал виконт. — А, понял. Не сумел их найти, да?

— Не сумел, — согласился барон. — Это кто вообще?

Виконт посмотрел барону в глаза. Во взгляде молодого офицера Гильем читал какое-то совершенно неуместное в нынешней ситуации веселье, которому ястребиный профиль Грегора добавлял особый, даже слегка зловещий оттенок.

— Это маги, Гильем, — спокойно, однако с вполне отчётливой насмешкой, ответил виконт. — Это маги...

— Грегор... — обратился к нему барон, шумно выдыхая через нос.

Барон редко выходил из себя в привычном понимании слова. Нет, он был не чужд той брани, что по древнему армейскому обычаю является единственным доступным вариантом коммуникации между начальством и подчинённым. Он вполне мог отвесить пощёчину даже офицеру, если на то был весомый повод, не говоря уже о рядовых. Однако барон никогда не впадал в бешенство. Никогда не стучал ногами, не колотил мебель, не наливался пунцовым цветом.

Он просто шумно выдыхал через нос.

— Виконт, если вы не знаете, то довожу до вашего сведения, что магические искусства — это единственная сфера, в которой мы доподлинно превосходим Империю. Даже шестеро человек, обладающих соответствующими способностями, способны переломить ход боя. В военное время скрывать информацию о магах — суть преступление, за которое я вполне могу отдать вас под трибунал. И буду полностью в своём праве.

От него так и веяло холодом.

Виконт на это лишь усмехнулся.

— Гильем, успокойся. Я и не собирался скрывать от тебя то, что магам удалось спастись. Ночью просто засиделся за документами и забыл приписать уточнения. Я, собственно, как только разобрался со срочными делами, сразу направился к тебе. Как раз для того, чтобы прояснить. Не думал, что ты так быстро разберёшься с обычными солдатами...

— Где они, Грегор? — неумолимо спросил барон. — Где они?

— Со мной, — моментально посерьезнев, ответил виконт. — В расположении кавалеристов. Я решил, что лучше держать их при себе.

— Грегор... — тихо проговорил барон. — Грегор, ты не понимаешь. Шестеро магов. Не один, не два, целых шестеро. Я даже не знал, что Орден направил королю помощь. Боги всемогущие, что творилось в голове у Арнульского, если он умудрился проиграть даже с такой силой?

— Гильем, я думаю, что тебе не стоит делать поспешных выводов, — успокаивающе, с какой-то неожиданно печальной ноткой в голосе сказал виконт. — Эта шестёрка...

— Ты не понимаешь, — неумолимо перебил его барон. — Я видел, на что способны маги. Во время Северной войны. Огромная орда варваров, от которых, казалось, не спасут ни пики, ни кавалерия. Они шли сплошной волной, разукрашенной что твои демоны, гремя оружием и изрыгая ругательства. И вдруг — первый ряд просто смело. Он испарился, Грегор. Но даже это лучше, чем то, что постигло две последующие линии. Люди вопили, падали в снег и катались по нему, словно дикие израненные звери, стараясь хоть как-то приглушить боль от страшных ожогов. Я до сих пор помню тяжёлых дух горелого мяса, витавший над полем боя. Две тысячи королевских регулярных войск выстояли против тридцати тысяч северян. Это казалось невозможным, но мы победили. Победили, не сделав ни одного удара, не сблизившись с врагом даже на расстояние копья.

Барон ненадолго замолчал, стараясь справиться со сбитым торопливым дыханием.

— Тот бой для нас выиграли маги, Грегор. Они и только они обратили в тот день северян в бегство. Сколько их было, с десятков может быть? Я не помню. Но точно не сильно больше шести.

— Да, но... — попытался было возразить виконт.

Тщетно. Барон его уже не слушал. Командующего, как и прошлым вечером в ночном кабинете, вновь захватила извечная страсть, одна-единственная всемогущая воля, которой он по-настоящему служил. Посреди отчаяния, неразберихи отступления и предстоящей безнадежной обороне, способной только выиграть время для королевского войска, но никак не повернуть вспять ход самой войны, забрезжила надежда.

И барон не мог её упустить.

— Веди меня к ним, Грегор, — попросил он у виконта. — Веди прямо сейчас, немедленно.

Молодой офицер открыл было рот, чтобы вновь что-то возразить, но тут же понял, что это бесполезно. Барону было необходимо увидеть всё самому. Сейчас, когда весь он был подчинён только одному желанию, одной лишь несгибаемой воле к победе, старый вояка не воспринимал никаких, даже самых разумных аргументов. И поэтому виконту ничего не оставалось делать, кроме как отодвинуться от стола, всё так же заваленного бесконечными бумагами, и коротко кивнуть, призывая Гильема следовать за ним.

Ни барон, задумчиво меряющий городские улицы широкими шагами, ни виконт, уверенно ведущий его к расположению кавалеристов, не заметили следовавшего за ними по пятам, юркого сержанта Брока, совсем недавно ставшего личным адъютантом Гильема Рейкландского.

Линд, сидя на борту телеги, болтал ногами.

Полы длинной кожаной мантии, коричневой, как и положено ученику, с каждым новым движением тихонько били по коленям. Юный маг, правда, почти не замечал этого. Скорее даже наоборот, отрешившись от всего происходящего и почти полностью уйдя в собственный мысли, он находил в этих лёгких похлопываниях своеобразное успокоение, позволяющее отыскать хоть какой-то порядок в суматохе последних недель.

Некоторые грызут ногти. А Линду воспитание не позволяло. И поэтому он болтал ногами.

Где-то там, на периферии зрения, Хольк чистил свой небольшой топорик, с которым его не заставили расстаться даже самые уважаемые профессора их факультета. Для северян, к воинственному племени которых принадлежал однокашник Линда, это грубое оружие имело какое-то сакральное значение. И даже тот факт, что Хольк теперь был не свирепым воином, а всего лишь учеником, которому бы следовало отказаться от всякого «приземлённого» оружия, положения дел не менял.

Ни один из тех седовласых стариков, правда, не ушёл живым из-под Гетенборга. А Хольк ушёл. И во многом благодаря тому самому одноручному топорiku, который сейчас с таким упорством очищал с помощью пучка сена.

Чуть раздражающе звучали щелчки пальцев над левым ухом. Это Пьер, скользкий и пронырливый тип из нижайших слоёв общества. По слухам, его подобрал сам декан, у которого тогда ещё совсем малолетний Пьер умудрился свистнуть серебряную монету из кошелька. Тот же самый декан, схватив воришку за руку, неожиданно для самого себя и рассмотрел в мальчишке магический потенциал.

Вся наружность Пьера говорила о его бывшем роде занятий. Плавные и длинные конечности, типичное серое лицо городского обывателя, с которого, правда, почти никогда не сходила ехидная улыбочка бывшего висельника, беспорядочная причёска, которую к порядку гребня и ножниц не смогли приучить даже суровые правила академии. Абсолютный контраст с небритой угрюмостью Холька и выразительными аристократическими чертами Линда.

Пьер щёлкал пальцами. Магия огня была его слабым местом. Пробелы в этом знании он, тем не менее, постоянно старался ликвидировать. Стремление к совершенству подогревали и вполне прозаичные причины, в левой руке Пьер держал забитую почти доверху длинную курительную трубку. Оставалось лишь её поджечь, чтобы наконец, после утомительного многодневного марша, утолить-таки нестерпимое желание курильщика.

Искра на пальцах всё никак не хотела зажигаться. Щёлк, щёлк...

— Пьер, прекрати, пожалуйста, — спокойным тоном попросил Марк. — Дай сюда трубку, я её тебе зажгу.

Бывший вор лишь отмахнулся. Помимо удовольствия от горького дыма он рассчитывал получить и удовлетворение от ученической победы над непослушной стихией. И ни один заучка, высохший до костей в академической библиотеке, не смог бы ему помешать.

Марк и правда был самым прилежным учеником из их разношёрстой компании. Линд не особо погружался в слухи, но кое-что доходило и до его ушей. Громкий скандал в семье потомственного королевского чиновника, нежелание идти по отцовской стезе, неожиданные магические способности, и вот Марк здесь. Круглые очки, наследственное слабое зрение, жидкие волосы, зачёсанные назад по непонятно какой моде, тощее и длинное туловище. И невероятная жажда знаний, помноженная на горящие остовы всех мостов. У Марка просто не было выбора. Хольк всегда мог вернуться обратно на север, Линда с радостью примут в отцовском поместье, а Пьер в случае чего без проблем устроился бы на улицах любого города королевства, промышляя кражами и разбоем.

Но не Марк. У Марка другого варианта, кроме как вступление в Орден магов, больше не было.

Печально вздохнула Луиза, неприкаянно ходя мимо однокашников в поисках чистого места, куда можно было бы устало опуститься. В отличие от Линда, Луиза так и не смогла перебороть в себе то самую наследственное аристократическое чистоплутьство, заставляющее её даже посреди паники и отступления искать чистые, правильно взбитые перины. И если потомок герцога достаточно быстро смирился с травяным супом из крапивы и ночлегом под открытым небом, то для Луизы походные условия были источником нестерпимых страданий.

Стоило ли говорить, что посреди ржущих и воняющих потом кавалерийских коней, матерящихся солдат, изредка с чувством почёсывающих причинное место, и лагерной неразберихи найти чистый уголок было большой проблемой?

Линд помнил её ещё по той, старой жизни, состоящей в основном из светских приёмов, подковёрных интриг и четырнадцати сортов вина на частых пирушках. Дочка какого-то графа, полный титул которого он никак не мог вспомнить, всегда чистенькая и смазливая. Одно время настойчиво ходил слухок о браке между ним и Луизой, о котором неистово хлопотал её расторопный батюшка, но отец Линда, с презрением относящийся к самой идее мезальянса, зарубил идею на корню. К тому же герцога в то время заботили куда более важные проблемы, связанные в основном с пробуждающимися магическими способностями

сына.

Брака не вышло. И слава Богам, так думал Линд. От одной мысли, что ему пришлось бы заботиться в этом походе ещё и о собственной капризной жене, повергала его в пучины уныния, отдающего зубной болью.

Слава Богам, что вторая женщина в их компании была полной противоположностью графской дочки. Марта, обладательница крепкой крестьянской фигуры, такой, которая лишь подчёркивает силу женского естества, но не переходит в неприятную полноту, в жизни не знала перин и корсетов. Точнее, впервые услышала он них только в академии. И всегда мучилась с тем самым корсетом, обязательном атрибуте магического одеяния для женской части Ордена.

Её можно было бы назвать симпатичной. Луизиной бледности она противопоставляла живую, почти тёплую розоватость кожи и мощный каскад вьющихся каштановых волос, которые никогда, по крестьянской моде, не собирались в хвост или вычурную причёску. В бою, когда Марта была поглощена метанием по врага фиолетовых стрел арканы, это выглядело особенно эффектно. Как будто на древних гравюрах.

Стоило ли говорить, что проблем с посадкой у Марты не было? Подоткнув под мягкое место полы мантии, она расположилась прямо на земле, совершенно не смущаясь грязи.

Вот и вся их компания. Вот всё, что осталось от Гетенбургской академии. Шестеро учеников второго курса, что едва только начали переходить от теоретических занятий к практике. И никому из них ещё не сравнялось даже семнадцати.

Линд продолжал болтать ногами.

Неожиданно посреди мерного, почти усыпляющего солдатского гвалта и ругани интендантов раздался звук, выбивающийся из фонового гудения, своей непререкаемой резкостью и чёткостью. Так обычно воспринимаются роковые приказы посреди жаркого боя, когда одно командирское слово вдруг выплывает на поверхность из бесконечного водоворота металлического лязга и криков боли.

Хотя про «обычно» Линд, побывавший за свою недолгую жизнь лишь в одном сражении, знать не мог.

Подняв глаза, всё это время прикованные к болтающимся коленям, он увидел двоих человек, ощущающихся совсем иначе, чем остальная толпа, постоянно снующая туда-сюда. От них исходило спокойное и уверенное чувство собственного превосходства, не унижающее подчинённого, но твёрдой и нетерпящей возражений рукой направляющее его. И дело было даже не в родовых гербах, отчётливо вышитых на их одежде, нет. Такое не купишь ни за какую наследственность, ни за какие деньги.

Такое приходит только с опытом. Кровавым опытом.

Двое были полной противоположностью друг друга. Первый, стоящий чуть ближе к ученикам, был немолодой мужчина, разодетый в красно-чёрный богатый кафтан. Широкополый тюрбан на его голове был сдвинут чуть на затылок, обнажая короткостриженные, чуть отливающие сединой прямые волосы. С левого бока, едва не касаясь мостовой, в простых кожаных ножнах висел двуручный меч. Рукоять оружия, блестящая от неисчислимого количества прикосновений, была выполнена просто, в виде двух спиралевидных прутьев стали, чтобы не скользили руки. На лице незнакомца не было живого места от шрамов, оспин и морщин. Левое ухо неприятно и жилисто бугрилось, указывая на какую-то давнюю травму, полученную от удара чем-то тяжёлым и тупым.

Однако не смотря на внешнее уродство, Линд вполне способен был рассмотреть, что

шрамы и следы болезни — лишь внешняя маска, скрывающее под собой нечто совершенно иное. Но вот природу этого иного молодой маг понять не мог. Настоящая проницательность аристократического интригана, приходящая не столько с кровью, сколько с годами, Линду была пока ещё недоступна.

А потом взгляд Линда упал на герб, вышитый на левой груди чёрно-красного кафтана. Два жёлтых орла на красном фоне, вывалившие длинные прямые языки. И чёрная лента, аксельбантом болтающаяся на правом плече.

По шее молодого мага пробежали мурашки.

Чёрный барон. Ужас Гетенборга...

— Линд, что это за герб? — тихонько спросил Марк, поддвигаясь к Линду поближе. — Что-то очень знакомое, но никак вспомнить не могу...

Сын герцога, скосив на секунду взгляд на однокашника, так же тихонько, не повышая голоса, пропел:

— *«Как при лесном пожаре, под стягом двух орлов, пылая он прошёл...»*

Марк, открывший было рот для того, чтобы сказать что-то ещё, моментально сомкнул челюсти. Его глаза под круглыми стёклами очков, казалось, готовы тотчас же выпасть из орбит и укатиться куда-то в земляную летнюю грязь.

Не каждый день удаётся встретить живую легенду.

А особенно услышать её ругань.

— Грегор, это кто? — спросил барон у своего сопровождающего.

Только сейчас Линд удостоил его своим вниманием. К удивлению молодого мага, собеседником барона оказался их непосредственный командующий, виконт Аурденнский, известный в высшем свете как Ястреб. Кавалерист, дуэлянт, обладатель выразительного ястребиного профиля, за который и получил своё прозвище. И, безусловно, блестящий офицер, сумевший вывести их из кошмара Гетенборга.

Барон и виконт были полными противоположностями. Аурденнский был кавалеристом, прирождённым и талантливым, это признавал весь костяк королевской армии. Барон же прославился именно как пехотный командир, обеспечивший вместе со своими Чёрными полками победу в прошлой войне против Империи. Дублет на виконте, в пику свободного кафтана барона, сидел идеально, подчёркивая каждый выступ на теле. Да и сам Грегор Аурденнский, в отличие от небрежной, широко расставленной стойки Рейкландского, вытянулся по струнке, будто бы подчёркивая свою офицерскую безупречность.

Правда, у Линда язык бы не повернулся назвать виконта позером.

— Это те самые маги, Гильем, — спокойно ответил виконт барону. — Я пытался тебе объяснить, но ты ведь и слушать даже не захотел.

Линда поразила фамильярность, с которой общались эти двое. Нет, он бы не удивился подобному отношению со стороны виконта, в конце концов, его титул был выше. Но ведь именно барон первым начал разговор в подобной манере...

— Маги, Грегор, — вывел герцогского сына из размышлений голос барона, — это высохшие старики, которые половину жизни положили на изучение тайн, нам с тобой недоступных. Именно поэтому они способны сжигать половину войск северян и обращать в бегство остальных. А это что? Что это за молокососы, я тебя спрашиваю?

Подобного обращения сын герцога потерпеть уже не мог.

Он всё понимал. Ехидное презрение преподавателей в академии Линд всегда воспринимал, как должное. Он вполне сносно выдерживал походные и военные тягости. Без

ропота согласился, когда виконт, что был намного ниже по происхождению, принял командование. Не возмущался, когда ему приходилось шагать в одной колонне со вчерашними крестьянами, постоянно спотыкающихся об собственное оружие.

Но никому и никогда он не позволял называть его молокососом. И не позволит впредь.

— Выбирайте выражения, барон! — отчаянно выкрикнул Линд.

Молодой маг сам до конца не понимал, на какую именно реакцию он рассчитывал. Возможно, на то, что барон стучится, замнётся и принесёт извинения. Ему, наверное, хватило бы просто секундного изумления и прерванного разговора.

Но получилось не совсем так, как Линд ожидал.

— Ты сперва бабу в койку завали, сопляк, а потом уже будешь влезать в разговор, — совершенно буднично огрызнулся барон, ни на секунду, не прерывая темпа диалога.

Марта прыснула.

— Кажется, наше ясное высочество, вас только что неплохо сбрили, — хихикнула девушка.

Линд, обернувшись на своих товарищей в поисках поддержки, однако у всех реакция была одинакова. Одни ухмылки и улыбки, лишь только Луиза с ужасом прикрыла рот ладонями, сложенными лодочкой. Но от её поддержки в данном вопросе было больше вреда, чем помощи. Как минимум, чисто репутационного, графскую дочку всерьёз из их компании не воспринимал никто.

Значит, всё придётся делать самому.

Линд соскочил с телеги и широкими шагами направился к барону. Молодой маг сам до конца не понимал, что хочет сделать: то ли в грубой и беспомощной форме потребовать извинений, то ли вызвать старого вояку на дуэль. Линду хватало ума, чтобы понять полную несостоятельность обоих вариантов развития событий, но оставить без внимания подобное оскорбление он не мог. Точнее, вполне мог, однако в голове вихрем пронеслась уязвлённая кровная гордость, наглухо заглушившая все рациональные доводы.

Барон тем временем продолжал преспокойно болтать с виконтом, не обращая на приближающуюся гневную фигуру Линда никакого внимания. Лишь только когда молодой маг подошёл совсем в упор и замер в нерешительности, неспособный выбрать свои дальнейшие действия, только тогда старый вояка соизволил повернуться к нему лицом.

— Ну? — спросил он. — Что ещё?

— Барон, вы не знаете, с кем вы разгова... — возмущённо начал Линд, однако барон не дал ему закончить.

— О, неужели? А мне кажется, что прекрасно знаю. Говорю я сейчас с малолетним идиотом, выросшим в каком-нибудь расписном дворце, и потому считающим себя пупом земли. У тебя, сопляк, две беды: девственность, за которую ты дуешься на весь свет, и глупость, которую ты предпочитаешь не замечать. И если первый недостаток проходит со временем, то второй будет с тобой до конца дней. Встать в строй!

Повернувшись к остальным магам, барон гаркнул:

— Это к вам ко всем относится, молокососы. Построиться. Живо!

Молодёжь, ошарашенная таким приёмом, недоумённо переглянулась, однако лениво, очень нехотя, исполнила-таки приказ, выстроившись неровной шеренгой, в которой долговязый Марк соседствовал с приземистым и кряжистым Хольком.

— Тебе особое приглашение нужно? — спросил барон, обращаясь к неподвижному Линду. — Встать. В. Строй.

Линд, к его чести, нашёл всё-таки в себе силы поднять глаза, которыми до этого неотрывно ковырял баронский герб, вышитый на уровне груди. Молодой маг поднял взгляд, встретившись своими расширенными зрачками с ледяной волной ярости, исходившей от барона. Самообладания под таким немым напором у него хватило лишь на секунду, после чего сын герцога развернулся и постарался как можно быстрее занять своё место в шеренге.

По крайней мере, успокаивал он себя, мало у кого из присутствующих хватило бы духа на большее.

— Если вы думаете, — прогремел барон, заложив руки за спиной и прохаживаясь мимо строя, — что ваши мимолётные ужимки остались без внимания, то вы ошибаетесь. На первый раз я сделаю вид, что не заметил их. Но на второй... Виконт, будьте добры напомнить, что, согласно армейскому уставу, полагается за неуважительное отношение к командиру?

— Три удара плетью, если командир неблагородного происхождения, — равнодушно произнёс виконт. — Проход через строй с палками, если благородного.

— Вы слышали, — рыкнул барон. — К вашей печали, происхождения я благородного и стоит, наверное, всё же представиться. Я барон Гильем Рейкландский, больше известный в свете как Чёрный барон или Ужас Гетенборга. История всем известная, так что обойдёмся без краткого пересказа моих заслуг. И с этого момента вы, желторотики, переходите под моё командование.

Новость о переходе под какое-то там командование абсолютно померкла на фоне прозвучавшей фамилии. Линд поймал на себе удивлённый, с нотками паники, взгляд Марка и открыто-паникующий Луизы. Остальные были чуть более сдержаны, однако удовлетворённую улыбку Холька, на мгновение появившуюся на лице северянина, сложно было не заметить.

— Спешу вам напомнить, — продолжал барон, — что вы на войне. Войне тяжёлой, совсем не такой, о которой рассказывают разные подпевалы в трактирах. Вы все были под Гетенборгом, сами всё видели. Полный разгром. На нашем направлении враг превосходит нас числом и выучкой, у нас лишь чуть больше трёх тысяч регулярных, хороших солдат. И ещё около четырёх тысяч ополченцев, но лично я их за солдат не считаю. Как не считаю за них и вас. Тем не менее, нам необходимо выстоять и дать королю время собрать достаточно сил. И поверьте мне, — при этих словах барон хищно улыбнулся, — я сделаю всё возможное, чтобы имперцы обломали об нас зубы.

В этом у Линда не было никаких сомнений. «Баллада о клинках», посвящённая сражению под Гетенборгом десятилетней давности, была любимой песней его детства. Он знал её наизусть.

— Нам повезло, — не успокаивался барон. — Вороний перевал перекрыт непогодой, и поэтому имперцы появятся здесь не раньше, чем через две-три недели. По крайней мере, мне хочется на это надеяться. И все эти две недели, сопляки, вы не будете у меня вылезать из тренировок. Просто потому что я очень хорошо знаю, что такое магическая поддержка. И когда солдаты Империи будут у стен города, я хочу встретить их во всеоружии. Вам всё понятно?

Строй ответил гробовым молчанием, молодых магов хватило лишь на непонимающее переглядывание.

— Я не слышу ответа, — сурово, слегка повысив голос, произнёс барон.

— Так точно! — нестройно гаркнули шесть голосов.

Ужас Гетенборга на это лишь коротко кивнул.

— Прекрасно. Тогда на сегодня всё. Виконт, будьте добры, займитесь их расположением. Завтра, к третьим петухам они должны явиться на тренировочный плац у Южных ворот. Разойтись...

Словно следуя своему же собственному приказу, барон круто развернулся и широко шагая отправился прочь. Юные маги же, словно куры после налёта на амбар лисы, которую насилу удалось прогнать, ошалевши ходили туда-сюда, пока собравший их в хоть какое-то подобие организованной кучи виконт, не отправил всю шестёрку наслаждаться заслуженным отдыхом.

Грегор, глядя вслед удаляющимся юношам и девушкам, печально вздохнул, понимая, что выспаться теперь они смогут только после окончания осады.

И виконт очень надеялся, что отсыпаться молодые люди будут не в деревянных ящиках.

— Итак, явились...

Барон с равнодушным и спокойным лицом, на котором, не смотря на зябкую утреннюю прохладу, не дрожал ни один мускул, оглядел присутствующих.

Где-то вдалеке, за редким еловым лесом поднималась ранняя заря. Солнце розоватым блюдцем поднималось из-за макушек деревьев, словно не до конца ещё поверило в свою силу, из-за чего окружающий мир, так до конца и не поверивший в очевидный ежедневный восход, окрашивался в серый.

Словно стеснялся свободы, подаренной новым днём.

Не смотря на ранний час, вокруг городских стен уже кипела работа. Растянутой колонной из ворот показалась бригада хмурых здоровяков, чьи внушительные колуны, закинутаые на плечо, безошибочно выдавили в смурных мужиках лесорубов.

Словно в противовес подтянутым, почти медвежьим по своему виду дровосекам, в сам город тянулась другая вереница, состоявшая в основном из полнеющих зажиточных крестьян и хуторян, первых экономических жертв имперского вторжения. Авангард этой процессии, которой по приказу барона и предстояло обеспечить полные склады провизии на время предстоящей осады, уже толкался у подъёмного моста. Трое округлых землепашцев, судя по виду уже несколько лет как не бравших в руки никакого сельскохозяйственного инструмента, обходясь трудом батраков, задумчиво чесали затылки, не в силах отбиться от энергичных наскоков худенького интенданта, обнаружившего, очевидно, недостачу.

А шестеро молодых учеников Ордена магов, выстроили напротив невозмутимого и бодрого барона, отчаянно шатаясь и позёвывая.

Тяготы походной и военной жизни несомненно закалили их. Однако в душе эти юноши и девушки всё так же оставались нежными студиозусами, привыкшими подстраиваться под медлительный темп жизни свои престарелых преподавателей. Пусть даже прошлое некоторых из них и сложно было назвать радужным, однако мягкотелые порядки академии всё-таки оставили свою метку на каждом. Увереннее всех держалась, конечно, Марта, в которой до сих пор были живы неистребимые крестьянские привычки, но и она изредка пошатывалась из стороны в сторону, то и дело прикрывая то один, то другой глаз. Из остальных же адреналин недавнего боя, натянутый струной всё время их отступления, выветрился окончательно, чему поспособствовала и первая за много дней ночёвка не под открытым небом. Так что положению их можно было только посочувствовать.

Тем более, что недавно произведённый адъютант барона сержант Брок, горя

неофитским рвением, заставил всех выйти на тренировку в полной выкладке, не уточнив правда, что именно он подразумевал под этой самой выкладкой. Именно поэтому у Линда на поясе болталась тонкая дуэльная рапира, польза от которой могла быть только на дворянской дуэли, но никак не на поле боя, а щедушный Марк то и дело подтягивал лямки походного рюкзака, набитого всякой всячиной.

— Явились... — повторил барон, окатывая своих новых воспитанников ледяным взглядом. — А рюкзаки на кой притащили?

Вопрос обращался к самому интеллигентному и самому неприспособленному к солдатским будням Марку. И тому не оставалось ничего другого, кроме как неуверенно пожать плечами.

— На землю его скинь, — предложил барон. — Он тебе не понадобится.

Марк сомнамбулически снял со спины свою ношу и отбросил её в мокрую траву. Рюкзак с приглушённым лязгом упал в двух шагах от барона.

— Я вижу, что в вас всё-таки имеется некая крупица благоразумности, — обратился барон к магам, — и некоторые из вас при оружии. Прекрасно. Осталось лишь проверить, как хорошо вы умеете им пользоваться. Ты, — он ткнул указательным пальцем в Линда. — Спарринг. Со мной. До первого касания.

Линд испуганно огляделся по сторонам, но наткнувшись на всё такие же недоумевающие и заторможенные взгляды товарищей, вышел из строя. В конце концов, если барон хочет казаться таким неотёсанным солдафоном, лучший способ заслужить его хорошее отношение — это показать ловкость в обращении с оружием. А уж в этом юный сын герцога, практикующийся у лучших наставников королевства, был хорош. Определённо хорош.

С тихим шелестом обнажив оружие, Линд встал в стойку.

Барон, вытаскивая из ножен свой двуручник, уважительно, как показалось юному магу, кивнул.

— Восточная школа? — спросил он. — Очень неплохая школа, очень. Но...

А дальше Линд не понял, что произошло. Барон вдруг резко рванулся вперёд, уводя клинок меча так далеко за спину, что любой учитель фехтования немедленно взвыл бы от ужаса. Линд с выставленной вперёд рапирой постарался было купировать подобный натиск тонким уколом, чтобы ненароком не проткнуть насквозь оппонента, набравшего приличную скорость. Однако барон не дал ему такой возможности. Одним лёгким скачком увернувшись от выпада, он на секунду остановился и широким ударом, используя инерцию, заехал рукоятью меча Линду прямо в подбородок.

Юноша взвыл.

— ...но абсолютно бесполезная в реальном бою, — закончил барон, глядя на ошеломлённую шеренгу студентов.

Линд тем временем шипел от боли, стоя на четвереньках и упираясь одной ладонью в прохладную землю, а другой потирая горящую челюсть. Момент падения он не помнил.

— Это нечестно! — шамкая проговорил он, шипя от боли и обиды.

— Неужели? — поинтересовался барон, опуская взгляд на него. — И в чём же бесчестье? Мы договаривались драться до первого касания. Или были ещё какие-то условия.

— Я... я... мы... — запинаясь Линд, едва гася готовые прорваться сквозь броню самообладания жгучие слёзы. Самое страшное в его унижительном положении было то, что он прекрасно понимал свою ошибку. Они действительно договаривались только об одном

касании, а не о соблюдении всего дуэльного кодекса. — Я вообще не понимаю, зачем нам осваивать ближний бой. Мы, чёрт побери, маги. Мы стоим позади всего войска и вражеские...

— Ну, что? — перебил его барон. — Вражеские мечи до вас не дотягиваются? Можно отсидеться за спинами вшивой пехтуры. Что же, посмотрим...

И резко, даже не успев закончить свою фразу, ударил Линда сапогом по животу. Юноша с очередной порцией воплей перекувырнулся на спину, прикрывая ослабшей ладонью место удара. Но барон и не думал заканчивать. Следующий удар, всё той же ногой, пришёлся уже по печени, заставив сын герцога скрутиться калачиком. От гневных криков не осталось и следа. Теперь от Линда доносилось только тоненькое поскуливание и громкое чавканье бесполезно открывающегося рта, сияющего глотнуть хоть каплю воздуха.

— Смотри, я тебя даже мечом не бил, — издевательским тоном произнёс бароном. — Вообще оружием не касался, только ногой. Ну, и где твоя хваленая магия? Где все эти огненные шары, фиолетовые стрелы?.. Ты даже на ноги самостоятельно подняться не можешь, сосунок.

И наступив ногой на щёку, уперев кожаный каблук в поддёргивающуюся скулу, ещё более вкрадчивым тоном продолжил:

— И поэтому от этого самого момента ты будешь делать то, что я скажу. Скажу прыгать — будешь прыгать. Скажу драться — будешь драться. Скажу умереть за нашего обожаемого короля — умрёшь без разговоров, ты меня понял?

Сняв ногу с лица несчастного Линда, обратился уже ко всем.

— Это касается каждого. Вы больше не в академии, молокососы. Ваши наставники, куда более могущественные в своём мастерстве, чем вы, остались под Гетенборгом на корм воронам. В том числе и потому, что какой-то вонючий имперский крестьянин ткнул ржавым копьём им в лицо, отчего мэтрам магии здоровья обычно не прибавляется. Если вы думаете, что ваше счастливое спасение из той бойни автоматически даёт вам иммунитет от такой же позорной кончины, то вы сильно ошибаетесь. И не пытайтесь строить из себя могучих волшебников прямиком из древних мифов. Все вы — лишь недоучки, судя по рассказам виконта Аурденнского, что-то там смыслящие в боевой магии. А у нас в Дарммоле нет своей академии, я — не седовласый магистр магических наук, и потому единственное, чему я могу и буду вас учить, так это как не подохнуть в первые минуты боя. И заодно, если получится, отправить к Богам как можно больше имперцев. Теперь же... Ты, северянин, — он указал на Холька. — Шаг из строя. Посмотрим, на что ты годишься.

И уже не обращая внимания на еле ползущего Линда, пытавшегося хоть как-то убраться подальше от своего обидчика, барон снова обнажил меч.

Хольк же, решив не повторять ошибок своего предшественника, сам рванулся вперёд, уже на ходу доставая одноручный топорик из незаметной поясной петли. Размахивая оружием во все стороны, он безуспешно пытался достать барона, который плавно и совершенно не напрягаясь уходил от его атак. С каждым ударом, со свистом рассекавшим воздух, северянин всё больше распалялся, и под конец боя начал слегка порывивать.

Однако барон не дал ему шанса окончательно впасть в боевой раж. Одно ловкое движение, почти не замеченное оглушёнными студиязусами, и серебристый топорик отлетает куда-то в сторону, а его недавний обладатель с уханьем падает на задницу, глупо озираясь по сторонам.

— Чуть лучше, — констатировал барон, в отличие от запыхавшегося Холька даже не

сбивший дыхание. — Но всё равно плохо. Типичный северянин, ты именно дерёшься, а не сражаешься. Пытаешься забить меня насмерть, словно в трактирной драке. Впадаешь в буйство, не следишь за противником и поэтому допускаешь ошибки. В настоящем бою ты безусловно заберёшь с собой одного или двух, но конец твой всё же будет печален. В любом случае, это намного лучше, чем у нашего девственного высочества, который беззаветно надеется на броню дуэльного кодекса.

Барон специально повысил голос, кося глазами в сторону едва сумевшего подняться на ноги Линда. Тот, под аккомпанемент неуверенных смешков остальных магов, густо покраснел, обнажив стиснутые злобой зубы.

Барон даже подал Хольку руку, помогая встать.

— Как я понимаю, — сказал барон, ни к кому конкретно не обращаясь. — Это лучший результат среди вас. Считай себя командующим этим сбродом. Если тебе так удобнее, то будешь старостой.

Хольк широко ухмыльнулся.

— Почту за честь.

— О, очень на это надеюсь, — ехидно ответил барон. — А теперь встать в строй, пришло время настоящей тренировки. Мечом я каждого из вас научу махать, но позже. Вам пока рано давать в руки оружие, порежетесь. Поэтому, упор лёжа принять. Десять отжиманий. Потом десять подъёмов ног к груди. Затем столько же приседаний и разножек.

И ощетинившись зловещей улыбкой, закончил:

— И так пять раз. Без перерыва. Милые дамы, вам особое приглашение нужно? Я-то ещё могу проявить галантность, однако от имперского солдата её даже последняя шлюха не ждёт. Упор лёжа...

— Сука! — выругался Линд, без сил падая на жёсткую кушетку. — Сука! Сука! Сука!

Помещение, которое отрядили для учеников нельзя было назвать роскошным. На самом деле это была бывшая складская комната средней руки купчишки, которого бородатые солдаты барона вежливо попросили убраться куда подальше. Правда, вся вежливость их заключалась в бескомпромиссно сунутой под нос бумажке с приказом, но как молчаливо считали всё те же бородачи, предприниматель должен был радоваться и этому.

Удобств был самый минимум. Шесть коек, две из которых были отгорожены тонкой занавеской и предназначались девушкам. Два комода, сиротливо притулившиеся к белой однотонной стене, с беспорядочно сваленными внутри скромными студенческими пожитками. Отхожее место на улице, во дворе. И вся шестёрка молчаливо благодарила Богов, что за окном сейчас лето, пусть даже окно одно-единственное на всю комнату, под самым потолком и совершенно не спасает от духоты..

Правда, маги были рады и такому положению дел. Койка всё же не тонкая мешковина, что достаточно долго служила единственным препятствием между их усталыми телами и ночной землёй под летними звёздами. К тому же сказывалась крайняя изнеможённость после бешеного темпа тренировки, который задал проклятый барон.

Вот уж действительно, Ужас...

По пыльному деревянному потолку мелко семеня лапками полз одинокий таракан. Но Линд, широко раскрытыми глазами глядя куда-то вверх, даже не замечал его. Мысли его пульсировали где-то далеко, лишь иногда болью в побитой челюсти возвращаясь назад к брэнному телу.

— Успокойся, Линд, — лениво и устало протянула Марта, звездой распластавшись на своей койке. — Всем хреново.

Линд слегка повернул голову, намереваясь хоть как-то ответить подруге, однако его быстрым-быстрым треском перебила Луиза, вспотевшая как последняя мышь после занятий и до сих пор не восстановившая дыхание. Откуда только силы на разговор?

Хотя, нельзя сказать, что её причитания так уж сильно раздражали сына герцога. По крайней мере она избавила его от необходимости лишней раз открывать пересушенный рот.

— Это невероятно, — тараторила графская дочка, не теряя, при всём своём возмущении, ни капли извечной заносчивости, — это просто невозможно! Он настоящее чудовище, настоящий монстр. Один из тех, с кем сражались Боги, когда создавали наш мир. Ему, мне кажется, доставляет удовольствие не учить нас, а именно измываться над нами. Я, поверьте мне, знала множество наставников, в том числе и наших, из академии. Но ни один!.. ни один!.. Подумать только, это просто ни в какие рамки.

Линд в ответ на всю эту тираду лишь лениво отвернулся, демонстрируя возмущённой девушке свой очень внимательный затылок. Та, правда, и не думала замечать его презрительной реакции, полностью поглощённая собственными причитаниями. Странно, но Линд, при всей внешней схожести их положений и впечатлений от первого занятия, не стремился оказаться в одной лодке с Луизой. Он прекрасно понимал её возмущение, и, точно так же будучи не в восторге от своего командира, даже разделял их. Но то, в какой манере несостоявшаяся княгиня доносила свои мысли, отбивало всяческую охоту вставать на её сторону.

Чисто из чувства самоуважения. Хотя ещё минуту назад Линд считал, что оно у него осталось лежать где-то там, на пыльном плацу у городских стен.

Спиной он слышал угробное хмыканье Холька, больше похожее на приглушённое рычание какого-то дикого зверя.

— Слабоваты вы, ребятки, — обвинил всех разом и никого в частности северянин. — Барон хороший командир, это сразу видно. И он всё правильно говорит. И вообще, насколько я помню, у вас в стране про него даже песнь сложили. Про обычных воинов не поют.

— Да, но... — вновь оскорбилась Луиза, приложив тонкие ладошки к небольшой аккуратной груди. — Никто не умаляет его заслуги. Он хороший солдат... наверное... по крайней мере, так мой отец говорил. И да, не про каждого баллады складывают. Но в конце концов, я же дама!

— Не, Хольк, козёл он, — вставил своё слово Пьер. — Козёл, поверь мне. Я на улице жил, я знаю, о чём говорю. Таких сразу видишь.

— Я согласна с ворюгой, — оторвав голову от подушки, вмещалась Марта. — Козлина самая натуральная. Когда-то он может и был хорошим солдатом, но глядя на его рожу сразу становится понятно, что те времена давно прошли. И поэтому ему ничего не остаётся, кроме как вымещать собственную злость на вот таких, как мы. А ещё я очень надеюсь, что обороной командовать всё же будет не он, а виконт. Просто потому что иначе мы все в глубокой жопе.

— Поддерживаю, — это уже Марк, как всегда спокойный и сдержанный. — Я немного изучал историю, и знаю, что случилось во время прошлой битвы при Гетенборге. Он своё прозвище не зря носит. Барон из тех, кто презирает хитрости и стратегию, вся его военная мысль укладывается в одну доктрину: при напролом и умри за короля. Я бы очень серьёзно задумалась над нашим положением, друзья. Возможно, стоит обдумать... альтернативы.

— Предлагаешь дать дёру? — подхватил мысль на лету Пьер.

— Можно сказать и так, — согласился Марк. — Дать дёру. Пока имперцы не обложили нас здесь, словно сельдь в бочке.

И снова утробный рык северянина.

— Вы вообще ничего не понимаете...

Линд вдруг очень захотел включиться в дискуссию, что-то сказать и привести самые жаркие аргументы, на которые только было способно его униженное достоинство. Желание это было настолько сильным, что он, преодолевая усталость и дремоту, которая накатила на него под размерный гул голосов однокашников, даже резко рванул голову в сторону, желая повернуться, распахнуть прикрытые буквально на секунду глаза...

Правда в этот же самый момент Линд незаметно провалился в глубокий сон.

— Ещё раз, — устало вздохнул барон, обращаясь к стражнику, — как он выглядел?

— Да никак, вашбродь, — по-бычьему гудя и утирая грязный нос кольчужным рукавом, ответил стражник. — Кольчуга, меч короткий. Лысый. Накидка серая. Да тут такие толпами бродят, шо мне, запоминать шоле?

Барон раздражённо потёр лоб костяшкой указательного пальца/ Мало было ему проблем и забот, теперь судьба-злодейка подкинула ещё и этого идиота.

Сержант, прямой командир непутёвого стражника стоял чуть позади барона и неловко переминался с ноги на ногу. Себя лично он виноватым не чувствовал, он всего лишь выполнял прямой приказ, но от барона в данный момент исходила такая волна злобы, что умудрённый жизнью солдат благоразумно решил оставить свои замечания при себе, ожидая вердикта начальства.

А у барона в груди kloкотали молнии.

— Значит так, — сурово произнёс он, обращаясь к сержанту. — Вы понимаете всю возложенную на вас ответственность?

— Так точно, ваше благородие, — громыхнул солдат. — На мой отряд возложена задача охранять механизм подъёмного моста и воротной решётки, чтобы... э-э-э... чтобы не допускать врагов!

Под конец речи, в которой явно сквозила попытка процитировать долгий и витиеватый приказ кого-то куда более образованного, несчастный вояка сильно замялся.

— Я его дополняю, — барон, однако, не обратил внимания на неловкость сержанта. — Теперь любого, слышите, любого! кто попытается что-то вызнать о подъёмном механизме, расписании караулов или численности отряда немедленно задерживать. То же самое касается тех, кто попытается подняться на стену без соответствующего предписания от старших офицеров. Задерживать и доставлять лично мне. Притом незамедлительно. Вам всё понятно, сержант?

— Так точно, ваше благородие! — рявкнул сержант, радуясь, что его, похоже, карать не будут.

— Отлично.

Раздражённо покинув тесную караулку в одной из крепостных башен, барон в сердцах сплюнул.

Наверное, этого всё-таки стоило ожидать.

Слава Богам, подготовка к осаде шла в целом удовлетворительно. Конечно, барон жаждал ещё больше ускорить темпы, жаждал увеличить вырубку леса, забить доверху амбары

(а то и заложить парочку новых), выкопать новые колодцы, обучить ещё с сотни две рекрутов из местного населения, но... Но всё-таки какая-то рациональная его часть говорила о том, что это попросту невозможно. Он и так делал всё, что возможно. Городской магистрат зажал свои павлиньи хвосты, распущенные всеми цветами радуги в мирное время, между ног и безропотно подписывал указы, диктуемые бароном. Во многом этому способствовали солдаты из его личных Чёрных полков, денно и нощно несущих вахту в городской ратуше и контролирующими управленческие процессы остриями своих алебард. Крестьяне исправно сдавали излишки, готовясь потихоньку подтягивать пояса и перебираться поближе к городским стенам, а то и за них. Ремесленные мастерские шипели и грохотали днями на пролёт, готовя продукцию на нужды города.

И всё-таки барон был недоволен. Та максималистская часть его естества, которую он воспитывал в себе с того самого момента, как диким рёвом отдал свой первый приказ о наступлении десять лет назад, никак не могла успокоиться. Он должен делать лучше. Он должен делать больше. Просто потому что иначе — конец всему. Потому что с тем неутешительным соотношением сил, которое он вынужден был принимать во внимание, сделать просто «хорошо» было недостаточно.

Нужно было сделать невозможное.

И странно было бы ожидать, что при таком подходе в городе не объявятся имперские шпионы.

Барон протёр замыленные глаза тыльной стороной ладони. Недосып уже начинал потихоньку сказываться, однако командующий надеялся, что запаса его прочности хватит ещё минимум на две недели. Как раз до того момента, когда имперцы (барон рассчитывал на худшее) смогут форсировать Вороний перевал. Дальше же ему придётся полагаться только на внутренние резервы своего организма, которых, как прекрасно знал командующий, у него было предостаточно. Иначе для мужчины в его годах, в самом расцвете сил, быть и не может.

По крайней мере, он очень хотел на это надеяться.

— Руку крепче держи, руку! — брызжа слюной, и аж трясась от педагогического нетерпения, орал барон. — О Боги, ну что ты как баба?!

Марта, к которой и было обращено это гневное воззвание, даже на секунду отвлеклась, недоумевающе глядя на барона, из-за чего и пропустила лёгкий, почти незаметный укол от наседавшего на неё Пьера.

— Так, — не выдержал барон. — Отставить.

Спарринги тут же прекратились. Все шестеро магов, разбитые по парам и неуклюже пляшущие с короткими тренировочными клинками вокруг друг друга, растеряно глядели на своего преподавателя. Запас сил у многих ещё не перевалил даже за середину и, насколько они успели изучить своего учителя, означало это для них только одно. Что настоящая тренировка ещё даже не началась.

За неделю, прошедшую с их первого занятия, многое успело измениться. Расплывчатый строй крестьян, тянущий в крепость провиант, стал ещё объёмнее и всё громче начинал роптать, когда на рассвете интенданты озвучивали новую норму, растущую, кажется, даже не по дням, а по часам. Бригады лесорубов теперь делали свои рабочие вылазки всё чаще, и всё дальше уходили от стен Дарммола, так как опушка леса уже уныло лысела свежими пеньками. Появился и совершенно новый элемент в окружавшем молодых магов пейзаже:

теперь вдалеке, чуть отойдя от Главных ворот, пыхтел строй рекрутов-новобранцев, которых гоняли до седьмого пота суровые солдаты барона.

Город усиленно готовился к осаде, всем своим муравьиным чувством понимая, что с каждой минутой времени становится всё меньше.

Это понимала и шестёрка, чью подготовку барон контролировал лично. Конечно, всё так же раздавались возгласы ненависти в их общей комнате, всё так же яростно блестели глаза, когда в руках не оставалось сил на очередное бесконечное отжимание, всё так же устало звенели короткие мечи, которыми барон, не слушая никаких возражений, снабдил каждого. Но даже в этом беспросветном ребяческом кошмаре начала брезжить тень порядка. Жуткие упражнения, длившиеся всю неделю, подтянули и закалили всех, не считая слабых звеньев по типу окончательно поникшей духом Луизы. Но даже на фоне бесконечного её нытья, ежедневно зудевшего в их комнате, прогресс был более чем заметен. Всем, кроме них самих, всё так же перевозмогавших утреннюю нестерпимую боль в мышцах и едва продирая невыспавшиеся глаза.

— Я сказал: отставить! — ещё раз проорал барон, краем глаза замечая выпад стоявшего вдалеке Линда, которым он надеялся поразить-таки неприступного Холька. — Герцогская невинность, тебе третий раз повторить? За глухоту помнишь, что у нас бывает?

Линд, за своё демонстративное пренебрежение приказами барона отмотавший уже не один круг вокруг городских стен, посчитал за лучшее подчиниться. В разминочном кроссе ему пришлось тащить на себе беспомощную Луизу, так что к обеду он порядком подустал и сил на очередное бессмысленное сопротивление у него не осталось.

Рапира, которую он упрямо предпочёл выданному мечу, с тихим шелестом вошла в ножны.

— Предавшись вчера вечером размышлениям, — саркастически начал барон, — которые возникли у меня не иначе как от безделья, я вынес вердикт. И вердикт этот для вас страшен. Никто из вас, бездарей, не станет за столь короткий срок, отведённым нам, хорошим бойцом. Это касается и Линда с Хольком, что бы они там о себе не думали. Это невероятно печальное стечение обстоятельств для всех вас, и я знаю, вы огорчены. Но это не повод прерывать тренировки с мечом, даже не надейтесь. Это повод сместить приоритеты.

И с ехидной улыбкой скомандовал:

— Стройся!

Маги, наученные тяжким опытом (заклучавшимся, в основном, всё в том же бесконечном беге), моментально образовали более-менее стройную шеренгу.

А барон молча ходил мимо строя широкими шагами, изредка останавливаясь напротив то одного, то другого студиязуса и задумчиво глядя ему прямо в глаза.

Спустя три минуты молчаливого стояния, получившие неожиданный перерыв маги, начали потихоньку скучать.

Марта как раз потянулась к отчаянно чешущемуся носику, как вдруг в ушах набатом проревел голос барона:

— Противник с тыла! Огненными шарами залп!

И началась неразбериха.

Марта, уже занёсшая руку, от неожиданности круто развернулась на носках, с замаха заехав барону ладонью по щеке и даже не заметив этого. Марк, в то время задравший затёкшую ногу, повалился на землю от случайного толчка Холька, стоявшего к нему почти вплотную. А Луиза, видимо просто не ожидавшая столь резкого приказа, от испуга слегка

присела и, не удержавшись на подкосившихся ногах, с громким писком рухнула в песок, подняв тучку пыли.

Нормально атаковать невидимого противника по итогу получилось только у ошалевших Линда, Марты и Холька.

Три небольших по диаметру огненных шара метеорами пронесли по параллельной земле линии и, чутка не долетев до опушки леса, с громкими хлопками разорвались, оставив после себя кучу искр. Со стороны опушки, где трудились молчаливые дровосеки, моментально донёсся удивлённый матерный гул.

— Так, — задумчиво произнёс барон. — Это что сейчас было?

Ответом ему было стыдливое молчание.

— Я вас спрашиваю, суки дети, это что было?! — разъярился барон. — Вы что, совсем охренели?! Нет, я прекрасно понимаю, что вы не солдаты и бегать по несколько миль с мечами наголо вам не к лицу. Но вы даже банально запустить свои магические игрушки во врага не можете. Врага этого самого ещё даже на горизонте нет, а у вас же половина отряда в грязи лежит! Какого хрена, я вас спрашиваю?!

— Ваше... — начала было Линд, но барон даже не собирался его слушать.

— Отставить «ваше»! Что ты там блеешь? Какого чёрта ты вообще рот открываешь?! Я давал тебе разрешение говорить? Вот закрой и молчи! Я ещё раз спрашиваю, что это такое сейчас было?..

— Барон, — неожиданно ледяным тоном вновь заговорил Линд. — Довожу до вашего сведения, что маги не сражаются в плотном строю. Мало того, им это строго противопоказано. Многие заклинания требуют сложных и занимающих большой объём пространства пассов, что безусловно будет создавать определённые трудности находящимся рядом товарищам. Мы не можем так сражаться, стоя плечом к плечу. Если, конечно, вы не хотите использовать нас, как пехоту.

Это замечание неожиданно отрезвило барона. Он прервал свою гневную тираду и глубоко задумался, приложив кулак к подбородку. Если бы Гильема Рейкландского в тот момент кто-то осмелился спросить, чего в его задумчивости было больше: звериного почтения перед тем, кто умеет и имеет храбрость так говорить, или всё же логики и здравого смысла, он тотчас бы рассёк смельчака напополам, от уха до пояса. Но, слава Богам, в округе не было ни одного человека, настолько безрассудного. Барон хотел обойтись без человеческих жертв. До поры до времени.

И всё же, герцогская кровь сказывается не только в отрицательную сторону, подумал про себя командующий. Парень далёко пойдёт, если выкинет из головы всю эту аристократическую дурь.

— Ладно, — оторвавшись от собственных размышлений и решив для себя, что заставила его прерваться всё же здравость рассуждений, произнёс барон. — Замечание принимается. Есть ещё что-то, о чём мне нужно знать?

— Вы неправильно отдали приказ, — с лёгкой улыбкой на лице ответил Линд.

— Не понял?..

— «Огненными шарами залп», — пояснил сын герцога. — У каждого из нас совершенно разные способности, барон. Это не значит, что кто-то из нас слабее, а кто-то сильнее, нет. Это значит только то, что все мы развиваемся в разных направлениях. Пьер, например, совершенно не владеет магией огня, зато неплохо управляется с водой и льдом.

Пьер, улыбаясь во всю ширь, согласно кивнул в подтверждение слов однокашника.

— Марта, — продолжил Линд, — тоже не сильна в этой стихии, однако мало кто может превзойти её в заклинаниях арканы, которые затрагивают самую суть магии. Фиолетовые стрелы, наверняка знаете?

Марта, слегка улыбнувшись, тут же смущённо потупила взгляд, внимательно разглядывая ботинки Холька, стоявшего от неё по правую руку.

— Поэтому, когда вы отдаёте приказ швырять во врага огненными шарами, вы только снижаете нашу эффективность. Указывайте само направление, а дальше мы сами разберёмся, — закончил юноша.

Барон уважительно хмыкнул.

— Хорошо. Я тебя услышал. Давай тогда попробуем по-другому. Отряд, слушай мою команду... Построиться лесенкой!

И ловя недоумённые взгляды всей шестёрки, вкрадчиво продолжил:

— А чего застыли-то? Давайте, рассредотачивайтесь. Марк, — обратился он к магу, стоявшему по левую руку от крайнего в строю Пьера, — два шага в сторону. Это и остальных касается, давайте, давайте. Так. А теперь каждый должен сделать на один шаг назад больше, чем ваш сосед справа. Пьер, ты на месте. Вот, уже лучше.

По итогу, когда все перестановки были завершены, строй и впрямь стал напоминать косую линию, вытянувшуюся к северо-востоку. Молодые маги удивлённо крутились на месте и делали широкие взмахи руками, будто репетируя боевые пассы и радуясь свободе от зажимавших по бокам потных тел товарищей.

— А теперь... — медленно и с наслаждением начал барон. — Враг слева!

И тут же, ментально, в сторону понёсся сонм из огненных шаров, фиолетовых стрел, внушительных комков земли и ледяных осколков, непонятно как материализовавшихся посреди летнего полудня.

— Справа!

Ещё один залп.

— С тыла!..

И ещё один...

На лице барона плясал удовлетворённый оскал.

— Барон, — обратился к нему Линд, отфыркиваясь после тренировки.

— Чего тебе? — спросил командующий, нехотя отрываясь от срочного доклада адъютанта.

— У меня к вам просьба. Точнее сразу две.

— Излагай.

— Обеспечьте нас вином, — не моргнув глазом попросил Линд. — Желательно красным и не перегорелым.

Барон аж опешил. Его густые брови разом прыгнули наверх, а глаза приобрели такое злостное выражение, какое не сулит просящему ничего хорошего.

— Вино-о-ом? — сжав зубы протянул барон. — А ещё чего тебе надо? Может бабу рыжую, а? Знаешь что, папенькин сынок, я понимаю, что за королевский счёт ликвидировать собственные недостатки всегда почётно, но ты...

— Вы не поняли, — хладнокровно продолжил Линд тем же ледяным тоном, которым осаживал барона с час назад. — Мы все истощены после тренировки. Истощены не столько физически, сколько в магическом плане. Подобное занятие мы теперь сможем провести не

раньше, чем через сутки. А то и через двое. Если хотите, чтобы завтра мы были способны тренироваться, предоставьте нам вина. И именно красного. Оно лучше всего восстанавливает такого рода энергию.

— Хм, — задумчиво промычал барон. — Я даже что-то такое слышал... Ладно, будет. Но это первая просьба. А вторая?

— Я требую спарринг, — широко улыбнулся Линд, обнажая шпагу.

Брови барона, ещё недавно, казалось, достигшие своей максимальной высоты, взлетели ещё выше.

— Мальчик, ты уверен? — спросил командующий. — Мне кажется, в прошлый раз я наглядно тебе показал кто ты, и чего стоишь в бою.

— Уверен, — ответил Линд с неизменной улыбкой. — Обнажите оружие, барон. Условия те же, до первого касания.

Адъютант, стоящий за плечом барона, попытался было вмешаться, чуть подавшись вперёд, однако барон, не оглядываясь, подал ему однозначный указ взмахом кисти.

Не лезь.

Вокруг Линда уже начало собираться полукольцо зрителей, ещё недавно пыхтевших вместе с ним во время занятия. На лицах каждого из его товарищей отражалась та самая бледно-синеватая тень, которая бывает у всех магов после магического истощения. Но всех их, потных и во всех смыслах уставших, приманила к двум оппонентам чутко услышанная фраза про вино. Дуэль, готовая вот-вот развернуться на их глазах, а так же последующее и непереносимое поражение Линда были лишь приятным дополнением.

— Ну, давай, — согласился барон, довольно расправляя плечи. — Посмотрим, чему ты научился за это время.

Линду повторять дважды не нужно было. Он уже стоял в свободной и расслабленной стойке, наблюдая за тем, как барон обнажает свой внушительный двуручник. На секунду задумавшись, Линд тоже потянулся к правому боку, на котором у него висел короткий меч, выданный командующим. Не смотря на все протесты юного герцога, барон так и не позволил ему его снять, обходясь лишь рапирой, а все возражения купировал своими любимыми кругами вокруг стен.

Но сейчас Линд был ему благодарён.

— Решил стать обоеруким бойцом? — ехидно спросил барон. — Брось, ты и с одной-то рукой неважно обращаешься.

Линд никак не ответил на подкол. Он, держа рапиру в чуть согнутой правой руке и широко отведя назад руку с мечом, мелкими шагами начал приближаться к барону.

Барон нахмурился, глядя на необычное спокойствие своего подопечного. Поудобнее перехватив меч и отведя его вправо, подготавливая для замаха, барон начал медленно обходить своего соперника сбоку, постепенно сокращая дистанцию и стараясь закрутить своего оппонента, открыв его левую, почти незащищённую сторону.

И вдруг заметил на лице Линда торжествующую ухмылку.

Барон не увидел, как юный аристократ, отведя левую руку чуть назад и удерживая меч только большим и указательным пальцами, сделал быстрый и сложный пасс рукой. Зато командующий, моргнув в самый неподходящий момент, вдруг увидел, как количество Линдов вдруг резко увеличилось.

Вместо одного заносчивого сына герцога, перед ним стояло двое, притом абсолютно идентичных. Несущихся, к тому же, прямо на него с вполне ясными мотивами.

Барон среагировал молниеносно. Выставив правую ногу вперёд, и получив уверенную точку опоры, командующий перехватил меч плашмя. И ударил. Клинок, описав широкую и воющую дугу, прошёл, не встретив сопротивления, сквозь правого Линда, и ощутимо ударился в блок левого. Юный маг отлетел на пару шагов, упав спиной на землю.

Морок рассеялся.

Линд, шипя от боли, перекатывался то на один бок, то на другой, растирая рукой горящие огнём рёбра.

И сильно удивился, увидев перед собой протянутую руку барона.

— Очень неплохо, — услышал он, принимая помощь. — Хороший трюк. С любым другим бойцом вполне мог бы и сработать. Понял, в чём твоя ошибка?

Линд растеряно покачал головой, всё ещё морщась от боли. Он был готов к очередному потоку ругани и издевательств, переплетённых, возможно, с избиением. Но никак не протянутой руки и спокойного, даже чуть похвального пояснения.

— Ты напал на бойца с двуручником. Подобным оружием не фехтуют, Линд, — пояснил барон, придерживая мага за плечо, — им бьют. Разные приёмы и финты возможны только тогда, когда напротив тебя солдат с точно такой же оглоблей. Тогда да, в таком случае за поединком двух двуручников невероятно интересно наблюдать. Ты постарался меня запутать, это правильно. Но и мне не нужно было понимать, где именно находишься настоящий ты. Я просто ударил по широкой дуге, и поверь, нанеси я удар не боковиной меча, ты бы уже истёк кровью.

Линд обессилено кивнул, едва находя в себе силы, чтобы раз за разом поднимать усталую голову и удивлённо смотреть на барона. Он настолько привык к издевательскому отношению, что сейчас ему было невероятно странно слышать в голосе этого изверга не поучительно-ехидные нотки, но самую настоящую обеспокоенность учителя, страстно желающего, чтобы ученик по-настоящему понял тему.

— В любом случае, — неожиданно возвращаясь к своему саркастичному амплу, произнёс барон, — нашему девственному величеству удалось сегодня неплохо меня удивить. Я считаю, это успех. И мой, как учителя, и его, как ученика. Кто-то хочет с этим поспорить?

Линд обернулся к полукругу своих товарищей, ожидая вновь услышать ехидные смешки от излюбленной шутки барона, неизменно вызывающий у всех как минимум улыбку. Конечно, целого будущего герцога с грязью смешивают, как тут не смеяться. Особенно при том условии, что этот самый герцог ничего тебе сделать не может.

Но Линд ошибся. Никто не смеялся. Весь полукруг в гробовом молчании неотрывно смотрел на него.

А в глазах молодых магов играла неуверенная, но уже явственно проступающая надежда на успех.

Грязно-серая льняная авоська, доверху забитая мелкими камнями и накрепко привязанная к длинному деревянному шесту, с грохотом и скрежетом рванулась вверх. Противовес, представляющий из себя массивный ящик, доверху набитый здоровенными цементными блоками, с уханьем упал, описав широкую дугу и прошуршав своим днищем по мостовой.

— Ну вот, ваше благородие, — подобострастно закивал подошедший мелкими шагами к барону инженер. — Выстрел произведён, всё исправно. Осталось только дожидаться наблюдателя со стены.

Барон, не считая нужным ответить на лизоблюдство инженера, смущённо мнущего завязки своего желтоватого фартука, отвлечённо кивнул. Взгляд его был устремлён куда-то вдаль, на черепичную вершину конуса крепостной башни. Пока наводчик зафиксирует попадание, пока спустится со стены, пока проскачет весь город насквозь, в ремесленный квартал, где и находился требушет...

Долго. Непозволительно долго. Это орудие нужно за сегодня пристрелять, чего бы это не стоило. А лучше — ещё успеть захватить и второе, расположенное в южной части города, напрямик в купеческом квартале. Оно вроде нормальное, вчерашние стрельбы показали неплохой результат, но на предельную дальность пуски всё-таки не производились.

Непорядок.

Барон, скрестив руки за спиной, задумчиво прохаживался из стороны в сторону, буравя взглядом мостовую. Ещё неделю назад он, злобно стоящий на выходе из караулки, готов был с натяжкой признать темпы подготовки удовлетворительными. Но не сегодня. Сегодня ему казалось, что всё летит в бездну, горит синим пламенем, рушится и разваливается прямо у него в руках.

Ранним утром прибыл гонец от виконта. Замыленный кавалерист ввалился в спальню барона как раз в тот момент, когда уставший и уже давно не брившийся командующий замер напротив деревянного таза с холодной водой, рассматривая своё отёкшее отражение и примериваясь лезвием бритвы к щетинистому подбородку.

Иногда барону казалось, что этот мир был намного лучше, если бы дурные вести просто-напросто не доходили до адресата. Если бы высшая воля, провидение, а то и сами Боги своей карающей рукой наказывали людей, несущих сообщения о провалах и неудачах. Мало ли способов: оползни, разбойники, наводнения, банальные удары молний, в конце-то концов?

Но барон прекрасно понимал, что это не больше, чем самообман.

Ветры утихали. Вчера над Вороньим перевалом весь день была ясная погода, ни облачка. К счастью для защитников королевства, к вечеру буря налетела вновь, и барону лишь оставалось надеяться, что имперский авангард, ломанувшийся в пролом, попался в эту природную ловушку. Правда, серьёзных иллюзий на этот счёт он не строил.

Времени с каждым днём становилось всё меньше. Неумолимое грядущее, перед которым ни у него, ни у любого другого защитника Дарммола не было никаких шансов устоять, всё сильнее и сильнее стучалось в дверь. Вскоре знаменитые бури Вороньего перевала стихнут окончательно, и им не останется ничего другого, кроме как предстать перед сокрушающей мощью имперской армии.

— Ваше благородие!.. — вывел барона из размышлений чей-то запыхавшийся окрик.

— Да, слушаю, — ответил он, окидывая взглядом тяжело дышащего наводчика.

— Мимо, ваше благородие, — отрапортовал тот. — Цель не поражена. Высоко взяли.

— Понял, — кивнул барон. — Возвращайся на пост...

И не дожидаясь уставной отдачи чести, повернулся к инженеру и его команде рабочих.

— Откалибровать базу на пять градусов ниже...

Будь он проклят, если уйдёт отсюда без пристрелянного орудия. Даже если для этого необходимо загонять этого недоучку до кровавого пота, он, Гильем Рейкландский, сделает это не смотря ни на какие просьбы и мольбы.

И хорошо было бы ещё и третий требушет успеть заложить. А то с двумя совсем не дело...

— Сегодня, мои золотые, у нас с вами особое занятие. Возможно, самое лёгкое из всех, что у вас были...

Барон вальяжно прохаживался перед строем учеников. В отличие от первых дней, когда шеренга представляла из себя громко зевающее и шатающееся нечто, сейчас перед ним стоял вполне ровный и подтянутый рядок. Лица магов серели в робком предрассветном свете, отдавая неживой трупной белизной. Но барон, внимательно вглядываясь в повзрослевшие за это недолгое время глаза, надеялся, что это ему лишь кажется.

Если бы командующий давным-давно не разуверился в Богах, он наверняка бы помолился.

— Никакого бега, никаких отжиманий, и даже никакого спарринга. Кто что намного более интересное. Гляньте-ка вот туда...

Словно по команде шестеро голов разом повернулись в направлении, указанном толстым пальцем барона. Как раз в ту сторону, в которой размеренно шагали семеро всадников, с громким цоканьем копыт пересекавшие подъёмный мост. Все кавалеристы, в пику лёгким налётчикам виконта, к которым маги успели привыкнуть за время своего отступления, были закованы в латы с ног до головы, подставляя утреннему ветру лишь верхнюю открытую часть лица.

В руках каждого всадника отчётливо виднелась тёмная на фоне рассвета, длинная прямая пика.

— Это ваши сегодняшние напарники по тренировке, — продолжал барон. — Семеро тяжелых всадников из эскадрона барона Никсонского, моего давнего товарища. Мы таких солдат зовём барабанщиками за грохот, который от них раздаётся на поле боя. Бедняжки потеряли своих коней во время сражения и поэтому вынуждены были всё отступление прошагать пешком, словно грёбаная пехтура. Но сейчас парни получили замену своим погибшим лошадям и нетерпеливо ждут новой схватки. Я решил немного подогреть их кровь. А заодно и вашу.

Всадники, за время речи барона окончательно сблизившиеся с магами, встали чуть в отдалении, выстроившись неглубоким клином. Марк, стоящий ближе всех к кавалеристам, внимательно разглядывал их обмундирование. Помимо элементов доспехов всех мастей, в которых юный ученик не разбирался от слова совсем, скреплённых между собой многочисленными ремешками и заклёпками, он сумел разглядеть, что те длинные пики, которые он заметил ещё на подходе, являлись совсем не тем, чем казались на первый взгляд. При ближайшем осмотре оказалось, что всадники держат в руках не длинное копьё, но гладкий и отполированный брус, с затупленным плоским концом.

— Хольк, — произнёс барон, обращаясь к северянину, — как ты прекрасно помнишь, на нашей самой первой тренировке я назначил тебя командиром отряда. И, к твоему разочарованию, так ни разу и не предоставил возможность воспользоваться полученной властью. Что же, исправляю свою ошибку. Сейчас вот эти господа отъедут от нас на расстояние примерно в сотню шагов, и по моей команде возьмут разгон. А тебе, Хольк, как отцу-командиру придётся очень быстро сообразить и отразить кавалерийский натиск. Только Богами заклинаю, бить по ним не сильно. Я прекрасно знаю, на что способны ваши боевые штучки, так что убавьте их силу до минимума. Так, чтобы доспехи только поцарапало. Это, конечно, крепкие парни, но против ледяной стрелы, насколько я понимаю, лекарств ещё не придумали. Задание понятно?

Хольк довольно кивнул. Его обнажённые на мгновение зубы зловеще сверкнули в предрассветной мгле.

— Отлично, — удовлетворился этим барон и полез за пазуху, одновременно раздавая приказы. — Лейтенант Аарон, вы всё слышали. Занимайте позицию и следите за мной. Как только я махнул вот этим платком, — барон потряс перед своим лицом какой-то блеклой тряпкой, — начинайте атаку. Только не повредите мне магов, слышите? Им ещё воевать.

Здоровенный блондин с внушительной шевелюрой, выделяющий своим телосложением даже на фоне остальных, не сильно маленьких всадников, коротко кивнул и, с силой прищорив коня, точно такое же флегматичное животное, как и его хозяин, развернулся по направлению к лесу. Его отряд отправился следом.

— Хольк, твой звёздный час, — обратился барон к северянину. — Командуй.

И убедившись, что всадники заняли позицию, махнул платком.

— Рассредоточиться! — заорал Хольк. — В одну линию!

А вдалеке уже раздавался громовой грохот копыт. Всадники набирали скорость, поднимая клубы пыли.

Сто шагов, восемьдесят, пятьдесят...

— Обнажить оружие!

Недоумённые взгляды на своего командира. Злобная гримаса на лице Линда, раздражённо вытаскивающего рапиру, но одновременно с этим замечающего безнадёжность положения. Сильный прыжок в сторону и сын герцога колбаской катится по земле, стараясь уйти из зоны поражения копыт боевых коней. Ошалевшая мордочка Марты, вертящаяся из стороны в сторону, ожидая продолжения глупого приказа. И невероятный ужас на лице Луизы, выплёскивающийся диким криком из широко раскрытого рта и приложенных к щекам ладоней.

Всадники всё ближе. Широкие ноздри их лошадей, не смотря на утреннюю темень, уже отчётливо видны каждому. Учебные пики грозно наклонены, целятся в грудь каждому из магов, и лишь Линд, уже поднявшийся на ноги где-то чуть сбоку, делает отчаянные пассы руками. Один маленький огненный шарик, не больше горошины, но отчётливо видный посреди немого и страшного пейзажа. Очень небольшое заклятие, совсем слабое, только чтобы обозначить попадание, снопом искр рассыпается от удара о доспех ближайшего к сыну герцога кавалериста. Кажется, это и был тот самый лейтенант Аарон.

— Стоять! — дико ревет барон. — Стоять!

Удила с силой впиваются в незащитные щёки коней щёки. Животные с диким ржанием, почти переходящим в отчаянный крик, встают на дыбы, зарываясь копытами в землю и едва не сбрасывая своих всадников. Но, тем не менее, останавливаются, прямо перед носом Пьера, перебирая в воздухе мускулистыми ногами, но останавливаются. А деревянный кончик пики, поднимающийся и опускающийся в такт дыханию кавалериста, лёгонько постукивает по плечу, словно шепча:

«Ты убит...»

Дикий вой Луизы, завалившейся от страха на спину, перемешивается с полным ужаса рыданием, размазывается обидными слезами по запыленным щекам. Неприятный девичий вопль несётся над тренировочным полем, достаёт до опушки леса, до извечных караульных у ворот. И никак не хочет прекращаться.

— Хольк, ты отстранён от командования! — орёт барон, перекрикивая даже плач Луизы. — Чем ты, чёрт тебя деря, вообще думал. Это что такое за команда? «Обнажить

оружие»?! Против кого, против тяжелобронированных всадников? У тебя в голове мозги вообще есть, или там просто насрано?!

— Погибнуть в бою — есть высшая честь, — со всем северным стоицизмом, на который, кажется, вообще был способен, ответил Хольк.

— Высшая честь?! — ещё больше разъярился барон, подлетая к северянину и хватая того за грудки. — Высшая честь?! Сюда посмотри, посмотри, — широким жестом барон указал на стоявших по бокам магов. — Они все мертвы, мёрт-вы-е они! Все свои одноклассники, все товарищи, твои, лично твои, слышишь, подчинённые. И только ты виноват в их смерти. Ты отдал идиотский приказ. Ты сейчас одним махом лишил Дарммол всей магической поддержки. Поэтому вы, северяне, идохните как мухи в ваших налётах. Думаете потому что жопой, а не головой. Возьми честь свою, идиотина, да подотри её, она сейчас нахер никому не нужна. Нам нужно победить, и если для этого придётся жульничать, поверь, мы будем бить в спину. И не только в спину... Боги, да успокойте её кто-нибудь!

А это уже адресовалось Луизе, которая всё никак не могла прекратить истерику. Вокруг неё уже ужами вились Марта с Марком, стараясь хоть как-то уговорить бедняжку.

Подойдя к графской дочке, барон одним рывком поднял её на ноги и от всей души отхлестал по щекам.

— Дура, — немногословно бросил он, буквально отшвыривая девушку в руки едва успевших среагировать Марка и Марты.

— Таких неучей нужно драть, как последних коз, — продолжал бушевать барон. — Бараны, ни черта не понимаете. «Честь, честь», — одно бляение. Построиться, живо. Пятьдесят отжиманий, всем!

Шестёрка магов, понуро встав в шеренгу, приняла упор лёжа, начав уже привычно пыть, сгибая и разгибая локти. Барон махнул рукой, давая всадникам знак, что те свободны. Кавалеристы, не заставив себя упрашивать, равнодушно развернулись и направились к воротам.

И только Линд, отжимаясь, не смотрел в упрямую землю, как все остальные его одноклассники. Глаза его внимательно глядели на барона, с суровой миной наблюдавшего за экзекуцией.

Просто потому то кажется он был единственным, кто заметил внимательный взгляд барона, направленный во время распекания Холька именно на герцогского сына.

Это было выше её сил.

Боги совершили ужасную ошибку, когда решили, что её место среди боевых магов. И если всемогущие создатели этого несчастного мира могут совершать ошибки, то что уж говорить про неё, несчастную и одинокую девушку, которую вербовщики академии выдернули из комфорта родного дома, из ухода гувернанток и сытных обедов.

А она, дурочка, вся расцветала. Представляла себя воительницей, как на древних гравюрах, завораживающей и опасной. Плещущей могущественные заклятия, сжигающие целые армии и стирающие в пыль города. И конечно, красавцев-кавалеров, падающих к её ногам и умоляющих о хотя бы одном взгляде, большего они недостойны.

Кто же мог предсказать, что валяться в ногах придётся ей самой. А мучитель её ни капли не будет походить на принца из баллады.

Больше она не могла этого терпеть.

Аккуратная ножка с такой неестественно натёртой мозолью неслышно выскользнула

из-под тонкого одеяла и опустилась на холодный дощатый пол их общей спальни. Какой ужас, какой стыд. Все спят вповалку, а от мужчин она отделена тонко тоненькой занавеской, на которую во время её вечернего переодевания наверняка пялятся во все глаза и этот чумной северянин, и склизкий ворюга.

Марте-то всё равно, она в своём крестьянском доме к такому привыкла. Вот и сейчас спит без задних ног, из приоткрытого рта тянется по подушке тонкая ниточка противной слюны.

Она, дочь самого графа, не должна здесь находиться. Не может, просто больше не может. Хватит с неё и истязаний барона, и его оскорблений, и потного душного помещения, в которое они все каждый день вваливаются без сил.

Кожаная мантия Луизы бесшумно легла девушке на плечи. Сапожки не грохнули невысокими каблуками об пол. Уже всё готово. Уже вот-вот. Сейчас она соберётся и выскользнет за дверь. Караула у них в доме нет, никто её остановить не сможет. Дальше — мышкой проскользнуть по ночным улицам, прямо к стене. Дуболом-стражник не посмеет её остановить, в конце концов она маг, а он — никто. Деревенщина с копьём.

После этого останется лишь привязать давно заготовленную верёвку к зубцу крепостной стены и спуститься вниз. Да, это тяжело, да, спасительная верёвка будет нещадно жечь руки, но она справится. Она сильная девушка, не зря же этот садист-барон гонял её две недели подряд.

А потом — свобода. И гори огнём этот Дарммол, гори огнём эта война и эта осада. Она пойдёт обратно, она вернётся домой, к отцу и матери, и больше никогда, о Боги, никогда не свяжется с магией. Никогда снова.

План идеален. Что может пойти не так?

— Так, так, так, — задумчиво произнёс барон, стоя в одних кальсонах и рубаше на главной площади города и глядя на зарёванную Луизу, которую крепко держали два заросших щетиной солдата. — Очень интересно.

Изумлённый полукруг остальных магов, поднятый с постелей буквально пятнадцать минут назад неожиданно влетевшим в спальню посыльным барона, молча наблюдал за происходящим. То и дело один из учеников удивлённо тёр слипающиеся глаза, не в силах поверить в происходящее.

Заплаканное лицо Луизы, изуродованное гримасой боли и стыда, тускло освещалось двумя факелами, которые держали караульные, одетые в цвета барона. Остальные маги стояли как раз на границе этого неяркого света, едва-едва разгоняющего тьму.

— Позвольте узнать, юная леди, что заставило вас в столь поздний час ошиваться возле крепостной стены? — с издевкой спросил барон.

— Ваше благородие, — обратился к нему один из стражников, держащих Луизу. — У неё ещё мешок с собой был. Вот.

— Так, — заинтересованно произнёс барон, рывком открывая полученный холщовый мешок, — что у нас тут? Сухари, — начал перечислять он содержимое котомки, — деньги, фляжка с вином и верёвка. Зачем тебе понадобилась верёвка, Луиза?

И тут девушка не выдержала. Неизвестно каким образом, одним кошачьим рывком она вырвалась из цепкой хватки стражников, и упала на землю, обнимая колени барона и захлёбываясь слезами.

— Ва... ваше благородие, — проревела она, не в силах совладать с рыданиями. — Ваше

благородие, я... я прошу вас, умолю... умоляю! Отпустите меня, пожалуйста, отпустите! Я не могу больше, я... я просто не могу, я не хочу! Ваше бла-а-а... городие...

Барон, в ответ на эту тираду мягко отстранил ладони Луизы и присел на одно колено, так, чтобы видеть её красное и колючее лицо.

— Девочка моя, — сказал он почти ласково, прикладывая ладони к её щекам, — так ты сбежать хотела?

Луиза, в очередной раз подавившись всхлипом, кивнула.

— Луиза, зайчик мой, ты, наверное, забыла, — ещё более добро, почти как родной дедушка, произнёс барон. — Мы на войне, золотце. На войне. И ты, и я, и друзья твои, и даже тот стражник, что тебя поймал. Мы на войне. И выхода у нас тут только два: либо победить, либо умереть.

— Но я не могу-у-у-у, — протяжно взвыла графская дочка, выпуская из глаз очередную волну слёз.

— Я знаю, что не можешь, — почти перейдя на шёпот, продолжил барон. — Знаю, что не можешь. Но у тебя нет выбора. И у меня нет. И у твоих товарищей тоже. Понимаешь?

Девушка, судорожно дрожа всем телом, кивнула.

— Это хорошо, что понимаешь, — печально произнёс барон, поднимаясь во весь рост. — Это хорошо...

И вдруг в голос рявкнул:

— Луиза Торийская, дочь графа Торийского и ученица Ордена магов! За попытку дезертирства в боевой обстановке, за предательство королевства и своих товарищей, за малодушие и трусость перед лицом противника, я, властью данной мне королём, приговариваю тебя к смертной казни через повешение. Приговор привести в исполнение незамедлительно.

И с этими словами бросил верёвку, которую только недавно достал из рюкзака, одному из своих охранников.

Вопль Луизы нельзя было описать словами. Больше всего это было похоже на крик самки, у которой на глазах озверевший от крови хищник пожирает её же детёнышей, отнимая самое дорогое. Барон для Луизы был как раз тем самым хищником, покусившимся на самое драгоценное.

На её жизнь.

Площадь разом оживилась от возмущённых криков магов.

— Барон!..

— Нет, вы не посмеете!..

— Нельзя, ваше благородие, вы не можете!..

— Нет, Боги, нет!..

Стражники, ещё недавно державшие Луизу, вихрем метнулись к озверевшим ученикам, оттесняя их древками копий, не давая подойти к месту казни, на котором бородатый солдат уже связывал петлю.

Барон же, не обращая никакого внимания на протестующий вой, спокойным шагом удалился внутрь ратуши.

И только Линд ничего не кричал. Он стоял молча, вместе со всеми, шаг за шагом отступая под грубым напором стражников. Сын герцога лишь с немой яростью сжимал кулаки, глядя на захлопнувшуюся за бароном дверь.

— Прежде чем открывать рот, — произнёс барон, стоящий спиной к Линду, — лучше ещё раз обдумай всё, что ты собираешься сказать.

Командующий, успевший к этому времени уже надеть свой излюбленный красно-чёрный кафтан с чёрной лентой через плечо и нацепить на пояс ножны с мечом, никак не отреагировал на появление в своём кабинете возмущённого Линда. Не отрываясь от ночного широкого окна, он смотрел на площадь перед ратушей, где на ветру болтался едва видимый, но уже совсем остывший труп Луизы.

Линда, который к этому времени тоже успел привести себя в порядок и переодеться в фирменную кожаную мантию мага, это замечание несколько охладило. Однако сбить с толку сына герцога у барона не получилось. Он выскажет ему в лицо всё то, что о нём думает. И будь, что будет.

— Барон, хочу вам прямо заявить — вы тварь, — начал Линд. — Вы настоящий садист и тиран. Я уверен, что все ваши действия направлены лишь на одно — на компенсацию прошлых обид и неудач. Вы многое натерпелись в жизни, я понимаю, и вместо милосердия к страдающим, вы хотите лишь усугубить их несчастья. Хотите причинить такую же, если не большую боль, которую испытали когда-то сами. Я всё сказал, делайте что хотите.

На секунду зажмурившись, Линд ожидал любого исхода. Конечно, ему виделась только бешеная вспышка ярости, результатом которой вполне мог быть его хладный труп, распростёртый на мягком ковре баронского кабинета.

Однако реальность не оправдала его ожиданий.

— Значит, я тварь, — спокойно произнёс барон, дождавшись, когда Линд приоткроет один глаз. — Ну, хорошо.

И неожиданно приветливо махнув рукой, предложил:

— Садись. Поговорим.

Измученно скосив глазами по сторонам, Линд принял приглашение и на дрожащих ногах подошёл к гостевому стулу. Барон же со всеми удобствами развалился в хозяйском кресле, прямо напротив испуганного мага.

— Скажи мне, Линд, — начал барон, — как хорошо ты знаком с историей прошлой войны с Империей? А точнее, с историей прошлой битвы под Гетенборгом?

— Достаточно хорошо, — безуспешно стараясь сохранить в голосе остаток злых нот, ответил Линд.

— «Достаточно хорошо» — это как? — не унимался барон. — Из «Баллады о клинках»?

Линду ничего не оставалось, кроме как пристыженно кивнуть. Злость окончательно выветрилась из него холодным ветром спокойного тона барона, и теперь он прикладывал все усилия, чтобы не дрожать от страха слишком явно.

Ярость предсказуема, так считал сын герцога. А вот спокойствие невозможно предугадать.

— Не знал, что молодые люди теперь учат историю по трактирным песням, — произнёс барон, откидываясь на спинку кресла. — Ну, хорошо. Прочитируй мне ту же «Балладу...». Что там говорится обо мне?

Линд, прокашлявшись, пропел. Голос у него поставлен был отлично и, не смотря на волнение, молодой маг прекрасно справился со своей задачей. В конце концов, у какого нормального герцога нет денег на учителя пения для своего единственного сына?

«...Как при лесном пожаре, под стягом двух орлов

Пылая он прошёл. С негодованьем

*За ним струились с рёвом и гуденьем
Полки все наши, после себя лишь оставляя
Пламя и поленья...»*

— Неплохо, неплохо, — похвалил барон исполнение. — Учителя у тебя были отличные. Но сама песня дрянь редкостная. Знаешь, почему?

Линд, слегка застеснявшийся своего выступления и потупивший глаза в пол, вдруг резко поднял взгляд прямо на барона и неожиданно для себя самого сказал:

— В ней нет ни слова правды?

— Именно, — улыбнувшись подтвердил барон. — Ни единого слова. В ней я, словно заранее знал исход битвы, словно всё произошедшее — лишь мой хитрый план, что я загодя, наперёд просчитал все ходы противника.

Резко поднявшись, почти выпрыгнув из кресла, барон вновь повернулся к окну.

— Всё было не так... — после недолгой паузы продолжил он. — Совсем не так. Всё полетело к чертям в первые же минуты. Я стоял на левом фланге со своими солдатами во второй линии, в качестве резерва. Тогда они ещё не были Чёрным полком, — барон печально усмехнулся. — А где-то там, за рекой, разворачивался бой. Вспышки в ночном мраке, лязг, скрежет и крики, переплетающиеся с лошадиным ржанием. И я, двадцатилетний дурак, стою и смотрю на всё это зарево, кусая губы от досады, что я не там. Что даже моя жена, не покладая рук трудящаяся в полевом госпитале, ближе к передовой чем я.

Барон на секунду остановился, расплываясь в довольной ностальгической улыбке.

— Она красивая была, — произнёс он, оборачиваясь к Линду. — До сих пор не понимаю, что она во мне нашла? Явно не на мордашку мою клюнула, — барон с горькой усмешкой прикоснулся пальцем к щеке. — Но... что-то видать во мне разглядела. И больше никогда со мной не расставалась, ни в миру, ни на войне. Дай тебе, Линд, Боги такое же счастье. Дай всем нам...

— Я стоял и жалел самого себя, — как будто войдя в подобие транса, продолжал барон свой рассказ. — Сжимал кулаки до боли и порывивал на солдат. И тогда они побежали...

Барон тяжело вздохнул, усаживаясь обратно в кресло и почти не глядя на заворуженно слушающего Линда.

— Огромная и беспорядочная толпа рванулась через реку. С чужого берега. Она небольшая была, неглубокая, вброд перейти можно почти везде. Все в цветах королевского ополчения. Наши. Бросая оружие, знамёна и отставших. И все бегут, сволочи, бегут. А там она... Я знал, что она не отступила. Знал, что до последнего момента продолжала штопать, перевязывать и сшивать оторванные конечности. Она очень хорошо умела это делать. А эти бегут, бегут, твари!

Лицо барона моментально превратилось в жуткую маску гнева, в которой ярость и боль прошедших дней, нитью тянущиеся через половину его жизни, слились воедино литьём невидимого кузнеца.

— Я приказал выставить копья, Линд, — тихо почти прошептал барон. — Построиться, сплотить ряды и выставить копья. И рубить без всякой пощады любого, кто попытается перейти реку. Мои солдаты ошалевши смотрели на меня, я до сих пор помню блеск их глаз в той почти что светлой ночи. Смотрели и не понимали, как можно?.. Я первым подал пример. Первым снёс голову какому-то бедолаге, посмевавшему ступить на берег.

Барон тяжело вздохнул.

— Сперва они пытались нам что-то кричать, — продолжил он. — Потом стали

сопротивляться. Но куда там, такой-то трусливой толпе против хорошего крепкого строя? А мы рубили и кололи, не различая ни титулов, ни званий. И до них всё-таки дошло. Дошло, что единственная возможность выжить — это развернуться и идти на врага, выбивая себе право на жизнь с оружием в руках. И не поверишь, Линд, но они пошли. Развернулись и, кто с рёвом, а кто с плачем, кинулись на преследовавшего их врага. А следом за ними, уставшими и обескровленными, шли мы, свежие и подтянутые, в плотном строю и с развевающимися знамёнами.

— Я могу догадаться, что было дальше... — влез в монолог командующего Линд.

— Можешь, для этого не нужно быть семи пядей во лбу, — грустно произнёс барон. — Мы победили в тот день. Во многом потому что моя атака смогла смешать порядки имперцев на их правом фланге. Наверное, даже исключительно благодаря этому. Но когда мы зашли в тот самый госпиталь...

— Я понимаю...

— Ни черта ты не понимаешь, Линд! — вскипел барон. — Ни чер-та! Они все были мертвы! Все! Кровь была даже на потолке, везде отрубленные ноги, руки и пальцы. Имперцы перебили всех, не жалея ни раненых, ни врачей. А в каком-то замызганном углу, прямо на груди окровавленных тряпок, лежала она. Бледная, словно мел.

Барон, словно разом выдохнув весь воздух, что скопился в его лёгких за десять долгих лет, устало опустил кулаки на стол. Ударом это было сложно назвать, максимум — прикосновением.

Опустошённым до последней крайности прикосновением.

— С тех пор я не снимаю эту ленточку, — барон указал на чёрную ткань на своём плече. — Никогда, только если вместе с кафтаном. Просто для того, чтобы помнить, о чём клялся в тот день. Чтобы помнить, что я никогда не побегу, никогда не отступлю. И никогда не позволю сделать это кому-то другому.

— Я сожалею, — успокаивающей ответил Линд. Других слов у него попросту не было.

Командующий на это лишь махнул рукой.

— Ай, пустое. Скажи мне лучше вот что. Как ты думаешь, сколько в этом городе мужей, что любят своих жён?

— Не знаю, — честно ответил Линд. — Немало, наверное.

— Я тоже так думаю, — согласно кивнул барон. — А давай завтра найдём одного из таких мужей и спросим у него, правильно ли я сделал, повесив Луизу?

— Но... — попытался было возразить Линд, однако барон перебил его.

— Впрочем, зачем ходить так далеко? Давай лучше спросим у тебя самого. Правильно ли я поступил, повесив человека, с которым ты, как солдат, стоишь в одном строю, но на которого не можешь положиться? Который в любой момент может достать спрятанную верёвку и спуститься со стен, убежав в голубые края? И это хорошо, если просто убежав, а если наведавшись перед тем к имперцам?

Линд с силой сжал кулаки. Он знал, что своим честным ответом сейчас перечеркнёт что-то внутри себя. Что-то возможно и важное в мирное время, но так отвратительно и надменно пахнущее во время войны. Что-то на чём до этой самой секунды держался весь его уютный мирок, тонкая скорлупа, трещащая сейчас под ударами жизни.

И всё-таки, он не мог не дать этого ответа.

— Да, — с шипением и отвращением к самому себе произнёс Линд. — Правильно.

А на лице барона промелькнула печальная улыбка.

— Мне жаль, что тебе пришлось это признать...

Уже выходя из кабинета, Линд вдруг услышал ударивший его между лопаток окрик.

— Линд!

— Да, барон, — ответил он, оборачиваясь.

— Ты хорошо показал себя сегодня на тренировке, — уложив подбородок на сложенные в замок руки, сказал барон. — В отличие от этого идиота Холька. Принимай командование.

— Я? — удивился Линд. — Командование?!

— Что-то не так? — с извечной ехидцей спросил барон. — Кажется, это ты сейчас стоишь у меня в кабинете, беспокоясь о судьбе своих товарищей по оружию, пусть даже мёртвых, а не кто-то другой.

— Мне казалось, что вы меня ненавидите...

— А мне иногда кажется, что кур доят, — всё так же насмешливо произнёс барон. — Но ведь я не принимаю это на веру, правильно? Иди и приступай к своим новым обязанностям. Надеюсь, что ты справишься лучше. Потому что времени у нас почти не осталось...

— И Линд, — дополнил разом посерьезневший барон, когда сын герцога уже почти взялся за ручку двери. — Помни, что я тебе сегодня сказал. Я поклялся. Над телом жены поклялся, что убью любого, кто попытается побежать. Тебя это тоже касается. Как и каждого из вас. Помни об этом.

— Я помню, — так же серьёзно ответил ему Линд.

Не смотря на предрассветный час, никто и не думал спать.

Четверо магов молча сидели каждый на своей кровати, разобравши каждый свою точку, в которую они на протяжении всего долгого разговора Линда с бароном неотрывно смотрели.

На столе горела стопившаяся уже до половины жёлтая восковая свеча.

Сын герцога тихо отворил дверь, ловя на себе взгляды четырёх пар глаз.

— Ну, что? — спросила у него Марта, легонько поворачиваясь ко входной двери. — Выбора у нас нет, правильно?

— Выбора у нас нет, — тихо подтвердил Линд. — Выбора нет.

Иногда, в самые тяжёлые моменты, лучше промолчать. Или говорить совсем мало, если уж совсем никак.

Именно об этом думал Линд, медленно присаживаясь на край своей незаправленной кровати. Глаза его тут же поймали пламя свечи, весело трепещущее от лёгкого сквозняка. И в этом огненном танце юному магу чудилась вся его дальнейшая судьба, окрашенная в зловещий трепет золотистых имперских штандартов.

Но некоторые мысли лучше всё же держать при себе.

Например то, что выбора не было никогда. И ни у кого.

Хотя все всё прекрасно сами понимали.

— Сколько у нас времени? — спросил барон, сурово глядя в окно.

Прямо под окнами его кабинета искажённые стеклом фигурки рабочих суетливо носились туда-сюда, перетаскивая материалы и стуча инструментами. Третий требует, который так страстно желал барон, уже почти был готов, оставались лишь последние, финальные штрихи.

— Немного, — ответил виконт, с наслаждением разваливаясь в кресле и закидывая одну грязную ногу на другую. — Имперцы идут ускоренным маршем, но всё-таки их сдерживают здоровенные обозы, которые он с собой тащат. У нас ещё есть дня четыре. Не больше.

Барон кивнул, не открывая взгляда от суеты на площади.

— Удалось узнать, сколько их?

Виконт пожал плечами.

— Только примерно. Тысяч двадцать, вряд ли больше.

— Но всё равно в разы больше, чем нас, — дополнил барон.

— В разы больше, — согласился виконт. — Зато я узнал, кто командует.

— Так, — заинтересованно произнёс барон. — И кто же?

— Де Рюттенхойф. Ты его должен помнить по имперскому посольству в столице.

— Это у которого герб с чайкой? — кивнул барон. — Да, помню. В Империи власть захватили младенцы? Ему же что-то около двадцати?

Виконт усмехнулся.

— Он не сильно младше тебя, Гильем. Время быстро бежит. Но это всё же хорошая новость. Рюттенхойф блестящий командир, свежий, дисциплинированный и, что самое главное, умный. Но очень горячий. Очень. Готов поспорить, что, если у имперцев что-то пойдёт не по плану, у нас будут все шансы увидеть его во главе кавалерийской атаки.

Барон улыбнулся.

— Значит, будем ловить на живца. Четыре дня, Грегор...

— Этого достаточно, — уверенно отозвался виконт.

— И очень мало одновременно, — ответил барон.

Вздыхнув, он обернулся к Грегору, вальяжно занявшему его законное место.

— Отправляйся к своим, — приказал он, одной рукой сбивая закинутые друг на друга ноги виконта. — Мне нужна максимально полная информация о группировке Рюттенхойфа. Численность, полки, какие осадные машины они с собой везут. Словом, всё, что сможешь узнать. Ну, и постарайся их задержать. Постоянно их беспокой лёгкими налётами, но сильно не рискуй. Их «барабанщикам» на открытой местности за твоими кавалеристами не угнаться, так что возьми их в оборот, как только они перейдут реку.

Виконт поднялся, одновременно с этим протягивая барону руку для рукопожатия.

— Понял, Гильем. Всё сделаю.

— Я надеюсь, — ответил барон, крепко сжимая запястье товарища. — Ну, удачи. Боги с тобой.

И даже не проводив виконта взглядом, снова устал в окно.

Четыре дня...

День стоял прекрасный.

Полуденное июльское солнце, окончательно и бесповоротно вошедшее в свои права, и ещё не ощущавшее приближение рокового для него августа, старалось во всю. От немногочисленных луж отражалось бесчисленное количество бликов, заставляя Дарммол, неожиданно радостно переливаться тёплым летним светом. То один, то другой прохожий, привыкший за прошедшие недели понуро опускать голову и глядеть в основном себе под ноги, вдруг останавливался как вкопанный, ловя прищуренным глазом солнечного зайчика. И даже смурные солдаты гарнизона, которых вчера нагнали на стены вне всякой меры, то и дело растерянно улыбались, радуясь непонятно чему.

Как будто и не существовало впереди трёх дней тягостного ожидания, выматывающего сильнее, чем самый тяжелый бой. Как будто не было вражеской армии, уже наверняка перешедшей Вороний перевал и гремящей доспехами на полпути к городу. Как будто было только это самое жаркое солнце, только почти безбрежное голубое небо, чьё бесконечное полотно редко белело одиночными облаками. Но даже эти скупые мазки природы не делали пейзаж хуже. Наоборот, они органично дополняли его самим своим существованием, снова и снова намекая суесящимся внизу людишкам, чьи думы были полностью поглощены войной, отступлениями, наступлениями, муштрой и взмахами мечей, о самом главном.

О том, что истинная красота кроется прежде всего в изъянах.

Барон, сидя за своим излюбленным креслом, рассеянно смотрел на пяток небольших коричневых мешочков, аккуратно разложенных на столе. Старый вояка слегка щурился от яркого света, заливающего весь кабинет и отражающегося от ростового зеркала, висящего как раз около входной двери.

Пятеро юных магов молчаливо стояли напротив своего наставника. Из-за узости кабинета им пришлось слегка смять строй и сжаться небольшой и беспорядочной кучкой. Именно поэтому, низкорослая Марта, по несчастливому совпадению оказавшаяся за спинами своих рослых однокашников, изо всех сил тянулась на цыпочках, стараясь рассмотреть, что же происходит там, за высоченными юношескими макушками.

— Какой самый распространённый миф о магах? — невнимательно, ни к кому конкретно не обращаясь, спросил барон.

— Маги умеют читать мысли, — незамедлительно отозвался Пьер.

— А вы не умеете? — удивлённо распахнул глаза барон, отрываясь от медитативного созерцания мешочков.

— Ни капли, — подтвердил бывший воришка. — Даже самые умудрённые старпёры.

Барон весело хмыкнул, принимая шутку.

— Но вообще, я не об этом, — продолжил он. — Я о деньгах. Все почему-то клятвенно уверены, что маги умеют делать деньги буквально из воздуха...

— Потому что идиоты, — перебил его Пьер. — Преобразование одной материи в другую невозможно, это ещё на первом курсе проходят. Поэтому даже если маг вдруг наткнётся на ничейный золотой рудник, он ничего с ним сделать не сможет, кроме как отколоть кусочек породы. На память. И в лягушек мы тоже никого не превращаем.

— Ну, вот поэтому я вас здесь всех и собрал, — проигнорировал замечание барон и откинулся на спинку, уперев раскрытые ладони в край стола. — Новости дошли уже?

Вся компания мрачно кивнула. Новости эти трудно было игнорировать. Особенно когда их трижды в день горланит голосистый герольд на главной площади.

«Имперские захватчики... три дня пути... все к оружию... в едином порыве... стены города!...»

Нельзя сказать, что перспектива грядущего боя сильно пугала молодёжь. В конце концов, юность абсолютно не верит в смерть, и, возможно, именно потому она для неё практически неуязвима, что бы не говорили по этому поводу бородатые и высохшие философы. Скорее, юных магов больше беспокоила перспектива три дня полнейшего ничегонеделанья, которое грозило им после вчерашней отмены бароном всех тренировок.

Бессмысленное топтание на месте вообще выматывает больше, чем любое движение.

— Так вот, — продолжил барон, — поэтому я в своей великодушной милости решил устроить вам праздник. В каждом мешочке лежит по четыре золотые монеты, которые я

разрешаю тратить любым удобным способом. Нажритесь, наешьтесь до отвала в трактире, сходите по ба... — барон запнулся, заметив в заднем ряду прыгающую макушку Марты. — В бордель сходите. Это и тебя касается, юная леди, в Дарммоле есть парочка очень интересных... — командующий кашлянул, — заведений.

Пятёрка переглянулась, не до конца поверив в услышанное. Деньги? Барон? Бордели и вино? За три дня до осады?!

Деньги от барона на выпивку и разврат?!

От барона?!

Это было попросту невозможно. Это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Линд, за эти дни ставший самым проницательным из всех, даже слегка напрягся, ожидая очередной подлянки.

Но в этот раз интуиция подвела его.

— Я спрашиваю, вам всё понятно? — уточнил барон, наблюдая явное неверие в глазах учеников. — Взяли деньги — и бегом развлекаться. Считайте это приказом. Давайте, давайте, шевелитесь. Берём каждый по одному мешочку и растворяемся в чаде кутежа, чтобы я вас сегодня больше не видел. Но! — при этих словах барон сурово поднял указательный палец, останавливая начавшееся было движение вперёд. — Только сегодня. Завтра к полудню вы нужны мне свежие, трезвые и на боевых постах. Всё ясно?

— Да! — единым радостным хором ответили маги.

— Тогда, — барон сделал широкий жест рукой над мешочками с деньгами, — они ваши.

Массивный дубовый стол чуть сотрясся от почти одновременного прикосновения пяти пар рук и моментально опустел.

— Линд! — широко улыбаясь и хватая сына герцога под руку, позвала Марта. — Не сходишь со мной на рынок?

— На рынок? — удивлённо переспросил Линд, осторожно косясь на девичью руку, но от прикосновения всё же не отстраняясь. — А ты уверена, что он до сих пор остался? Мне казалось, барон выгреб все излишки подчистую.

— Уверена, — ответила девушка, задавая направление движения. Мимо них с громким топотом сбегая по лестнице, пронёсся Хольк, полностью поглощённый радостным предвкушением запрещённых в академии забав.

И совершенно не заметив необычной близости двух магов.

— Пока мы шли к барону, я успела заметить, что лотки на рыночной площади до сих пор стоят, — продолжила Марта, легонько придерживаясь за Линда, пока спускалась с лестницы. Линд, почти незамечающий невесомой и тёплой лёгкости девушки, совсем не возражал. — Наверняка продают всякую роскошь, которая во время осады совершенно не нужна. Витиеватую выпечку там, платья, церемониальное оружие...

— Хочешь обновить гардероб? — спросил Линд, представляя дорогое зелёное платье с широким вырезом на спине, в мечтаниях прекрасно сидящее на его подруге.

И нельзя было сказать, что воображаемая картина ему не нравилась.

— Не совсем, — зарубила на корню его мечтания Марта. — Хочу эклеров.

— Эклеров? — недоумённо спросил Линд, даже слегка тормознувший от неожиданности.

— Да, эклеров, — ответила Марта, нетерпеливо дёргая его под локтём. — Таких пышных, длинных, с нежным кремом внутри. Лучше всего ванильным. Или топлёным. В

крайнем случае — с ягодным. Но обязательно с кремом.

— Чего это тебя так торкнуло? — с насмешкой спросил Линд, едва заметивший, как за время разговора они миновали площадь перед ратушей и свернули на одну из длинных неприметных улочек, ведущих к рынку.

— Шутишь? Да я всю жизнь мечтала их попробовать! Отец однажды привёз меня на ярмарку, и пока он продавал нашего годовалого барашка, я стояла и смотрела, как какой-то надутый и разодетый индюк, примерно моего возраста, ел этот самый эклер. У него весь крем по губам размазался, а он всё кусал и кусал. Я тогда чуть слюной не захлебнулась, представляешь? Но отец в тот день ничего не смог мне купить. Мы-то каждый грош считали, не то что этот... А потом, в академии, как-то и не до этого было. Так что я себя ни за что не прощу, если перед смертью так и не попробую этот проклятый эклер.

Линд улыбнулся во всю ширь. В этой простой на самом деле истории, сквозило что-то настолько светлое, настолько приятное и естественное, что он не мог отказать ей. Не сейчас, не в этот тёплый и спокойный день, когда, кажется, должны исполняться любые мечты. Даже самые дурацкие. Тем более самые дурацкие.

Перехватив руку подруги покрепче, он произнёс:

— Ладно, пошли купим твои эклеры. Но только потом, чур, в трактир. Я уже Боги знают сколько времени не ел нормального, по-человечески прожаренного мяса. Идёт?

— Идёт! — радостно согласилась Марта.

— Даже не верится... — задумчиво произнесла Марта, задирая взгляд чуть вверх, в затенённую крышу трактира.

— Во что — не верится? — невнятно спросил Линд, дожёвывая последний кусок с кости.

Мясо было превосходным. Как и нежные эклеры с топлёным кремом, которые они, к восторгу Марты, действительно нашли на рынке. Сочная выпечка была поделена пополам, однако в трактире маги заказали каждый своё, едва сумев втиснуться в переполненное солдатами всех мастей помещение. Заказ пришлось ждать невероятно долго, и стареющая уже официантка честно предупредила, что запасы на исходе и добавки они могут не ждать, но это всё равно того стоило.

Даже за те бешенные деньги, что им пришлось выложить.

— Во всё это, — ответила Марта, всё так же не смотря на Линда. — Подумать только, всего три недели, как мы прибыли в Дарммол, а будто целая жизнь прошла.

С этим Линд не согласиться не мог. Он тоже чувствовал в себе перемены. Характер их, как и любой другой неглупый человек, он, правда, до конца осознать так и не смог. Но изменения эти ему, кажется, всё-таки нравились.

— Даже барон подобрел... — задумчиво произнёс сын герцога, вспомнив вдруг заплаканное лицо Луизы.

Марта мрачно кивнула. Даже в этом её безмолвном жесте Линду отчётливо слышался сарказм.

— Угу, подобрел. Скорее просто перестал тебя девственником прилюдно называть. Ты-то у нас теперь командир...

Уши Линда слегка порозовели.

— А мне вот что интересно, — старательно делая вид, что не заметила этого, продолжила Марта, — ты что, правда... ни разу? Я в том смысле, ну, ты же сын герцога! Да

и не урод в целом. Всякую прислугу и селянок должен был пачками валять...

Линд покраснел ещё больше. На этот раз всем лицом.

— Нет, — слегка запнувшись, соврал он. — В том смысле что нет, было! В смысле, да... ай, ты поняла короче...

От своей неловкости Линд стал совсем красным. Хотя ещё недавно казалось, что дальше было уже некуда.

Однако Марта словно и не замечала его лживой неловкости. Девушка задумчиво смотрела куда-то вдаль, за плечо мага. И даже оленьи рога, висевшие на стене прямо по направлению её взгляда, нисколько не смущали Марту, продолжавшую созерцать что-то важное и невидимое для окружающих.

— А вот у меня ни разу не было, — невозмутимо продолжала она. — Это тоже, наверное, обидно. Умирать вот так, ни разу не попробовав... Как эклеры.

Линда прошиб холодный пот, как и любого другого мужчину, сумевшего таки, вопреки своей природной нечуткости, распознать очевидный намёк в женской речи. В левый висок как будто воткнули ледяную стрелу, молнией вышедшую из виска правого. Он взглянул на Марту совсем по-другому, так, как никогда не смотрел до этого.

Милое округлое личико, не соответствующее костлявым ожиданиям придворной моды. Аккуратный нос, идеально подходящий к глубоко посаженным карим глазам, сливающимся с фоном распущенных каштановых волос. Всё это выглядело не только невероятно мило, несмотря на невысокородное происхождение, но и, неожиданно для Линда, по-настоящему красиво. Так, как надо.

И даже ввевшаяся под ногти чёрная крестьянская грязь, которую не в силах был отмыть ни один Орден в мире, нисколько не портила впечатление. Тем более, что её выгодно оттеняли две небольшие округлости, отчётливо выделяющиеся из-под плотной кожи мантии.

— Никто не умрёт невинным, — хрипло произнёс Линд, повторяя любимую присказку своего дяди. — Жизнь поимеет всех.

— И ты хочешь сказать, — с нарочитой грубость в голосе спросила Марта, — что не хочешь хотя бы попытаться поиметь её взамен?

— Хочу, — с трудом справившись с дрожью в голосе и косясь на лестницу, ведущую к гостевым комнатам, ответил Линд. — Очень хочу. Хотя бы попытаться...

Его рука нежно скользнула по липкой поверхности стола, накрывая ладонь Марты.

Девушка не противилась прикосновению.

— И я тоже хочу... — медленно, но решительно сказала Марта. — Очень-очень сильно хочу.

И никакие другие слова больше нужны не были...

*«In the night of surrender
In the full moonlight and the midnight game
Be the ghost and defender
And of glory be your name
In the curse of a nightmare,
In the end of time, fight a hurricane
Be the lightning, and thunder
And ignite the final flame...»
Powerwolf*

Строй вытянулся единой блестящей линией по всей длине стены.

Людей было много. Очень много для не самого большого города на юге королевства. Почти семь тысяч вооружённых мужчин, в полном оснащении стояли прямо, не шевелясь, ошалевшими, выпученными глазами смотря на небольшую процессию жрецов, важно проходящую мимо шеренги.

Нельзя сказать, что вся эта масса была однородной. С левого фланга, самого многочисленного и плотного, стояли ополченцы, вчерашние крестьяне и горожане. На их лицах, округлых и растерянных, отчётливо виднелась тень испуга, что все эти дни, заглушённая вином и суетой строевых занятий, удачно пряталась где-то в глубине их естества. Эти несчастные, взявшие в руки оружие не по собственному желанию, но от большой нужды, испуганно смотрели на жрецов, словно до конца не веря в то, что сражение действительно началось.

Чуть правее от них стояли остатки королевских сил, которым вместе с виконтом Ауденским удалось спастись после битвы при Гетенборге. Солдаты, посвятившие этому ремеслу почти всю сознательную жизнь, выглядели куда более организованно, чем их подневольные товарищи, однако и на их лицах читалась смертельная усталость. Они равнодушно провожали взглядом распевных жрецов, почти не меняя положения головы. Солдаты прекрасно знали, на что способны имперские войска, и видели, что вся эта толпа, численность которой могла поразить стороннего наблюдателя, не шла ни в какое сравнение с численностью имперских легионов.

А на правом краю стояли те, на которых и будет возложена основная тяжесть грядущего сражения. Разодетые в цвета барона, в чёрный и красный, бойцы Чёрных полков бородатые, все как один, гордо держали подбородки чуть задранными кверху, лучась собственной уверенностью и превосходством не только над остальными братьями по оружию, но и над священниками, проходящими мимо. Для человека несведущего возможно показалась бы странной такая надменность, однако любой, кто видел этих страшных людей в деле, мог бы заверить что солдаты Чёрных полков имели на неё полное право. Вот уже десять лет, не гордясь ни знатным происхождением, ни заслугами предков, землепашцы и ремесленники, завербованные бароном в его личную армию, кровью и потом доказывали свою верностью королевству и королю. И доказывали всегда результативно.

Они имели право гордиться собой. И имел право гордиться ими барон.

Долгая молитва перед боем продолжалась. Жрецы шли вперёд по длинной мощёной улице, раскинувшейся прямо у основания крепостных стен. Над небольшим

рассредоточенным шестиугольником витал тонкий дым кадильниц и раздавались монотонные песнопения, взывающие к Богам и умоляющие о снисхождении к солдатам и милости к сражающимся. Идущий в голове процессии патриарх, разодетый в длинную алую сутану, казалось и сам впал в религиозный экстаз, размахивая позолоченным кругом с двенадцатью спицами, символом единства Богов, на длинном шесте из тёмного дерева.

— Старый круг — не щит Богов, — тихонько произнёс Линд, стоящий, как и все маги, в строю рядом с бароном.

Тот коротко и согласно кивнул.

— Поэтому я вас и учил... — почти шёпотом ответил командующий, дождавшись пока патриарх пройдёт мимо. — Ты готов, Линд?

— Я... я не знаю, ваше благородие, — пытаюсь справиться с волнением, юный маг даже не заметил, что впервые обратился к барону по всей форме. — Кажется да, но... Когда всё началось под Гетенборгом, у меня никто ничего не спрашивал. Всё завертелось, закружилось, а я старался просто выжить. Теперь... я не знаю. Кажется, что на этот вопрос ответить намного сложнее, чем по-настоящему сражаться.

На лице Линда расплылась кривая, напряжённая, наполненная нервами улыбка.

— Именно так, Линд, — слегка повернувшись к сыну герцога, успокаивающим тоном ответил барон. — Именно так. Но знаешь, ты правильно сказал, сражаться всегда легче, чем думать. Так что просто делай то, что должен. И будь, что будет.

Юный маг кивнул дрожащий подбородком. Будь, что будет. И всё-таки очень сложно было не дрожать посреди этого ночного моря из редких островов чадящих факелов и волновых отблесков света от солдатских доспехов.

— Пора, — коротко произнёс барон, наблюдая как процессия жрецов заканчивает свои дела, и возносит руки к небу.

Чётким строевым шагом он вышел из шеренги. Взгляды тысяч людей одновременно приковались к этому не слишком высокому, не слишком статному и не слишком красивому человеку. К единственному, кто мог спасти их от неминуемой гибели. К тому, чьим именем пугают детей в империи, и от чьего титула замирают сердца восторженных юношей, грезящих о военной карьере, по всему королевству. Где-то слева, там, где стояли ополченцы, строй даже слегка нарушился, люди подавались вперёд, силясь внимательнее рассмотреть командующего.

— Солдаты! — громогласно начал барон, окидывая взглядом разом присмирившую шеренгу. — Я не буду долго говорить. Вы все прекрасно знаете, кто я такой и как заслужил своё имя. Некоторые из вас, будем честны почти все, поражены тем, с каким именно противником нам предстоит сражаться. Имперская армия подошла к городу ещё ранним вечером, заняв позиции на холмах к западу. Были высланы парламентёры, и на предложения сдаться я ответил отказом. Категорическим отказом! — барон повысил голос, особенно отмечая это предложение. — И больше шанса сдаться, я уверен, нам не дадут. Поэтому дерутся все, никто не сдаётся.

Барон взял короткую паузу в речи, давая время бойцам полностью переварить всё им сказанное.

— Некоторые из вас были при Гетенборге. Они знают, что там произошло. Остальные, я уверен, прекрасно слышали о том разгроме, и сейчас имперская военная машина кажется им непобедимой. И в самом деле, как можно драться с таким исполином? — голос барона барабаном гремел над безмолвным строем. — Они превосходят нас числом и выучкой. Они

накормлены, одеты, обуты и их боевой дух высок как никогда. Но здесь, перед вами, стою я! Человек, что на голову разгромил их десять лет назад. И который заявляет, что мы будем бить их снова! Будем бить на подступах к городу, будем бить на городских стенах, будем драться за каждую улицу и каждый дом, если дело примет совсем скверный оборот. И мы не отступим! Я знаю, что за всю свою речь я не предложил вам ничего кроме пота, труда и слёз, но знайте, что я даю вам ещё и надежду. Мы победим! В этом вам клянусь я, Чёрный барон, Ужас Гетенборга. А теперь... — барон замолчал, согнув руку с распахнутой ладонью в плече. — На стены!

Строй, словно монолитная стена звука, громогласно грянул воинственным кличем в ответ на слова барона. Даже расхлябанные и одуревшие ополченцы как-то сразу подтянулись, а в их блестящих от страха глазах начали плясать искрящиеся огоньки злобы и того весёлого, с примесью ярости, равнодушия к любым опасностям, что и отличает настоящего пса войны от вчерашнего простолюдина. Единая шеренга начала распадаться на отдельные фрагменты, на несвязанные между собой прямоугольники, блестящие отражённым факельным и лунным светом и оцетинившиеся доспехами и оружием. Слитая масса народа пришла в движение и медленно, словно не раскачавшись до конца, направилась к крепостным башням, чтобы с громким топотом подняться по лестницам и занять позиции на стенах.

— Ну, вот и всё, — развёл руками Пьер, наблюдая за тем, как солдаты разбиваются на отряды. — Началось.

— Началось, — коротко подтвердил Линд, скользя взглядом по западной стене, на которой пока ещё было полным-полно места, только редкие часовые стояли с копьями наперевес.

Маги собрались в небольшой кружок, резко выделяющийся своей хаотичностью посреди прилива из ровных армейских прямоугольников.

— Наверное, нам тоже стоит разойтись по позициям... — неуверенно начал Марк, однако так и не окончил мысль, казавшуюся ему слишком неподъёмной, чтобы говорить о ней в одиночку.

Время разговоров окончательно прошло. Можно было тяжело вздохнуть, можно было недоумевающе оглядываться по сторонам в ожидании ровного и чёткого приказа, можно было хорохориться и в лживом нетерпении переступать с ноги на ногу, как это делал Хольк, но суть от этого не менялась. Сражение началось, и каждое слово, необдуманно сказанное в этом кругу не одноклассников уже, но друзей, могло стать по-настоящему последним.

Именно эта мысль давила всех к земле, именно она не давала насладиться последними, утекающими из-под пальцев мгновениями спокойствия. Но никто не решался говорить открыто, хотя, казалось бы, самое время.

Иногда, в самые тяжёлые моменты, лучше промолчать. Или говорить совсем мало, если уж совсем никак. Линд прекрасно понимал это.

Понимали и все остальные.

— Марк прав, лучше занять позиции, — первым решился разорвать гнетущую тишину командир небольшого отряда. — Все свои помнят? Пьер?

— Северная стена. С ополчением, — коротко кивнул бывший вор. По его кислой гримасе очень отчётливо можно было понять, какого именно он мнения о воинских талантах рекрутов.

— Хорошо. Марк?

— Восточная стена, — ответит тот, поправляя съехавшие на нос очки. — И так как атаки с той стороны не ожидается в ближайшее время, на мне ещё руководство артиллерией.

— Понял, — кивнул Линд. — Хольк, ты что?

— Южная, — то ли ответил, то ли сплюнул северянин. — Та же история, что и у Марка: с моей стороны имперцы вряд ли попрут. Но я очень на это надеюсь.

— Хорошо, — произнёс Линд, как бы подводя итоги. — Мы с Мартой будем на западной стене. Скорее всего туда и будет основной напор. Ну, — сказал он, протягивая руку Хольку, — удачи.

— Удачи, — неожиданно сердечно ответил северянин на рукопожатие.

Мужчины поочередно обменялись прощальными жестами, а Марта, неумело скрывая небольшие капельки влаги по углам глаз, торопливо обняла каждого.

Уже когда товарищи разошлись по сторонам, на бегу путаясь в длинных полах своих мантий, Линд почувствовал, как в его раскрытую и расслабленно опущенную ладонь вдруг тихо, словно струи какой-то жидкости, втекают тонкие девичьи пальцы. Юный маг обернулся только для того, чтобы увидеть широко раскрытые глаза Марты, глядящие на него снизу вверх, и задающие один-единственный на всём белом свете вопрос, который действительно может быть важен для женщины, стоящей рядом со своим мужчиной.

И Линд вдруг понял, что всё это было напрасно. Что не нужны были ни изнуряющие тренировки, ни показательная казнь слабенькой и трусливой Луизы, ни матерные вопли барона. Ничего из этого. Только широко раскрытые карие глаза, глядящие на него с тем воистину первозданным выражением, благодаря которому и продолжается поныне человеческий род.

От этого взгляда у Линда вдруг закружилась голова. Он даже чуть качнулся, будто бы снова почувствовав удар сапогом барона под дых. Но устоял. И понял, что будет стоять всегда, чтобы не случилось, как бы не повернулся исход боя, лишь оправдать то нежное доверие, которым наградила его, отчаянно краснеющего и врущего в тот судьбоносный день в трактире, молодая деревенская девушка, вынужденная теперь решать судьбу королевства.

А над его головой с жутким воем и грохотом пронеслись огненные снаряды крепостных требушетов, буревестники начавшейся битвы.

Наскок кавалерии оказался малорезультативен.

Всадники виконта действительно неожиданно появились из-за пригорка, рассчитывая одним лихим ударом сбросить сапёрную команду имперцев в крепостной ров. Виконт, судя по всему, лично возглавлял атаку, находясь на острие кавалерийского клина. По крайней мере, об этом красноречиво говорил штандарт с его гербом, которым головной всадник размахивал с невероятной оживлённостью.

Не срослось.

Отряд прикрытия вовремя заметил нападавших. Из-за тяжёлых прямоугольных щитов, прикрывающих сапёров, что забрасывали ров фашинами, раздались грубые и отрывистые команды на незнакомом языке, часть отряда отделилась от основной массы и выставила копьё, построившись выгнутым полумесяцем.

Всадники, слава Богам, успели затормозить. Страшно было даже думать, что случилось бы, налети отряд виконта на подготовленные копьё. Кавалерия, здраво оценив бесперспективность дела, ушла по касательной, отправив в бездну лишь парочку имперцев, непонятно как выбившихся из строя.

А сапёры всё-таки свою работу сделали. Ров был засыпан, замкнутый прямоугольник крепостной речки оказался перекинут небольшим соломенным мостиком в пять-семь шагов шириной. Тем не менее, не смотря на ненадёжность конструкции, командующий имперцев решил воспользоваться открывшейся возможностью. Бесконечный бой на подступах к городу, то приближающийся к границам рва, то откатывающийся под ливнем стрел обратно, шёл без перерыва уже почти вторые сутки. Имперский командир явно рассчитывал на быструю победу и хотел взять город с наскока, так что все планы барона, рассчитывающие разбить первый натиск имперцев об максимально укрепленные северную и западную стену, пошли прахом. Дарммол оказался в кольце и бой шёл со всех сторон.

Холька сложившееся положение вещей, однако, не могло не радовать. Особенно учитывая тот факт, что именно на его позиции к полудню показались имперские осадные лестницы, направляющиеся к узкой соломенной перемычке.

Северянин злобно рыкнул, врезаясь плечом в грудь имперскому солдату, что одним из первых забрался на стену. Они не смогли задержать наступающих, не смогли опрокинуть лестницы. В том числе и по его вине. Не достаточно быстро швырял ледяные глыбы, недостаточно разрушительные творил заклятия. Хольк был уверен, что если бы это была не настоящая война, а какое-нибудь командное соревнование, он и тут, и там ловил бы разочарованные и упрекающие взгляды сослуживцев. Мол, из-за тебя, недоучки, проиграли.

К счастью, вокруг кипел самый что ни на есть реальный бой, в котором нельзя было проигнорировать удар деревянным тренировочным мечом и продолжить битву. Плотный строй солдат отчаянно рубился с небольшой кучкой имперцев, что словно весенний бутон расцвели на ровной каменной ветке крепостной стены. И ни у кого не было ни времени, ни желания кидать осуждающие взгляды. Так же как у Холька не было возможности их ловить.

Имперцы призывно орали, буквально втягивая на стену своих товарищей. Обороняющиеся грубо огрызались, медленно отступая, каждый свой шаг обозначая выпадом плотного копейного строя.

— Маг! — хрипло заорал длинноволосый сержант какого-то отделения. — Маг, ну давай! Давай, родненький!

Хольк злобно ухмыльнулся.

Его заклинания давно уже не давали никакого результата. Фляга с вином, которую бароновы люди предусмотрительно заполнили вином чуть ли не под пробку, уже давно показывала дно, а его личные силы были на исходе. Одна, ещё максимум два заклинания — и всё. Конец пьесы, нарисованный бледными мазками магического истощения на лице Холька.

Двое суток непрерывной рубки оставили свой след даже на таком крепыше, как северянин.

И вдруг он услышал. Ещё секунду назад Хольк готов был поклясться, что в неутомном шуме битвы невозможно вычленить хоть один внятный и одиночный звук. Однако он услышал. И сразу всё понял.

Очень сложно не понять, если подобный звук идёт из самого детства. Проходит тонкой красной нитью сквозь всю твою жизнь и отзывается голосом давно погибших предков.

Улыбка северянина стала ещё шире, ещё злобнее и яростнее. Где-то там, на периферии слуха, недоступной остальным его сослуживцам, он отчётливо разобрал глухой барабанный бой. Словно откуда-то из уголков глаз, из мёртвой зоны его зрения, куда никак невозможно повернуть головы, вырастает невидимая и грозная рать тех, кто был до него, тех, чьё место

уже давным-давно в бесконечном зале Громоваго края.

Тех, кто лучше него самого знает, что надо делать.

Барабанный бой становился всё громче и громче с каждой секундой. Хольк, словно всю жизнь ждавший этой минуты, рванулся вперёд, выпадая из копейного строя, в котором он со своим одноручным топором был словно собака на заборе. Одним прыжком он взлетел на зубцы крепостной стены и, не обращая внимание на удивлённые возгласы обороняющихся, широкими прыжками, поочерёдно меняя толчковые ноги, рванулся вперёд. Он уже видел бледно-ледяные, чуть-чуть синеватые молнии, указывающие ему последний путь.

Бум-бум, гремят барабаны.

Хольк прыгнул напрямиком в центр порядка имперцев, уже в полёте занося топор для удара. Лезвие с силой вошло в голову какому-то бедолаге, не спас даже металлический шлем, на котором отчётливо промелькнул мазок походной грязи. Громко зарывчав и без усилий выдернув топор, северянин перекрутился вокруг своей оси, очерчивая для себя небольшой пяточок свободного пространства.

Откуда-то сбоку послышался пронзительный вопль падающего со стены имперца.

Но это не волновало Холька. Его глаза, чуть передёрнувшиеся пеленой от быстрого бега, во всём бешеном калейдоскопе боя вдруг заметили одну, самую главную цель. Два металлических, сильно изогнутых крюка осадной лестницы, натужно хваткой вцепившихся в камень крепостной стены. Всего лишь одно движение, и всё будет кончено.

Молнии были всё сильнее, всё чаще. Военская рать, старая, древняя словно мир, аккуратно ведущая род Холька от самой зари времён, уже не молчала. Она раскатисто пела, сотни голосов сливались в унисон, вытягивая воинственные и понятные не слухом, но подсознанием, слова.

Северянин понимал, что времени у него мало.

Перед его взором вдруг возникло искажённое гневом лицо какого-то имперца, сильно замахнувшегося коротким мечом. Короткое, почти даже скупое движение, которое сам Хольк вовсе не заметил, и лицо исчезло, отброшенное неведомой силой куда-то вглубь вражеского порядка. Ещё шаг. Ещё на шаг ближе к лестнице.

Двое надели на него с разных сторон. Один удар северянин сумел заблокировать, выбив у нападавшего оружие из рук. А вот второй пропустил. Левая рука тут же отозвалась чертой острой и холодной боли, что-то мокрое и обжигающе горячее брызнуло в подмышку. Правда, имперец тут же пожалел о своём поступке, захлебнувшись раздробленным от удара топором кадыком.

Ещё шаг. Предпоследний.

Ещё немного. Молнии видны уже отчётливо, а перед глазами северянина стоят массивные деревянные ворота, медленно и со скрипом отворяющие одну из тяжёлых створок.

Громовой край.

Медленно, высоко занося ногу, Хольк делает ещё один шаг, не обращая внимание на резкий взрыв боли чуть выше крестца. Топор с грохотом, оставшимся незамеченным в свалке битвы, вываливается из правой руки. Грубые ладони сами падают на металлические крюки, крепко обхватывают их и, напрягая все возможные мышцы, медленно отрывают их от раскрошившегося камня. Тяжёлая осадная лестница, нагруженная к тому же ещё и поднимающимися имперскими солдатами, тягуче ползёт вверх, поднимается всё выше и выше...

Ещё один рывок, последний, сконцентрировавший все оставшиеся жизненные силы в один тугий пучок, и осадная лестница с разочарованным воплем раздавленных имперцев летит вниз, отрезая от подкреплений отряд на стенах.

Плечо северянина взрывается металлической болью. Кусающие поцелуи меча покрывают его спину, руки, открывшуюся от усталого падения израненного тела шею. Но Хольку уже всё равно. Он лишь силится плюнуть в последний раз во врага, отчаянно булькая перерезанным горлом.

Но не успевает.

Ворота Громоваго края открываются, оттесняя весь остальной мир тьмой навсегда опущенных век.

— Чёрт тебя дери! — дико заорал Пьер, запуская ещё одну ледяную глыбу в надвигающуюся громаду осадной башни.

Уставшее вечернее солнце последним своим взмахом в уходящем дне лениво мазануло мага по глазам. Бывший вор лишь раздражённо поморщился, быстро меняя позицию и чуть отступая в тень крепостной башни, туда, где надоевшие за целый день лучи не смогут до него добраться. Солнце, как оказалось, вообще было достаточно большой проблемой. Пьер с его полуночным прошлым прекрасно это понимал, и лишь жалел своих товарищей на восточных и западных стенах, куда беспощадное светило дотягивалось всей своей мощью. У него же, на севере, всегда был хотя бы самый минимальный тенёк, в котором он мог укрыться и без лишних преград швырять заклинания, не отвлекаясь ни на яркий свет, ни на слезящиеся глаза.

Правда, в этот раз проблема была явно не в солнце.

Бои за город шли уже целую неделю. Имперцы лезли как проклятые, совершенно не считаясь с потерями. Видимо, их главнокомандующий был человеком всецело безжалостным, не испытывающим никакого почтения к человеческой жизни. Иначе подобное упорство вражеских солдат и ежедневные, прекращающиеся лишь на короткие усталые часы бои Пьер объяснить никак не мог.

Конечно, не обладая полной стратегической картиной, маг никак не мог знать, что захват Дарммола, а значит и овладение Южным трактом королевства было первоочерёдной и важнейшей задачей, поставленной командиру имперских войск. Впрочем, бывший вор и не стремился заполнить пустоту в своих познаниях. Всё, что сейчас его занимало — это бешенная усталость, делавшая сознание Пьера похожим на серую кожуру фрукта, из которого с силой выжали всю влагу.

Правда иногда, в минуты краткой передышки, бывший вор со сладостным наслаждением вспоминал последние деньки перед боем, когда ему, под завязку набитому баронскими казёнными деньгами, удалось как следует отвести душу.

Но подобные мысли во время боя его не беспокоили. Сейчас все раздумья мага были направлены на то, как вообще остановить эту проклятую всеми двенадцатью Богами башню, продолжавшую медленно, словно черепаха, ползти к стене.

Стоит отметить, что имперцы всё же добились кое-каких успехов. Ров был уже в нескольких местах основательно засыпан, так что врагу удавалось подтаскивать к городу серьёзные осадные машины. Постоянно то с одного, то с другого направления поступали сообщения о том, что имперцы вошли на стены. Во время одного из таких прорывов пять дней назад погиб Хольк. Друзьям даже не удалось его как следует помянуть, как раз во время

скупого похоронного вечера прозвучал набат, заставив магов отставить недопитые бокалы и со всех ног мчаться на стены.

А на следующий день было то же самое. Грохот осадных механизмов, панический людской рёв, звон металла об металл и яростная гонка со временем и остатками придающего сил вина. Кто быстрее закончится: маг или алкоголь?

И снова, и снова, и снова... Дни сливались воедино, тянулись резиновой спиралью, раскалённым прутком входя в окоченевший от усталости деревянный организм.

На сколько их ещё хватит в таком темпе?

Тем не менее, пока имперцев удавалось отбрасывать. В город они так и не вошли. И Пьеру очень хотелось, чтобы так продолжалось и дальше. Однако он, делая в данный момент всё для этого возможное, понимал, что скорее всего в дело придётся вступать вымотавшейся до предела пехтуре.

Машина осадной башни медленно продвигалась вперёд. Вот уже можно разобрать суету имперских теней, мелькающих за высоким лобовым бортом. Вот лягнула массивная цепь, медленно опускающая дрогнувший осадный мостик...

А лёд, стихия Пьера, оказалась абсолютно бесполезной против этого исполина.

Юный маг в отчаянии перебирал в уме магические пассы. И не находил ничего подходящего. Ледяные стрелы просто-напросто не пробивали грубую кожу, которой была обшита башня. А если и пробивали, то не наносили достаточного урона живой силе внутри. Стрелы арканы, до того прекрасно испепелявшие тяжелобронированных пехотинцев напрямик в доспехах, работали только против живой силы, разбиваясь о любой другой материал снопом красивых, но не имевших никакого эффекта фиолетовых искр...

Стоп!

«Испепелявшие...»

Осознание пришло к Пьеру, словно удар по затылку. Он понял, что надо делать. Правую ногу назад, чуть упереться в серый камень стены. Левую руку выгнуть по направлению заклинания, правую...

Нет. Ничего не выходит. Пламя — это для людей ярких, быстрых и яростных. Его же стезя — лёд. Тот самый лёд, который прошибает вора при звуке хозяйских шагов, заставляя хладнокровно, не тратясь на лишние эмоции, быстро придумывать путь отхода...

Вокруг Пьера разом поднялся человеческий вихрь из рук и ног защитников крепости. Кто-то кого-то куда волок, мелькали копыта и клинки, тёрлись друг о друга мельчайшие кольчужные петли. И вся эта суета невероятно мешала Пьеру, очень неестественно стоящему посреди этого круговорота и безуспешно пытающемуся сосредоточиться.

Левая рука вперёд, так... нет, пламя это не его. Его стихия — это лёд. Холод отмычки, прислонённой на счастье к горячей щеке, иглы морозного сугроба, в котором извальяли мальчишку-неудачника громилы-телохранители купца, к которому тот имел несчастье залезть в карман...

Вихрь человеческих конечностей усиливался. Вокруг кипела жизнь, кипело движение выстраивающихся в боевой порядок солдат, готовых отразить атаку. Кто-то постоянно дёргал Пьера за полы мантии, что-то невнятно гудя на ухо и пытаясь его куда-то утащить. Всё это невероятно раздражало молодого мага.

Левая — вперёд... Нет, нет, нет, всё не то! Для этого нужна ярость, нужен гнев, нужна яркая, быстрая, живущая всего мгновение вспышка, на которую Пьер, хладнокровный до последней степени уличный бродяжка, попросту не был способен...

— Ваше магичество, ваше магичество, ваше магичество... — скороговоркой гудело что-то над ухом Пьера.

Левая... Хватит болтать!

— Да заткнись ты уже! — резко повернув голову прокричал Пьер прямо в лицо какому-то сержанту, ошалевшему от столь неожиданного натиска.

И тут...

Оранжевый туман, который столько раз на тренировках безуспешно пытался вызвать Пьер, вдруг сам собой потёк из его нелепо расставленных рук. Неведомые вихри магии закружили мельчайшие частички, формируя из них нечто тёплое, круглое и одновременно с этим дышащее таким невероятным зарядом энергии, что хотелось в ужасе отшатнуться, закрыться полами мантии, закопать голову в песок. Что угодно, лишь бы оказаться как можно дальше от материального воплощения той симфонии разрушения, что готовилась сорваться с рук мага.

Огненная вспышка, настоящая глыба огня вдруг метеором рванулась вперёд, уронив на задницу собственного создателя и раскидав в стороны первые ряды наступающих имперцев, а затем громким разрывом ударилась о деревянную стену где-то в глубине осадной башни. Пламя занялось моментально. Всепожирающий огонь, словно только и ждал этого момента, распространялся с невероятной скоростью, за секунду объём весь верхних ярус башни и рванувшись вниз, к самому её основанию.

В воздухе тошнотворно повеяло горелым мясом. Прорыв захлебнулся в закатном огне осадного исполина, так по сути и не начавшись.

Чья-то крепкая рука схватила Пьера за шкуру, поднимая одуревшего мага на ноги.

— Эка вы ловко их, ваше магичество, — с явным удовольствием произнёс всё тот же сержант, заботливо отряхивая пыльную мантию Пьера. — Я-то, болван, думал что вы того уже, а вы вона как... ну, будет мне, дураку, наука.

Маг медленно повернулся в его сторону, глядя на солдата выпученными и полными восторженного изумления глазами.

— У меня... — начал он, слегка подрагивая и запинаясь, — у меня вообще-то это впервые в жизни получилось.

Барон удовлетворённо хмыкнул, глядя из своего кабинета, как занимается весёлым огоньком осадная башня имперцев.

Закат давал таинственный и романтический отсвет, наталкивая на недвижимые конусы крепостных башен. Игра света и тени на фоне разворачивающегося боя не на шутку завораживала барона. Особенно прекрасно ощущалась эта картина одновременно с осознанием того, что имперцы, кажется, выдыхаются.

Барон ещё раз удовлетворённо хмыкнул и, оторвавшись от созерцания вечернего пейзажа, и подошёл к своему рабочему столу, на котором была разложена схематическая карта города. Вот уже неделю он держал рядом с аккуратным квадратом пергамента отгрызок красного карандаша, каждый день готовясь схематично зачеркнуть одну из стен, занятую имперцами.

На лице барона играла усталая улыбка. За целых семь дней ему ни разу не довелось воспользоваться карандашом.

И кажется, не возьмут до самого конца. За сегодняшний день было всего три атаки. В два раза меньше, чем вчера. А взмысленных гонцов с сообщениями, примерное содержание

которых заключалось в коротком: «Всё пропало, шеф!», — не было вовсе. И свидетельствовать это могло лишь об одном.

Первый натиск Дарммол выдержал.

Улыбка барона погасла одновременно с тем, как он притронулся к резному красивому кубку, почти доверху заполненному вином. Первый натиск они выдержали, да. Но кто знает, сколько их ещё будет? Что будет, когда имперцы возьмут город в по-настоящему плотное кольцо, блокада в данный момент — не в счёт, это так, баловство? Что будет, когда начнётся настоящий измор, когда имперцы развернут собственные баллисты и требушеты, когда пристреляют их?

Барон не знал ответа на эти вопросы. И никто не знал. Однако результаты первой недели вселяли хоть какую-то надежду. По крайней мере, после деэскалации боёв можно будет дать людям хоть какую-то передышку.

Барон устало вздохнул, отрываясь от карты.

Настоящая работа только начиналась.

Тёмное ночное небо вдруг резко осветилось длинным пламенным хвостом неведомой лисицы.

Что-то зашипело, затрещало, а затем с чувством ухнуло и грохнуло. Тут же, не выдерживая ни секунды паузы, со стороны куда прилетел снаряд, раздался протяжный, полный отчаяния и боли, женский вой.

Но на Марка все эти страдания, оказавшиеся где-то там, за далёким горизонтом восприятия, не произвели никакого впечатления. Рассеянно протирая снятые очки широким рукавом своей мантии, он замороженно смотрел на чёрный провал неба, по которому с ведьмовским воем нёсся ещё один снаряд. Длинная огненная дуга закономерно показалась из-за кажущейся небольшой преграды крепостной стены, лениво закончила свой разгон, на мгновение замерев где-то на Ремесленным кварталом, а затем с тем же грубым мужицким оханьем рухнула вниз. И вновь по кишашим муравьиным шевелением ночным улицам, заполненным пожарными командами и паникующими погорельцами, пронёсся надрывный от ужаса стон.

Молодой маг снова оставил его без внимания. Сейчас этого тонкого и сострадательного юношу, непонятно каким образом попавшего на факультет именно боевой магии, занимали куда более важные вещи. Правда, ведь что такое разбитые осколки одной или двух несчастных судеб, что такое изломанное об суровое колено имперского артиллериста счастье одного человека по сравнению с жизнями сотен и тысяч?

Слепой и размытый взгляд мага цеплялся за рваные раны, оставляемые на теле небосвода имперским обстрелом. Задумчиво почесывая обросший щетиной подбородок, Марк продолжал безмолвно перекидывать в голове бесконечные ряды чисел, абсолютно никак не реагируя на царящую вокруг суету. Математика и точный расчёт, от которых он бежал из родного дома, не в силах выносить бесконечный педантизм собственного отца, сейчас изо всех сил помогали ему, кипя в воспалённых мозгах варевом из формул, равенств и уравнений.

«Три икса возводим в куб, плюс константа... Нет, не получается...»

Расчёты не сходились. К его, Марка, сожалению, и к новым воплям горожан.

— Ваше магичество... — подобострастно заблеял тщедушный инженеришко, ответственный за требушет. — Ваше магичество, нам бы это... Нам бы приказы.

— А? — отвлёкся наконец от воображаемых формул маг, с удивлением, словно впервые в жизни, заметив мямлящего инженера. — А, да, конечно. Приказы. Базу на десять градусов выше.

— Не получится, ваше магичество, — робко возразил инженер. — Мы стреляем на пределе дальности, дальше никак. Дальше мы только параболу увеличим, а до имперцев не добьём.

Марк лишь рассеянно махнул рукой, мол, выполняйте. Маг и сам знал, что не выйдет. Большого из имеющейся артиллерии выжать не получится. Нужно больше, нужно выше, нужен новый рычаг, ещё длиннее, ещё массивнее, нужен противовес...

Но откуда всё это взять под непрекращающимися обстрелами?

Две недели назад, когда имперцы прекратили-таки свои бесконечные атаки, Марк было даже обрадовался. И совсем не обращал внимания на хмурое выражение лица барона, угрюмо брюзжащего, что это лишь передышка, что имперцы ещё всем покажут, где раки зимуют. Магу, опьянённому секундной победой, было куда интереснее провожать отступивших на время имперских солдат матерной бранью с высоты крепостных стен и покатываться со смеху, наблюдая, как в насмешку демонстрируют врагу свои интимные части тела защитники города. В целом, молодого мага нельзя было винить в подобной беспечности. В те дни похожее ликование охватило весь Дарммол. Немногочисленные оставшиеся в городе купцы распорядились отпереть свои неприкосновенные запасы и отпаивать солдат всем, чем только можно. До потери всякого человеческого облика, как выразился один из подобных меценатов, важный и пухлый, раздобревший от вина и вида королевского знамени, гордо реющего над одной из так и не взятых крепостных башен.

Предчувствие скорой и решительной победой охватило город. Ему поддались не только солдаты и ошалевшие от собственной неуязвимости молодые маги, моментально забывшие и усталость, валящую с ног, и даже гибель Холька. Оно охватило и высокопоставленных офицеров Чёрных полков, и даже самого виконта, обычно сдержанного и хладнокровного, которого видели в компании одной из дорогих куртизанок и с улыбкой во весь рот. И ни у кого, даже у самого последнего бродяги, непонятно как не удравшего при первых новостях о приближении имперцев, не оставалось сомнений в благополучном исходе дела.

До тех пор, пока с неба не посыпался огненный дождь.

Барон был прав. Как всегда, этот вечно хмурый, недовольный, безжалостный и циничный вояка оказался прав. Имперцы и не думали бросать дело на половине, получив по зубам во время лобового штурма. Они утёрлись, перегруппировались, дали несколько дней защитникам города, чтобы те окончательно уверились в собственной безнаказанности...

А затем открыли огонь.

Имперская армия не отступила. Она просто изменила тактику. Многочисленные полки расползлись вокруг города, обняв его черными, смертельными объятиями. Хмурые и спокойные инженеры, не чета тому ничтожеству, что чуть ли не со слезами на глазах носился вокруг трёх несчастных крепостных орудий, размеренно, никуда не торопясь, развернули артиллерию. Настоящую артиллерию, массивную и угрожающую, отчётливо возвышающуюся над ровными рядами солдат, совсем не похожую на городских карликов. И принялись поливать Дарммол из всего, чего только можно, не прекращая канонаду ни ночью ни днём. Делая только коротенькие перерывы на смену прислуги и, видимо, на обед. По крайней мере, иначе объяснить небольшой промежуток тишины между полуднем и часом дня Марк никак не мог.

Маг так же понимал, что с этой проблемой нужно что-то делать. И желательно — как можно быстрее. Пока снаряды миловали, нанося повреждения в основном жилой застройке, почти никак не затрагивая оборонительные сооружения и склады с продовольствием, но Марк понимал, что это дело времени. Гарнизонная артиллерия, в виду своей маломощности, никак не могла достать до имперских осадных монстров и поэтому вражеским инженерам оставалось лишь методично вести огонь, пристреливая орудия. И маг готов был поклясться, что дело у них не стоит на месте, особенно учитывая кучность попаданий, растущую не по дням, а, казалось, по часам.

Марк знал, что ответным огнём эту проблему не решить. Что кому-то всё-таки придётся выйти за пределы наивно кажущихся безопасными крепостных стен, совершить самоубийственную вылазку и разрушить орудия. И Марк прекрасно понимал, что барону наверняка уже пришла в голову та же мысль.

Не нужно было обладать серьёзными дедуктивными способностями, чтобы понять, кого назначат добровольцами.

Но это были проблемы завтрашнего дня, завтрашнего Марка. Он не прислушивался к уличному гвалту, силясь расслышать в это гомоне торопливый бег гонца с роковым донесением. Юный маг стоял посреди главной площади Дарммола, растерянно протирая очки и глядя на величественное в своей монументальности ночное небо, изредка озаряемое косыми линиями падающих снарядов.

Очередной грохот раздался совсем близко. Через улицу.

— Я знаю, знаю, знаю! — раздражённо оправдывался барон, злобно хлопнув ладонями по грубо сколоченному столу так, что подлетела чернильница, стоявшая на самом краю. — Я сам вам тысячу раз говорил, что вы не вояки, что ваше место не в первом ряду, что вы отсиживаться должны за спинами солдат и колдовать себе. Хольк этого так и не понял, и потому погиб. Я знаю! Но выбора у нас нет.

— Барон, это буквально самоубийство, — резко, нетерпящим возражений тоном ответил Линд, закидывая ногу на ногу. — Вы отправляете нас прямиком на смерть.

Сын герцога вдруг завалился на подлокотник кресла, на котором, вальяжно развалившись, выслушивал соображения барона. Далеко вытянув руку, он резко выхватил у рядом сидящего Пьера длинную трубку и тут же сунул её кончик себе в рот, глубоко затягиваясь.

— Дай мне тоже, — требовательно и раздражённо попросил барон, вытягивая ладонь. — Угу... ф-фы, ф-фы... так о чём это я? — невнятно проговорил он, выпуская кольца дыма.

— О том, — ответил Линд, — что вы буквально предлагаете нам самоубиться об имперские копья в тщетной попытке сжечь проклятые требушеты и лишив тем самым Дарммол магической поддержки.

Совещание шло уже почти час. Ближе к полуночи к каждому из магов прибыл посланник от барона, призывая их немедленно явиться на командный пункт, расположенный в крепостной башне западной стены. Там, по словам гонцов, их уже ожидали.

Барон действительно ждал их всех, устало оперевшись на грубый стол, на котором в свою очередь лежал рваный пергамент топорно нарисованной карты окружающей местности. Только сейчас Линд заметил, как сильно сказались прошедшие дни на

командующем. Его морщины, и так не добавлявшие миловидности барону, стали ещё глубже и многочисленнее. Старые шрамы, белеющие на усталом лице, как будто ещё сильнее въелись в кожу, разделяя физиономию на несколько неравных частей. Щетина приобрела кабанью жёсткость и под небольшими волосками серели мелкие кусочки отпавшей кожи.

Но всё довершали красные глаза. Два красных, невыспавшихся, глотнувших гари пожара овала невнимательно, будто бы сквозь, смотрели на вошедших магов и не понимали, кого собственно они сейчас видят. Этот взгляд казался настолько диким для всегда, даже во время ранней утренней тренировки, бодрого и свежего барона, что в первый момент Линд невольно отшатнулся.

Барон действительно наводил ужас, оправдывая своё прозвище. Причем в равной степени как на врагов, так и на союзников. И если первые видели в командующем фигуру какого-то древнего демона, поднявшегося с самых глубин бездны, то перед вторыми вставал как будто образ самого горящего Дарммола. Израненного, бешено уставшего, но всё же несломленного. Пусть даже в голову и закрадывалось подозрение, что недолго ему осталось.

— Линд, чёрт тебя дерит... — обречённо протянул барон, медленно опускаясь на какой-то нелепый табурет. — Ну ты меня-то за дурака не держи. Думаешь, я не понимаю? Думаешь, я просто так, из-за своей прихоти, из-за шапкозакидательской прихоти кидаю вас на убой? Вот! Подойди, посмотри.

С этими словами барон поднялся со своего места и подошёл к узкой вертикальной бойнице, указывая на неё протянутой рукой. Линд подошёл следом.

— Видишь? — спросил командующий, указывая куда-то вдаль. — Вот за теми холмами их позиция, это установили точно.

Ночной пейзаж, раскинувшийся перед взором Линда, не давал особенно чёткой картины. Правда, для юного мага этого и не требовалась. Пейзаж поля боя он заучил до мельчайших подробностей во время долгого бдения на крепостных стенах.

Вдалеке действительно маячили небольшие холмы, за которыми заревом военного лагеря пылали имперские позиции. Движение не затихало ни на секунду. Даже отсюда, с достаточно приличного расстояния, можно было отчётливо различить разного рода копошения. Вот отправился куда-то в темноту кавалерийский разъезд из трёх всадников. Вот скрипнула телега, подвозя камни, которые через несколько минут полетят в сторону города. Вот кто-то промаршировал, кто-то взмахнул руками...

Но над всем этим военным великолепием, завораживающим не столько своей красотой и утончённостью, сколько грубым напором и стихийной силой, возвышались конструкции, которые даже самый последний дурак ни за что не смог бы проассоциировать со стихией и природой. Гигантских размеров требушеты, высотой почти с крепостную башню, порождения человеческого гения, разрушительными монументами вздымались над лагерем имперцев, олицетворяя собой всю грандиозную несокрушимость завоевателя.

Они действительно поражали. Все три штуки.

— Понимаешь, о чём я говорю? — спросил барон. — Это не требушеты, это натуральные горы. Я до сих пор не понимаю, как имперцам удалось протащить их через Вороний перевал. Пусть даже и в разобранном виде. Это не работа для обычных солдат, Линд, пусть они будут хоть трижды диверсантами. Эти твари стоят прямо посреди лагеря имперцев, любой отряд, будь он хоть сборищем невидимок, будет разорван в клочья прежде, чем успеет хотя бы приблизиться к одному из них. Уж не говоря о том, чтобы поднести факел и подпалить орудия. Нет, Линд, это как раз задача для вас, как бы мне не хотелось

этого признавать. Налететь, прорваться через часовых, как нож сквозь масло, сжечь требушеты разом, не размениваясь на такие мелочи как масло, открытый огонь и прочие глупости. Просто уничтожить всё одним махом, как Пьер ту башню, и так же неожиданно уйти, не дав имперцам очухаться. Только тогда у нас есть хоть какой-то шанс.

— И успех или неудачу этого единственного шанса вы решили возложить на нас, правильно? — ехидно уточнил Линд.

— Ничего весёлого в этом нет, — произнёс барон, отходя от окна и поворачиваясь к магу спиной. Командующий вновь жадно затягиваясь дымом из трубки, не обращая внимание на слегка обиженный взгляд Пьера. — Совсем нет. И не на одних вас. С вами пойдут ещё мои люди. Немного, человек десять, не больше, крупную группу неизбежно засекут ещё на подходе. Но они лучшие, Линд. Собаку съели на подобных делах, настоящие висельники.

— Десяток солдат и наша четвёрка. Против всего имперского лагеря. И выбора, как я понимаю, у нас нет? — спросил сын герцога.

Барон неожиданно повернулся к нему, скрипнув каблуками.

— Я бы не хотел тебе приказывать, Линд, — обратился к магу командующий, с какой-то совершенно несвойственной ему печалью в голосе. — Очень не хотел бы. Но если придётся — не буду раздумывать. Помнишь, о чём мы говорил в моём кабинете?

— Помню, — отрывисто кивнул Линд. — Даже если бы я очень хотел забыть — не смог бы. Мы готовы, барон. У нас время на отдых?

— Нет, — отрезал командующий. — Могу дать максимум час на подготовку, пока я собираю людей. Не более. Обстрел крепчает с каждой минутой и промедления мы себе позволить не можем. Возьмите с собой те мечи, которые я вам выдал, запаситесь вином. Помолитесь, кто как умеет. Через час жду вас здесь. Всё понятно?

— Так точно, ваше благородие, — формально ответил Линд, словно очерчивая какую-то невидимую черту между командующим и своим отрядом. — Явится через час.

— Линд... — устало начала было барон, однако осёкся на полуслове и, устало махнув рукой, вновь опустился на своё место. — Кадно. Не важно. Идите.

Четверо магов один за другим покидали комнату, устало передвигая ноги и не глядя на барона, уткнувшегося локтями всё в тот же дурацкий стол. Но сейчас старый вояка был этому несказанно рад.

По крайней мере никто из молодых магов не увидел его обнажённые, сжатые до боли в отчаянном оскале зубы.

Подошвы Линда глухо стукнулись о камень стены.

С силой сжав толстый канат плотной связанной верёвки, юный маг с шумом выдохнул сквозь сжатые зубы. Где-то там, наверху, он прекрасно знал это, с волнением глядит вниз Марта, переступая с ноги на ногу и никак не находя себе места от волнения. И пусть ночная мгла и искривлённые грубые зубцы стены скрывали от него происходящее, картина чётко стояла перед глазами. Юный маг знал, что Марта волнуется, знал, что нервно тербит пальцами чуть оторванный уголок кармашка на её мантии, знал, потому что на её месте поступал бы точно так же.

Но, в конце концов, именно он командир. Именно его распроклятый барон назначил ответственным за всю их группу. И потому Линд, к своему невероятному облегчению, был избавлен от непереносимых мук ожидания, первым из всей четвёрки спускаясь по

крепостной стене.

Метр за метром он преодолевал расстояние, отделяющее его от нарисованной грубым мазком одного из Богов, примятой травы, растущей у основания стены. Короткими прыжками, как показал ему один из людей барона, крепко хватаясь за канат и бесконечно матерясь, Линд опускался всё ниже и ниже, молясь про себя, чтобы верёвка, обмотанная вокруг одного из зубцов, вдруг неожиданно не порвалась с печальным треском.

В конце концов, расстояние всё ещё оставалось приличным.

Люди барона, все как один с бородатыми и неприметными лицами, уже ждали его внизу, без движения замерев полукругом. Их чёрные плащи замечательно маскировали солдат на фоне пасторального и равнинного пейзажа вокруг города, и магу приходилось сильно напрягать зрение, чтобы разглядеть хоть сколько-нибудь смутные силуэты. Линд очень надеялся, что и его плащ, брат-близнец солдатских, сработает так же хорошо, скрыв мага от ненужных глаз.

Колени Линда слегка подрагивали.

Страха, кроме моментального, относящегося лишь к этому проклятому спуску и врезающейся в ладони верёвке, не было. Что казалось Линду, абсолютно уверенному в том, что идёт и ведёт свою группу на верную гибель, странным. В голове, к которой маг старательно прислушивался в эту краткую минуту покоя, растягиваемую физическими нагрузками, не было абсолютно ничего. Лишь какие-то немислимые волны спокойствия, отчётливо отдающие солью морского прилива, медленно перетекали внутри черепной коробки, не оставляя место ни злости, ни страху.

На один краткий миг этого нового для себя чувства, Линд вдруг почувствовал отчётливое душевное родство с теми грубыми солдафонами, что ожидали его внизу. Они так же спокойно приняли приказ командующего, так что уверенно показали нервным магам принцип спуска со стены, и без лишнего волнения ждали их сейчас у основания, равнодушно зыря по сторонам в поисках врагов. Они не спорили, в отличие от сына герцога, не закатывали барону истерик, и не рвали той связи, что неожиданно протянулась между матёрым воякой и желторотыми юнцами. Он просто делали своё дело. Наверняка всё с теми же чёрными волнами спокойствия в головах.

Линд и сам не до конца понимал, почему именно он так разъярился на барона. Юный маг и сам осознавал, что этот приказ надо выполнить. Разрушительный обстрел нужно было прекратить любой ценой, и Линд бы без ропота отдал собственную жизнь, лишь бы увидеть, как горят проклятые требушеты, но...

Но был и скандал, и демонстративное пренебрежение теми хрупкими доверительными отношениями, что удалось им с бароном выстроить между собой. Почему так? Зачем это нужно было, если нет ни страха, ни гнева, ни злости? Зачем, если Линд с его играющей в жилах голубой кровью, безропотно был согласен на собственное самопожертвование, на собственную гибель?

Линд усмехнулся, в очередной раз отталкиваясь от не до конца остывшего за весь жаркий летний день крепостного камня.

Наверное, потому что сейчас, хватаясь за тонкую нить не внушающей доверия верёвки и колыхаясь из стороны в сторону на ночном ветру, он говорил только за себя? Он не мог знать, что сейчас творилось в головах у его товарищей. Мыслили ли они точно так же, как и он сам или жаждали как можно быстрее сбежать из осаждённого города, сверкая пятками? Может быть, им давным-давно осточертела вся эта война и весь этот выматывающий

ежедневный труд, сжатые в единственное пульсирующее желание жить. Хотя бы ещё один день, ещё один час, ещё одну секунду. Но жить.

И Линд вдруг с удивлением понял, что именно из-за этого и не может подвести всех разом под плаху, на которую сам бы с радостью положил голову.

Дело было даже не в сословных различиях, отдаливших бы четвёрку магов друг от друга в любое другое время, нет. Линд самолично пересёк эту кровную черту, цепко держа Марту за руку все эти долгие недели. Дело было в ответственности, которую вдруг чётко и ясно сам для себя осознал Линд. Ответственности за всех, за их жизни и здоровье, которыми так легко («А легко ли?» — молнией пронеслось в мыслях герцогского сына) готов был пожертвовать барон ради успеха общего дела.

Ясное понимание новой действительности, оказавшейся для мага полной неожиданностью, раскалённым гвоздём пробило череп. Он только сейчас осознал, как крепко сросся с ролью командира, так неожиданно свалившейся на него в роковую ночь казни Луизы.

Линд стиснул зубы, ощущая наконец под ногами мягкую податливую землю. В последние дни он почти не вспоминал образ молодой девушки с грязным зарёванным лицом, болтающейся в петле на городской площади. В любое другое время эта жуткая картина наверняка бесконечно мучила бы его в ночных кошмарах, но во время осады у него не было сил задумываться о прошлых смертях. Их и так хватало ежедневно. Но сейчас, видение вдруг промелькнуло перед глазами своей посиневшей шеей и тошнотворно вываленным языком.

И где-то на краю слуха раздался грубый гогот чем-то рассмешённого Холька.

Больше никто не умрёт. Никто и ни за что. В этом Линд готов был поклясться всем святым, что у него было в жизни.

Кроме, наверное, размытого девичьего силуэта, вступавшего на зубец крепостной стены на фоне бледного лунного света.

Линд, уверившись, что спуск проходит нормально, обернулся и зашагал по направлению к ожидавшим его бойцам.

Больше никто не умрёт...

Ведущий боец сделал быстрый жест, подняв к плечу сжатый кулак и безмолвным приказом указывая на опасность.

Вся группа немедленно упала плашмя, растянувшись на уже начавшей подмерзать земле и накинув на головы капюшоны. В отличие от тренированных солдат барона, маги с эти последним, но очень важным жестом слегка замешкались.

Плащи, которыми их предусмотрительно снабдил барон, были настоящим чудом. Мало того, что они как можно плотнее облегалы силуэт, защищая в том числе и от нередких прикосновений влажного ночного ветра, так ещё и сама ткань была сделана таким образом, что просвечивала изнутри, давая хороший обзор даже с накиннутым капюшоном.

И поэтому весь отряд прекрасно видел двоих часовых, появившихся на пригорке.

Имперские солдаты, судя по всему, не слишком ответственно относились к своей службе. По всем правилам им предлагалось идти на расстоянии двух вытянутых рук друг от друга, чтобы исключить возможность одновременной ликвидации каждого из бойцов. Однако эта парочка и не думала соблюдать устав. Тащились они почти вплотную, то и дело прикладываясь к общей бутылке. Что конкретно там плескалось, никто понять не мог, но судя по удушливому сивушному запаху — явно не вино.

— Расслабились, — шёпотом констатировал сержант барона, наблюдая за тем, как двоица вновь скрывается за холмом, — даже обход до конца не закончили.

— Ну конечно, — поддакнул другой солдат. — Они тут почти месяц стоят, а мы ни одной вылазки до их пор не сделали. Как виконт с началом блокады в город зашёл, так их никто больше и не беспокоит.

— А я так думаю, — добавил третий, — баба с возу — кобыле легче.

— Ша, — грубо оборвал готовящуюся разгореться дискуссию всё тот же сержант. — Хорош пи... — но обернувшись на лежащую где-то позади Марту, осёкся, — трындеть. Пошли мешки ворочать.

Солдаты довольно забурчали. И именно по этому неразборчивому гомону становилось ясно, что они действительно профессионалы.

Стать мастером не трудно. Важно лишь любить свою работу.

— Так, — обратился к магам командир отряда. — Слушайте сюда. За холмом уже имперцы, прямо их непосредственный лагерь, в восточной части которого, то есть с нашей стороны, и находятся требушеты. Стоит объяснить, что их там кишмя кишит?.. Вот и славно. Значит, план такой: мы идём вперёд, снимаем часовых, а вы лежите здесь как мышки, ждёте нашей команды. После этого бегом, как можно ниже прижимаясь к земле, пересекаете холм. У нас будет, судя по всему, минуты две до того момента, как пропажу этих пьянчуг заметит очередной патруль. Если сильно повезёт, то мы за это время как раз успеем добраться до первого орудия.

— А если нет? — спросил Линд.

Солдат развёл руками.

— Тогда нам придётся прорываться с боем, — равнодушно ответил он. — Если поймёте, что дело совсем швах, на нас даже не смотрите, бегите к орудиям и жгите всем, чем только можете. В любом случае, имперцы не дураки и моментально заметят огромное кострище посреди их лагеря. Так что сражение начнётся почти одновременно с тем, как вы метнёте первое заклинание.

— А отходить как будем? — не отставал от бойца Линд.

— В полном беспорядке, — криво ухмыльнулся солдат. — Главное — это сжечь требушеты, все помнят? Про отход барон ничего не говорил.

Губы сына герцога сжались в тонкую ниточку. Он с отвратительным ощущением скользнул верхним рядом зубов по нижнему, скривившись от омерзения.

«Про отход барон ничего не говорил...». Именно этого Линд и боялся.

— Но вообще, расслабьтесь, крольчата, — слегка успокаивающим тоном продолжил сержант. — Что-нибудь да придумаем. Нам главное ведь чутка к стенам подойти, а там лучники нас прикроют. Так что все шансы выбраться живыми у нас есть. Особенно, если кто-то из вас, умников, догадается подпалить вражинам конюшни.

При этих словах боец хитро подмигнул.

Но смутный, едва уловимый в предрассветной тьме жест, не сильно успокоил Линда. Он прекрасно понимал, что слова сержанта не более чем похвальба, зеркальное отражение типичного мандража перед боем. А может — лишь жалкая попытка вдохнуть спокойствие в робеющих магов.

И судя по тремору рук, который отчаянно пытался скрыть сын герцога, попытка эта потерпела полный провал.

— Ну, — перевал затянувшуюся тишину командир отряда, — начали. Пошли, мужики.

Весь десяток баронских солдат будто только и этого ждал. Чёрные силуэты, прижимая тела к земле, быстро и безмолвно поползли вверх по склону, не обращая внимание ни на острые камни, легко проникающие сквозь ткань плащей и пребольно впивающиеся в локти, ни на приличный склон, который по идее должен был свести на нет всякую попытку передвигаться ползком.

Линд же, неуклюже повернув голову и не меняя положения, краем глаза оглядел свой отряд. В последнее время они были какими-то совсем пришибленными и молчаливыми. Не то что было много поводов для радости или ставших уже привычными едких пререканий, но тишина всё равно угнетала. И, как казалось Линду, не только его одного.

— Ребята, вы как? — спросил он полушёпотом, лёжа на животе и глядя куда-то вбок.

— Нормально, — слышался тихий и безэмоциональный голос Пьера. — Нормально, командир.

По спине герцогского сына пробежали холодные мурашки. Командир. Не Линд, не ехидное «ваше высочество». Командир.

Юный маг не мог сказать, что подобное обращение ему понравилось. Он был Линдом. Вот тот ехидный шкет — Пьером, а очкарик — Марком. А ещё где-то сзади лежала женщина, которую он взял себе, но которой так и не успел придумать ни одного ласкового прозвище, по-дурацки называя её полным именем.

Отчего-то этот факт особенно выводил из себя Линда. Почему-то ему казалось такое короткое и очень личное прозвище чем-то невероятно важным, тем, что обязательно нужно успеть сказать сейчас, пока мясорубка ещё не началась. Но заставить себя почему-то не мог. А ещё маг очень сильно боялся, что Марта тоже обратится к нему так, словно прикрываясь от их близости этим идиотским «командиром».

— Хольку бы это понравилось, — криво и неестественно паясничая, попытался развеселить он товарищей. — Даю руку, он бы сейчас весь извёлся, а то и вообще махнул туда...

Шутка, очевидно дурацкая и нелепая, заглохла на полуслове. Юный маг сам не захотел её заканчивать, понимая, как глупо всё это звучит. Слова поддержки, все такие неважные и наивные, вертелись в голове пчелиным роем, но хоть сколько-нибудь внятную конструкцию Линд из них связать никак не мог.

— Всё хорошо, Линд, — пришёл ему на помощь тихий голос Марты. — Правда, хорошо. Мы нормально. Мы столько пережили за последние недели, что лично мне действительно уже не страшно. Не дави ты из себя.

Щёки Линда мгновенно вспыхнули алым от счастья облегчением. «Линд». «Линд»! Не «командир»...

— Правда, Линд, — поддержал вдруг девушку очкарик. — Мы понимаем, что ты хочешь нас подбодрить, поднять боевой дух, как в детских сказках про рыцарей, но не надо. Это так не работает в жизни. Давайте просто сделаем дело и уберёмся отсюда живыми и здоровыми? Идёт?

— Поддерживаю, — глухо кивнул Пьер, слегка зарываясь подбородком в землю.

— Ну, тогда, — начал Линд, одновременно потянув руку к поясу, на котором висела фляга, — по глотку? А то сейчас начнём уже.

— По глотку, — согласились все.

Правда вышло немного больше, чем глоток. Беспокойство всё-таки взяло своё, и маги хорошенько приложились к фляжкам с вином, не столько восстанавливая магические силы,

сколько приглушая страх, что тёрся занозным брусом где-то внизу живота.

Линд едва сумел различить тихий-тихий свист, донёсшийся со стороны лагеря.

— Вот и всё, — констатировал он очевидный всем факт. — Пошли.

Прижимаясь гуськом к земле и отчаянно пыхтя, маг и сам на замечал, как играет на его лице счастливая улыбка. В ушах до сих пор шелестел тихий голос Марты, называющий его по имени. И именно этот не звук даже, но само воспоминанием о нём, окончательно уверило Линда, что дело он сделает.

Чего бы это ему не стоило.

Требушеты будут сожжены.

Весь вражеский лагерь смешался в блестящий калейдоскоп.

То тут, то там из кругов света и тени выплывали какие-то лица, покачивая длинными копьями на плечах. Какой-то часовой заметил смутное движение, попытался закричать, но тут же булькающе захлебнулся кровью, хлынувшей в глотку из пробитого насквозь надпочечника. Где-то вдалеке сердито всхрапнула лошадь, недовольная таким количеством пробегающих мимо людей.

Одна тёмная палатка с храпящими в ней солдатами сменила другую. Перед глазами проносились аккуратные деревянные настилы войсковых складов, навесы арсеналов, ошестинившиеся оружейными стойками, кучи случайного конского навоза, отблески широких солдатских костров, бороды, клинки, взволнованные лица друзей.

Из света в тьму, из тьмы в свет. Но дорога здесь всё равно было только одна.

Линд вспомнил, как, ещё в бытность студентами, Пьер в шутку рассказывал про особенности воровской жизни.

— Каждый раз, — говорил он, — когда приходится залезать в чей-то дом, в голове как будто факел зажигается. И пока он горит — время у тебя есть.

Тот самый воображаемый факел зажегся и в голове Линда, едва только он переступил невидимую черту, отделяющую вражеский лагерь от всего остального мира. И магу отчётливо казалась, что он только что догорел наполовину.

А до первого из требушетов оставалось чуть меньше сотни метров. Чуть меньше сотни наполненных вооружёнными до зубов часовыми, случайными интендантами и слугами, придиричивыми командирами, вышедшими на ночной воздух проверить соблюдение буквы устава, метров.

Но факел продолжал гореть. И юный маг отчего-то был уверен, что метры эти они обязательно пересекут.

Дальше Линд не заглядывал.

— Готово, — буркнул сержант, приподнимая полог какой-то особенно длинной палатки, загораживающий отряду обзор на артиллерийские позиции.

Требушеты открылись во всей своей монструозной мощи. Вблизи они впечатляли ещё сильнее, ещё твёрже приковывали взгляд. Казалось, будто они вот-вот рухнут под собственным весом. Но, тем не менее, машины оставались недвижимы. Свет от ярких костров, освещающих путь прислуге и наводчикам, приятно ложился на бледное дерево, из которого были сделаны орудия. Лишь только кончики их исполинских рычагов, устремлённых к небесам, оставались темны, словно завязнув в болоте ночного мрака.

С грохотом прокатилась деревянная тачка, наполненная солидных размеров валунами, которую толкал перед собой замыленный и раздетый до пояса мускулистый солдат.

Бесцеремонно размахивая руками и раздавая зуботычины направо и налево, суетился инженер, готовя орудие к стрельбе.

— Маги, слышите, — обратился к четвёрке сержант. — Они уже заряжают. Надо сейчас бить, пока ещё имеем преимущество. Они нас не ожидают, первую дуру пожжём легко. Возможно, даже прислугу успеем порезать.

— Хорошо, — соглашаясь, кивнул Линд. — Марк, тогда на тебе огненный шар. Целься ближе к основанию, чтобы у огня как можно большая площадь распространения была. Сержант, как только мой человек выпустит заклинание, рвитесь вперёд. Перебейте инженеров и обеспечьте нам коридор ко второму орудию.

— А отсюда до второго не достанете? — поинтересовался солдат.

— Нет, — раздражённо отмахнулся Линд. Тот самый факел в его голове уже чадил последними искрами. — Слишком далеко. Сержант, нужно действовать быстро, вы всё поняли?

— Так точно, — формально отозвался сержант, подсобравшись и обнажая одноручный меч.

Его примеру последовали и все остальные бойцы.

— Марк?..

— Готов, — коротки кивнул маг, поправляя очки.

— Тогда по моей команде, — Линд поднял руку. — Три... два... пошёл!

Вспышка огня с рёвом вырвалась из палатки, по кривой спирали заходя на цель. Имперский инженер, ещё недавно такой важный и переполненный собственным достоинством едва успел раскрыть рот от удивления, как огненный шар с диким грохотом ударился почти в самое основание требушета. Все деревянная конструкция, ещё недавно казавшаяся такой непоколебимой, занялась пламенем почти мгновенно, как-то покачнувшись и затрещала, ни в силах ничего противопоставить магическому огню.

— Вперёд! — медведем заревел сержант, поднимая своих бойцов в атаку. — Резать всех, никого живьём не отпускать! Дать магам проход, быстро, быстро!

Не смотря на внешнюю первозданную ярость, что, как могло показаться со стороны, полностью овладела солдатами, действовали они грамотно. Артиллерийская прислуга, неповинная ни в чём, кроме перетаскивания тяжёлых стенобитных камней, даже не успела поднять руки. Бойцы барона выстроили живой прямоугольный коридор, ведущий к следующему требушету, стоящему чуть левее.

— Пошли, — скороговоркой проговорил Линд и сам первым метнулся вперёд, не обращая внимания на то, последовали ли за ним остальные.

А вокруг разверзся настоящий хаос. Огромный факелом, вытянутым к небу, ревел требушет. От всего грозного механизма отваливалась то одна, то другая часть, давая понять, что дни его сочтены.

Имперский лагерь ожил в момент, словно пчелиный рой, завидевший в круглом провале дупла овальную мордочку шершня. Прогуливающиеся вальяжным и небыстрым шагом, слегка хмельные часовые хватались за оружие и торопливо бежали по направлению к огненному столбу, ещё недавно бывшему требушетом. Из расшитых золотом массивных офицерских палаток выбегали командиры, растерянно вертящие головами по сторонам, но очень быстро разбирающиеся в ситуации и спешащие к месту боя. Из какого-то особенно богато украшенного шатра вальяжно вышел стройный и высокий молодой человек с приятными чертами лица. Выслушав короткий доклад одного из адъютантов, он пошёл

багровыми пятнами и, грубо кликнув личную охрану, рванулся к конюшням.

Где-то в центре лагеря прогудел призывный рог. Рой пришёл в движение.

— Вот теперь-то начнётся, — мельком услышал Линд запыхавшееся замечание Пьера.

Бежать они не переставали. Расстояние до второго требушета стремительно сокращалось, бойцы, коротко огрызаясь на пока ещё единичных нападавших, медленно пятились за магами.

Во второй раз чисто сработать не получилось. У второго орудия уже стояли, построившись жидким строем, несколько имперцев, по всей видимости, оказавшихся ближе всех. Марта, не снижая скорости, прямо на ходу метнула в них своё любимое заклятие, фиолетовую стрелу арканы. Имперец, оказавшийся в центре попадания, исчез мгновенно, даже праха не осталось. Остальных же раскидало взрывом в разные стороны, моментально сломав хлипкую живую преграду.

— Марта! — крикнул Линд, оборачиваясь в сторону подруги. — Справишься?

Та лишь коротко кивнула, вставая в стойку. Ещё одна огненная стрела взревела, осветив и без того яркий от количества костров имперский лагерь и с повторившимся гулом ударила в борт требушета.

Вспыхнул ещё один гигантский факел.

— Отлично, — пропыхтел сержант, подбегая к Линду. На его широком лбу блестела тонкая ниточка из капель пота. — Ещё один, и можно домой.

— Что там с имперцами? — спросил Линд лишь на секунду останавливаясь, чтобы не сбить дыхание.

— Прибывают, — коротко и отрывисто отрапортовал солдат. — Но твой друг это ловко придумал, с обрушением-то. Орудие свалилось им прямо на голову, так что пыл поубавился. Есть немного времени.

Линд недоумённо посмотрел на сержанта, не понимая, про какое именно обрушение он говорит. И вдруг понял, что именно за громкий треск он слышал во время бега.

Сосредоточенное лицо мага слегка тронул довольный оскал.

— Но чую я, — продолжил сержант уже на ходу, — что с третьим у нас так просто не выйдет.

Линд никак не отреагировал на замечание бойца, полностью, как и весь остальной отряд, сосредоточившись на беге.

И только добравшись до третьего орудия, Линд понял, насколько прав оказался сержант.

Их уже ждали. Плотный строй, все в полном облачении, при оружии, от недавней паники и беспорядочности не осталось и следа. Живая и двигающаяся машина для убийств, выставившая ровный ряд копий, и даже успевшая развернуть боевое знамя. Брат-близнец той, что стояла за стройным прямоугольником готовых к бою солдат.

— Твою! — выругался резко затормозивший сержант.

Небольшая кучка солдат барона моментально выстроилась полукольцом, защищая магов от фронтального удара. Имперцы, видимо только сейчас осознав истинную численность нападавших, радостно взревели, предвкушая лёгкую добычу и по команде какого-то офицера, неистово машущего штандартом, двинулись вперёд.

Краем глаза Линд заметил, что движение началось и во флангах. С обеих сторон к отряду потихоньку, явно не желая привлекать лишнего внимания, подбирались небольшие группки куда менее организованных, но всё так же горящих жаждой боя солдат.

Времени оставалось всё меньше.

— Марта! — крикнул Линд, раздавая указания. — На тебе левая сторона. Пьер — на тебе правая. Марк, прикрой тылы, требушетом займусь я!

Вот и всё. Колоссальная конструкция оставалась пусть и на порядочном расстоянии, но сё же в пределах досягаемости заклинания. Нужно было лишь встать в правильную позицию, отвести вперёд левую руку, магия огня у него всегда хорошо получалась, и...

И ничего не произошло.

Линд нахмурился, недоумённо глядя на свою ладонь. Быстрой распрыжкой поменял ноги, стряхнул что-то невидимое и мешавшее, вновь прицелился в сторону требушета...

Ничего не происходило.

От отчаяния из глаз мага даже брызнули мелкие слёзы. Это просто невозможно. Он чувствовал, что резерва его магических сил хватило бы ещё на десятка три подобных заклинаний. Усталости не было совсем, проблем с магией огня — тоже. Он же, в конце концов, не какой-то холодный, словно лёд, Пьер, которому вспыхнуть — это как через себя переступить! У него...

В этот момент Линд увидел Его.

Чёрный силуэт появился словно из ниоткуда. Высокая и гладко сложенная фигура в чёрной длиннополой мантии, подобной тем, что носили маги, просто в один момент материализовалась на границе неровного круга, образованного королевским отрядом и имперскими солдатами. Почти всё лицо незнакомца закрывала вычурная литая маска, выполненная, не смотря на кажущуюся грубость, достаточно искусно и гротескно повторявшая черты лица. Видимым оставались лишь округлый верхне-левый угол, обнаживший внимательный и беспощадный глаз, пристально глядящий на Линда.

— Farov! — мелодично и отчётливо, невидимыми руками раздвигая занавес лагерного шума, прозвучал голос незнакомца. — Sic werir primessen...[1]

Линд знал, кто это. Он слышал о таких людях очень давно, краем уха, ещё на первом курсе от старого и чудного преподавателя, любившего потравить байки вместо проведения занятий. И безмозглый первокурсник, глупо улыбающийся от старческих рассказов о прелестях минувшей юности, конечно же пропустил всё мимо ушей.

Но сейчас, глядя на то, как имперский Охотник медленно и со вкусом обнажает оружие, моментально вспомнил. Сухой старческий голос шуршащей бумагой звучал в ушах, рассказывая небылицы, что в один миг обернулись настоящим ночным кошмаром.

В Империи действительно не было магов. Не было ни одной академии, обучавшей одарённых юношей и девушек тайному искусству. На придворных балах не расхаживали вальяжные мэтры, общаясь со всеми остальным, будь то герцоги, графы или бароны, свысока, полностью наслаждаясь собственным положением. Не гремели над имперскими городами вспышки заклинаний-салютов, пригвождая к себе восторженные и широкие взгляды детей всех возрастов и расцветок.

Зато у Империи были Охотники.

Магию нельзя просто так игнорировать. Она сквозит везде, в каждом предмете, живом или мёртвом, в воздухе и воде, в огне и человеческих жизнях. Её можно изучать, можно погружаться в её тайны, шаг за шагом, медленно и кропотливо постигая природу этой энергии, что лежит в основе самого мироздания.

А можно отвергнуть её. Можно обратить её вспять. Полностью подавив в себе и

окружающих, поставив собственное, человеческое и разумное начало превыше начала мистического и до конца так и не познанного. Можно отторгнуть её от себя, став парией для энергии арканы, образовав вокруг как бы непроницаемое кольцо, через которое эта самая энергия, не смотря на всю свою могущественность, проникнуть не может.

Именно этим и занимались Охотники. Именно о них, самых опасных врагах магов, и предупреждал старый преподаватель первокурсников боевого факультета. Которые, как это обычно и бывает, прослушали всё самое важное.

Скорее от отчаяния, чем действительно пытаясь нанести Охотнику хоть какой-то ущерб, Линд метнул в его сторону стрелу арканы. Точнее попытался. Бессмысленный пасс нелепо повис в воздухе, делая из сына герцога не грозного мага, одним движением сжигающего вражеские требушеты, а скорее аккуратного и утончённого балетного танцора, готовящегося к очередному па.

Охотник довольно улыбался. Линд не видел его губ, скрытых непроницаемой маской, но он готов был поспорить, что имперец улыбался. В единственном глазу Охотника недобро горела чёрная искра осознания собственного превосходства.

— Будь я проклят... — изумлённо прошептал Линд, во все глаза таращась на железную маску. — Будь я проклят. Сержант! — призывно прокричал он. — Не подпускайте ко мне солдат. Пьер, Марк, Марта, держитесь как можно дальше. Этого я беру на себя!

С этими словами Линд резко рванул из тонких поясных ножен рапиру, с которой так и не расстался даже не смотря на бесконечные насмешки барона. В конце концов, этот тонкий, совершенно неподходящий для плотной рубки в пехотном строю клинок был именно тем оружием, к которому сын герцога привыкал всю сознательную жизнь. И менять его на пусть и эффективный, но непривычный короткий меч Линд не собирался.

Возможно, именно это упрямо нежелание и давало магу призрачный шанс одолеть имперца.

— Ну, давай... — злобно прошипел он, вперившись немигающим взглядом в единственный глаз Охотника.

Голова имперца слегка дёрнулась назад, принимая неслышный вызов.

— Dasem... — удовлетворённо произнёс Охотник, делая короткий взмах своим оружием, по виду братом-близнецом рапиры Линда. — *istod nelius blesser.*[2]

С этими словами имперец неожиданно рванулся вперёд, с невероятной скоростью преодолевая то небольшое расстояние, что разделяло его и Линда.

Рапиры сошлись с отчётливым звоном.

Бой вокруг как будто замедлился. Стали ватными движения имперцев, неумолимо наседающих на баронских солдат. Вяло, едва шевелясь, перебегали из стороны в сторону его товарищи, слясь помочь то здесь, то там, и везде становились больше обузой, чем реальным подспорьем. Невыносимо медленно раскрывал щетинистый рот сержант, раздавая команды своим бойцам. Возможно, это только казалось воспалённому сознанию Линда, полностью поглощённому схваткой. А возможно, обе армии, если их небольшой отряд можно было назвать армией, действительно сбавили темп сражения, увлечённые завораживающим и смертельным танцем двух противоположностей.

Линд и его соперник продолжали плясать в круге огня и стали, полностью поглощённые друг другом. Оба бойца держали соперника на расстоянии, пытаясь нащупать слабые места в обороне кончиками клинков.

Но ещё с самого первого, почти вступительного к кровавой пьесе удара Линд понял, что

этот поединок ему не выиграть.

Его соперник был примерно такого телосложения, так же складно и плавно сложен, так же уверенно контролировал свой клинок. Они действительно были очень похожи, сражаясь даже одинаковым оружием. Настолько, насколько могут быть похожи только свет и тень, чёрное и белое, магия и её полное отсутствие. Два конца металлической ржавой подковы тянулись друг к другу, сливались в бешеном и кровавом союзе, не желая уступить.

И всё же, Линд знал, что проиграет.

Охотник был банально лучше. И маг не понимал в чём дело. Возможно, его сбивала усталость, накопленная за долгое время осады. Но ведь и его соперник не сидел без дела? Может быть, всему виной было то гадкое и отвратительное чувство пустоты, разбитым кувшином разливающееся внутри Линда из-за невозможности дотянуться до магической энергии. Но он был уверен, что и его соперник чувствует себя не лучше?

Сопrotивляется ли пустота, когда её пытаются заполнить?

Ответ был очевиден. Он расцвел на пропоротом рукаве герцогского сына набухшей раной острого пореза, обдавшего левую руку сперва нестерпимым холодом, а затем точно такой же вспышкой боли.

Линд стиснул зубы.

— *Dasem?* — презрительно удивился Охотник, отходя на один небольшой шаг и разрывая дистанцию, лишая Линда возможности контратаковать. — *Nascend omnium dasem warid bist?*[3]

Надбровная дуга мага вспыхнула стыдливым огнём. Он не мог позволить, чтобы эта вошь, непонятно как вылезшая на свет из страшилок для студентов-первогодок, говорила с ним в таком тоне. Ему тотчас же захотелось разорвать эту противную всему его естеству тварь, разрубить её на части, повалить на землю, со всей силы размозжить череп...

За свою неразумную и бешеную атаку, размашистые удары рапирой которой пришлось в пустоту, Линд поплатился ещё одним порезом. В этот раз на ноге.

Позвоночник отозвался на очередную рану едкими и холодными уколами боли. По всему телу мага пробежала дрожь. По инерции, так ни разу и не попав по неуловимому Охотнику, пробежав ещё несколько шагов, Линд остановился и, взыв от боли, опираясь свободной и кровоточащей ладонью на дрожащее здоровое колено, опасно подставляя врагу спину. По глазам поползла сероватая пелена мертвенного забытья.

— *Насс?* — послышался надменный голос Охотника откуда-то сзади. — *Excer allus er.* [4]

Линд тяжело дышал, пытаясь справиться с гнущей к земле болью, отчётливо слыша медленные и неторопливые шаги приближавшегося для последнего удара Охотника. Все фехтовальные приемы, что юный маг учил в детстве и недолгой юности, оказались бесполезны. Все старания его многочисленных, уважаемых и высокооплачиваемых наставников, на которых не скупился в средствах его отец, пошли прахом. Он не смог победить. В единственном своём настоящем бою, когда не плотная давка пехотного строя, не безнаказанные огненные шары с крепостной стены, а вот так: один на один, лицом к лицу, он проиграл. Проиграл, притом с разгромным счётом. Не нанеся врагу хоть сколько-нибудь ощутимого урона.

Шаги становились всё ближе.

Отчего-то вдруг вспомнился обидный и неожиданный удар барона по его лицу на самом первой их занятии. Рукоять его тяжёлого меча резко вошла прямым в его подбородок,

оправив в недолгий и позорный полёт, окончившись постыдным недоумением и растерянным сидением на пятой точке.

Потом был ещё один удар ногой под дых, абсолютно бессмысленный и болезненный до боли в рёбрах, было насмешливое не избиение даже, просто трёпка, которую беззлобно задают нашкодившему щенку. Были унижения, оскорбления, ругань и мат. Воспоминания проносились где-то на фоне сознания мага, но он уже не обращал на них внимания.

По его уставшему и изломанному болью лицу расползалась кривая и недобрая ухмылка.

Линд вдруг понял, что именно хотел сказать в тот раз. Понял, зачем нужен был тот жесткий, выбивающий весь воздух из лёгких удар сапогом. Осознание прошло сквозь него как молния, разом разогнав все фантомы боли и захватившую весь обзор мертвенную пелену.

Нет правил.

Никаких правил нет и никогда не было. Именно это пытался донести до них до всех барон, бесконечно мучая идиотской физической подготовкой и ненужными занятиями с мечом. Не нужно драться. Не нужно сражаться. И тем более не нужно фехтовать. В поединке, в любом поединке, это следует из самого определения, всегда есть какая-то честь, какие-то условности и грани, которые нельзя пересекать. Но всё это — химеры. Самые натуральные монстры, когтистыми лапами тянущие молодого и глупого бойца к гибели.

Побелевшие губы натянулись до предела, обнажая ряд ровных и пузырящихся слюной зубов. Нет никаких правил. Нет никакой чести, никакой морали. Есть только бой. Между прошлым и будущим — один только бой.

Именно он называется жизнь.

Линд резко выпрямился, одновременно разворачиваясь к своему противнику. Раненная нога отозвалась пульсирующей болью, брызнула горячей кровью, стрельнула в дрожащее колено.

Плевать.

Больше Линд не будет сражаться. Не будет драться и фехтовать.

Юный маг собрался убивать.

Ловя удивленный и в некоторой мере восторженный взгляд Охотника, Линд бросился вперёд. Он прекрасно осознавал, что шанс у него только один, что сил у него не хватит на ещё один заход, на повторную атаку. Именно поэтому он неумолимо наступал вперёд, осыпая соперника бешеным градом ударов, не давая ему возможности уклониться и уйти в сторону. Охотник и сам понял, что ситуация переменилась. В единственном глазе больше не было ни капли снисходительности заранее известного победителя, брови нахмурились, а взгляд сосредоточился. Имперцу оставалось только шаг за шагом пятиться под атаками мага, постоянно блокируя сильные и размашистые удары.

Именно этого Линд и добивался. Удар, ещё удар... Сейчас!

Левая, залитая кровью из глубокого пореза ладонь резко метнулась к поясу. Короткий одноручный меч легко выскочил из потёртых ножен, словно только и ждал этого момента. Охотник, краем глаза заметив движение, стремительно переменил свой хват и подставил рапиру горизонтально, блокируя удар.

И если бы Линд ударил клинком, у него бы всё получилось.

Рукоять меча прошла чуть ниже клинка имперца, кривым апперкотом метя в его незащищённую маской челюсть. С отчётливым щелчком лязгнули крошащиеся друг о друга зубы. В открытом глазе имперца вдруг промелькнуло секундное удивление, сменившееся резким осознанием. Охотник потерял равновесие и упал спиной на истоптанную землю,

подняв тучу пыли.

Имперец действительно хорошо сражался. Даже после такого неожиданного удара, он быстро пришёл в себя. Ещё даже не закончив до конца падение, он попытался вывернуться, попытался подставить ладонь, чтобы, оперевшись на неё, тут же подняться.

Маг не дал ему такой возможности.

Ботинок Линда с силой врезался в защищённое маской лицо, вбивая затылок Охотника в землю. Ещё одним коротким, насколько позволяла кровоточащая нога, прыжком маг оказался прямо над имперцем, высоко занеся рапиру над головой для последнего удара. Его противник, пусть и оглушённый, но всё-таки попытался в последний раз защититься, вяло выставив перед собой бесполезную раскрытую ладонь с аккуратными растопыренными пальцами.

Но Линду уже было всё равно.

С яростным и диким воплем, в котором смешалась вся ярость, вся боль, вся вытекшая из него горячая кровь, маг со всей силы опустил рапиру, точно пронзив Охотнику середину грудины и пригвоздив того к земле.

Имперец широко раскрыл единственный глаз, вздрогнул в последний раз, ещё сильнее насаживая своё тело на клинок рапиры, плачущей интонацией вскрипнул. И затих.

А Линд с удовлетворением почувствовал, как где-то внутри его сладко и возбуждающе лопается какая-то струна, заполняя черневшую до того пустоту...

Бой на мгновение затих.

Замерли разом все. И имперские солдаты, уверенно теснившие королевских солдат, и залитые кровью бойцы, продолжавшие безнадежно огрызаться, и даже заполошны друзья Линда, почувствовавшие то невероятное облегчение, накатившее на них волной одновременно со смертью Охотника. На миг всё затихло, обездвижилось, словно залитое стеклом. Но лишь на миг.

Невидимая стрелка часов отчетливо щёлкнула. И время вновь пошло.

Лязгнула сталь, раздался чей-то полный боли крик. Солдаты барона, окрылённые победой Линда, с рёвом подались вперёд, на широкий шаг отесняя уже почти окруживших небольшой отряд имперцев.

Но первым всё-таки среагировал Марк.

Едва только странное и непривычное до желания удрать куда подальше ощущение пустоты схлынуло, маг, предварительно мгновенным движением поправив очки, развернулся в сторону требушета. Его ладони заплясали, складываясь в пасс. Вспыхнул колдовской огонь, и тут же пламенный болт устремился в сторону деревянной махины.

Пламя разгорелось моментально. Осечки не случилось.

— Уходим! — бешено заорал сержант, призывно махая рукой. — Все уходим, сейчас!

Солдаты барона, которым не нужно было второй раз повторять приказ, немедленно разделились на две группы. Одна из них продолжила упорно сдерживать напавших имперцев, а другая метнулась в сторону, прорубая себе путь прочь из лагеря.

Линд не шевелился. Он, едва найдя в себе силы вынуть рапиру из тела Охотника, стоял на месте, тяжело дыша и грузно опираясь на рапиру, клинок которой он вонзил в землю. На больную ногу он старался не вставать.

— Ты оглох?! — проорал, обращаясь к нему сержант. — Я сказал — уходим!

— Идите, — равнодушно ответил Линд, в очередной раз сбивая дыхание. — Я остаюсь.

— Линд! — возмущённо закричала Марта, широко раскрывая рот.

Но даже не смотря на эту пакостливую и нелепую гримасу, маг всё равно бросил на неё полный нежности взгляд.

— Идите, — спокойно ответил он, лёгким поворотом конечности демонстрируя искромсанную ногу. — Я не жилец. Идите. Я задержу их.

— Линд! — вновь бессмысленно и отчаянно закричала Марта, отказываясь до конца поверить в происходящее.

Кто-то из мимо пробежавших схватил её за руку, увлекая за собой. Как показалось сыну герцога, это был всё же один из солдат. Девушка продолжала надрывно кричать, однако её голос с каждой секундой слышался всё дальше и дальше.

И на том хорошо.

Печально улыбаясь, Линд наслаждался безумным моментом спокойствия. Всё вокруг него кишело, бежало и двигалось, а он стоял как бы в каком-то невидимо защитном кругу, словно невидимый для всех. Вот пронёсся сквозь одну из солдатских палаток сержант, скрываясь из зоны обзора мага. За ним нырнули Марк и Пьер, так же спасаясь от преследователей в запутанных лабиринтах имперского лагеря. С громким присвистом упал оставший от отряда солдат, которому алебардой перерубили хребет.

А вокруг Линда начал потихоньку сужаться круг из металла и солдатских щитов.

Что же, спокойствие не могло длиться вечно.

Линд усмехнулся, наслаждаясь ужасом, который он наводил на имперцев. Ну конечно, наверняка Охотник казался им важной птицей, окружённой ореолом таинственности и недоступного им мастерства. И надо же, подох, как и любой другой человек.

С хрипом и стонами.

А он, живой и почти здоровый, если не считать хлещущую изо всех щелей кровь, стоит перед ними и отчаянно старается не качаться. Убил их хвалёного Охотника и сжёт последний требушет. Ну, давайте, кто тут самый смелый?..

— Ну, давайте... — злобно прошипел Линд, повторяя собственные мысли и поднимая раскрытую ладонь, на которой моментально вспыхнул фиолетовый колдовской огонь.

Круг солдат стал ещё уже.

Что же, никто действительно больше не умрёт. Кроме него самого, готового сложить голову на неминуемую плаху ещё тогда, во время спуска на стене. Ведь это и отличает настоящего аристократа, правильно? Первым принимать ту судьбу, которую готовишь другим.

А, впрочем, не всё ли равно? На одного-двух у него сил ещё хватит. Нужно только выдернуть из земли рапиру...

Подлый удар со спины, разом оборвавший всё существующее темнотой закрытых век, Линд так и не почувствовал.

Горькие слёзы мешались с пылью, оставляя на щеках уродливые, чуть желтоватые ручьи.

Лёгкие Марты горели удушливым огнём, готовые разорваться в клочья от бесконечного бега. От первой, неорганизованной и пешей погони они сумели оторваться, подпалив за собой часть лагеря.

Рассвет, только-только занимающийся над верхушками далёкого леса, нещадно был своими ранними лучами в глаза, заставляя щуриться и лить ещё больше влаги по и без того

мокрому лицу. Стены крепости уже были в пределах досягаемости и с каждым новым шагом королевские знамёна, реявшие над башнями, виднелись всё отчетливее и отчетливее. Иногда Марте казалось, что она уже вполне может различить силуэты лучников, занявших высотные позиции.

Вот только она не хотела на них смотреть.

Хрипы нещадной гонки перемежались с всхлипами горя, сбивая и без того нестройное дыхание девушки. Казалось, что вот оно — избавление после бессонной страшной ночи. Но радости ей этот рассвет не приносил. И дело было даже не в четвёрке солдат, навсегда оставшихся в лагере.

Дело было в том, что вместе с ними остался и Линд.

Она так до конца и не смогла понять, насколько оказывается он был для неё важен. Смазливый и капризный папенькин сынок, сорящий в академии деньгами направо и налево, устраивающий бесконечные попойки для своих друзей-подпевал, таких же надутых индюков. Кто бы мог тогда подумать, что когда-то этот франт, на которого Марта всё студенчество смотрела не иначе как с презрением, станет вдруг для неё всем? Превратится в ту единственную спасительную соломинку, за которую можно уцепиться в бушующем море войны и неопределённости, страха и хаоса? Но он стал, вопреки всему, словно этот самый рассвет, что она встречала в солдатском отряде полном одиночества, он, чёрт его побери, стал.

А она его предала. Она не встала рядом с ним в последний, самый страшный миг. Сбежала, позволив себя утянуть какому-то случайному бойцу.

И именно из-за этого, а не из-за бешеного бега, сердце Марты готовилось выпрыгнуть из груди.

Она бы отдала всё на свете, лишь бы чьи-то неведомые силы позволили ей сейчас оставить отряд. Позволили ей остановиться, развернуться и броситься обратно, напрямик на острия имперских копий. Но она не могла себе позволить так поступить. Иначе — всё было бы действительно напрасно. Иначе Линд действительно погиб зря, погиб нелепо и глупо, а не спасая её.

Гори вся эта война синим пламенем.

Звонкое ржание коней вдруг вывело её из печальных размышлений.

— Сука! — выругался сержант, на секунду обернувшийся через плечо. — Кавалерия, сука, кавалерия! Они послали кавалерию!

— Командир, — обратился к нему на бегу один из солдат, — что делаем?

— К мосту, — решительно ответил сержант. — Со всех ног к мосту. И молитесь Богам, чтобы у барона хватило милосердия его опустить.

Весь отряд, из которого ещё секунду назад казалось, выжали все соки, прибавил темп. Даже Марта, недавно умолявшая судьбу-злодейку о самоубийственном и отчаянном броске на имперские мечи, старалась не отставать.

Девушка не ошиблась, когда решила, что смутные фигуры на стенах — это лучники. Едва небольшой отряд пробежал ещё с десятков метров, за их спинами посыпались стрелы, отсекая ночных рейдеров от преследовавшей их кавалерии. Первой жертвой обстрела, правда, пал ещё один солдат барона, которому тонкий прут с покачивающимся оперением на конце, прямым попаданием пробил лоб.

Никто не обратил на бойца, упавшего в пыль, никакого внимания.

— Откройте! — яростно заорал сержант, потрясая мечом над головой, когда

вымотанный отряд достиг-таки городских стен. — Опустите мост!

Это место, с особенной тщательностью охраняемое на протяжении всей осады, почти не пострадало от боёв. Даже ров не был засыпан. И именно это обстоятельство, которым в любой другой момент можно было бы восхититься, и сыграло с диверсионным отрядом злую шутку.

Топот копыт приближался с нарастающей скоростью. Времени искать обходной путь не было.

— Откро... — повторил, захлёбываясь удушливым кашлем сержант.

Ноль реакции. Крепостной мост, их единственное спасение, оставался недвижим.

— Не откроют, — с каким-то равнодушным оттенком в голосе констатировал Пьер. — Не откроют, господин сержант.

Командир отряда устало кивнул.

— И то... верно... — делая короткие паузы в попытке отдышаться, произнёс он. — Барон... не будет рисковать... нельзя... пустить кавалерию в город.

И, глядя в заплаканные глаза Марты, продолжил.

— Спасибо... маги. Спасибо. Хоть... требушеты... сожгли...

— Будем драться? — спросил Марк, в очередной раз поправляя съехавшие очки.

Сержант обессилено ухмыльнулся.

— Будем... умирать, маг. Они нас сейчас сомнут и не заметят.

Вот и всё, подумала Марта. Вот и всё...

Откуда-то из глубин вдруг поднялась неистовая ярость, поджигающая руки колдовским огнём даже без желания хозяйки. Вот и всё? И слава Богам, что всё. По крайней мере, у неё будет шанс поквитаться. За Линда, за Холька, за того безымянного солдата, что погиб от дружественного огня, так и не добежав до крепости. За саму себя...

Шквал арбалетных болтов и стрел продолжал лавиной падать со стены, но тяжелобронированные всадники не обращали на него никакого внимания, продолжая грозным клином надвигаться на обессиленный отряд, выстроившийся жидким строем. Марта уже видела довольные лица кавалеристов, предвкушающие быструю и скорую месть за тот разгром, что они учинили в лагере.

Не дождутся.

Первый из всадников, откуда-то с правого края их массы, испепелился в мгновение, поймав латной грудью фиолетовую стрелу. Брат-близнец с левого фланга тут же повторил его судьбу. К делу моментально подключились и Марк с Пьером, продолжая неистово прорезивать имперский строй.

Но недостаточно быстро. Кавалерийская армада продолжала неумолимо надвигаться.

За спиной Марты что-то трещало и клочотало, кто-то что-то громко выкрикивал, какие-то команды может быть, но она не обращала на эти звуки никакого внимания. Девушка продолжала швырять одно заклинание за другим, надеясь забрать с собой как можно больше имперцев. Фиолетовый огонь, не смотря на всю ночную усталость, лился струями, обволакивая всё тело девушки.

Ещё один пасс. Ещё один. Лошадиная грудь мелькнула прямо перед глазами, глядя в глаза Марты золочёной маской всадника, какой-то очень важной и знатной шишки, наверное.

Девушка почему-то успела подумать, что примерно так, грозно и завораживающе, выглядел бы Линд, если бы избрал своей стезёй военное дело.

На неё, перед самым последним мгновением, вдруг напал страшный страх. Не в силах увернуться, не в силах отпрыгнуть от нацеленного ей прямо в грудь копья, она сильно зажмурилась, не желая видеть собственную смерть.

Марта закрыла глаза, так до конца и не понимая, действительно ли она слышит этот чавкающий звук или ей только кажется?..

Рассветное солнце выжигало барону глаза.

Его грубая и сухая ладонь с короткой, прочерченной поперёк линией жизни, с силой давила на низ нахмуренного лба. От волосков густых бровей, слегка щекочущих кожу, по всей руке то и дело проходили волны дрожи. Но барон не замечал этого. Просто потому что вторая его ладонь, напряжённо вытянувшаяся вдоль правого бока, была сжата до побелевших нестриженных ногтей, с болью впиваясь острыми полукруглыми линиями в кожу.

Камень узкой вертикальной башенной бойницы, из которой командующий рассматривал раскинувшуюся перед крепостным мостом картину надвигающейся трагедии, ещё не до конца успел обсохнуть от утренней росы. Капли влаги то и дело скользили вниз по шершавой поверхности, своей собственной гибелью приветствуя солнце нового дня.

Имперская кавалерия, окружённая клубами пыли, брала разгон. А барон, глядя на эту неминуемую живую гибель, с бешеной скоростью надвигавшуюся на поредевший отряд, отчаянно сжал кулак.

Где-то внизу тяжело дышала Марта, устало упираясь ладонями в согнутые колени. Что-то кричал его сержант, грозно потрясая в воздухе мечом и суля, видимо, своему командиру немислимые кары и проклятия. Но солдат лишь тщетно сотрясал воздух. Барон не слышал ни слова.

Физиономия командующего искажилась отчаянным и горьким оскалом. Придавленная невыносимой слабостью, его левая ладонь обессилена опустилась со лба и ударилась, влажно чавкнув, о косою подоконник бойницы. Командующий всей тяжестью тела повалился на эту неожиданную опору.

Он не мог открыть ворота.

Он не мог дать имперцам ни единого шанса ворваться в город. Пусть даже это был передовой отряд, пусть даже кавалерия, которой устроили бы ад, не дав пробраться дальше барбакана. Плевать. Он не имел права рисковать. Не имел права давать врагу ни малейшей возможности. Только не после этих бессонных ночей, не после повешенной на площади молодой девушки, не после поредевшего почти вполовину отряда, который он сам и послал на верную гибель.

Иначе всё зря. Иначе всё это было напрасно.

Красные от бессонной ночи глаза с плескавшимся в них морем отчаяния, медленно и словно нехотя, вновь посмотрели вниз. Имперские всадники, казалось, покрыли почти всё расстояние, отделяющее их от отряда. И даже не смотря на плотный огонь крепостных стрелков, короткое и кровавое столкновение было неминуемо.

Взгляд командующего вновь упал на Марту. Девушка с какой-то важной решимостью, тяжело дыша, развернулась в сторону врага, в ладонях её мелькнул столь знакомый барону по многочисленным тренировкам фиолетовый отблеск.

Молодая девушка готовилась умирать. Умирать страшно и беспощадно, забрав с собой в бездну как можно больше жизней. А он, Гильем Рейкландский, Чёрный барон, Ужас Гетенборга, так же, как и десять лет назад, стоял на месте и держал позицию, не в силах

ослушаться приказа, которой сам себе и отдал.

Наверное, именно так умирала и его жена.

Барон с ещё большей силой стиснул зубы, хотя казалось, что дальше некуда. Он буквально почувствовал, как крошится и трескается пожелтевшая эмаль, как острие боли пробивает почти неуязвимую защиту, проникает внутрь, достаёт до самого корня.

Его рука аккуратно скользнула по чёрной траурной ленте, аксельбантом болтавшейся на правом плече.

Барон прекрасно помнил, в чём поклялся в тот страшный день, когда держал на дрожащих руках остывшее тело жены. Помнил, какой самый главный приказ отдал тогда себе. И как клеймо той команды, того императива, что он не мог нарушить ни под какими пытками, предложениями или переговорами с собственной совестью, чёрная лента до сих пор висела на его плече.

Никто не отступит. Никто не отсидится, не сбежит, не оправдается. Каждый примет бой, не смотря на свой страх, на свои убеждения и идеи. В том числе и он сам.

Никогда снова.

Всадники приближались.

— Брок! — заорал он, выйдя наконец из оцепенения.

— Да, ваше благородие, — учтиво отозвался адъютант, всё это время стоявший за плечом барона, чуть поодаль.

— Всех вниз, — бешено прошептал барон, оборачиваясь к бывшему сержанту лицом. — Всех до последнего, открыть ворота, опустить мост. Немедленно!

— Будет исполнено, ваше благородие, — ответил адъютант, уже исчезая из небольшой комнаты крепостной башни, где и располагался наблюдательный пункт барона.

Командующий оказался один посреди собственного импровизированного штаба, бешено вращая глазами по сторонам и тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. Он и сам не заметил, как выхватил из ножен двуручник, держа его теперь в одной руке, слегка согнутой в локте.

— Всех вниз... — тихо прошептал барон, словно срастаясь с этим приказом.

И тут же сам резко бросился прочь из башни, сбегая с лестницы и быстро перебирая тренированными ногами.

Как не спешил командующий, его солдаты всё же были быстрее. А может, в том, что прямо перед медленно поднимающейся решёткой городских ворот барона уже ожидали бойцы Чёрных полков, была заслуга его адъютанта, что чуть ли не пинками прогонял людей со стен? Но барону, на самом деле, было на это глубоко плевать. Ему было всё равно даже на то, что на вылазку он идёт с совсем небольшим отрядом, численность которого едва ли превышала тридцать человек.

Всё, что сейчас заботило командующего, так это неторопливо ползущая вверх решётка ворот. И её ленивый родственник, с лязгом и грохотом опускающийся крепостной мост.

— Вперёд, робяты! — неистово заорал барон, широким взмахом меча указывая и без того очевидное направление атаки. — Раз мать родила — раз и подыхать! Насадим имперцев на копьё!

— Насадим! — дружно грянули солдаты, почти одновременно грохнув древками алебард о каменную мостовую.

— Кто первым убьёт имперского кавалериста, тому даю тройное жалование. Вперёд! — и не дожидаясь ответной реакции барон, словно сам не желая упускать обещанной награды, лично бросился впереди неровного строя, проскользнув под всё ещё низко висящей

решёткой.

Бойцы с бешеным и удалым рёвом кинулись за ним.

Небольшой отряд гуськом проскочил решётку и так же быстро миновал узкое арочное пространство под воротами. Барон же, окончательно перехватив инициативу, уже был у моста, так до конца и не принявшего горизонтальное положение. Впрочем, командующий, окрылённый собственной яростью, даже не заметил этого. Не сбавляя темпа, он начал взбегать по наклонной поверхности, что всё быстрее и быстрее стремилась к земле под тяжестью его веса. Вслед за ним на мост взбежал и весь остальной его отряд, с глухим грохотом окончательно приковав массивный механизм к земле.

Громко лязгнули натянутые до предела цепи.

А барон уже наметил свою цель.

Фиолетовая стрела в последний раз промелькнула над землёй. Марта, перед которой возник силуэт имперского командира в золотой маске верхом на чёрном боевом коне, завалилась назад, зажмурив от ужаса глаза. Всадник, ни на секунду не сбавляя разгона, уже слегка отвлёл копьё назад, готовясь нанести последний удар...

В тот же самый момент тяжёлый двуручник барона с широкого замаха влетел в сочленение его доспехов.

Всадник, ещё недавно казавшийся неостановимым, выпал из седла и, брызжа кровью из разорванной брюшины, отлетел назад, упав посреди взявшего разгон строя и полностью сломав построение. Конь имперца, оставшись без наездника, по инерции продолжал бежать вперёд и остановился только тогда, когда его грудь одновременно пропоролы три алебарды.

А дальше всё смешалось.

Пьер, продолжая безостановочно поливать градом заклинаний наступавших всадников, резко отскочил назад, скрываясь за спинами подоспевших солдат барона. Какой-то боец из диверсионного отряда лихо подскочил под брюхо лошади, выставив клинок над головой. Марк взорвал огненный шар исполинских размеров прямо перед лицом одного из всадников. Взрывной волной его отбросило назад, и студент с воплем повалился в прохладную воду крепостного рва.

Барон рубил направо и налево, по-звериному рыча. Он крутился как детский деревянный волчок, ни на секунду не останавливаясь и используя инерцию своего меча, выступавшего в качестве противовеса. Не смотря на всеокрушающую ярость, что, казалось, полностью захватила его, каждый удар всё равно находил свою цель.

И напор всадников, ещё недавно готовый мстительно втоптать в грязь многочисленных выживших после ночного рейда, начал потихоньку сходить на нет.

А через пару минут суматошного и яростного боя и вовсе выдохся.

Тканевые стены госпиталя колыхались на ветру.

Было в этих белых простынях, жестоко избиваемых безжалостной стихией, нечто сюрреалистичное. По всем законам восприятия и метафизики они, эти снежного цвета полотнища, лишь слегка замызганные неаккуратными мазками грязи, должны были символизировать нечто печальное. Возможно, горечь поражения или позор капитуляции. Они должны были стать прощальным жестом уплывающего в шторм корабля, должны были немедленно превратиться в мягкий и почти прозрачный батистовый платочек, что дарит своему жениху зарёванная невеста, каким-то неведомым чувством понимающая, что из своего первого и последнего боя юноша не вернётся.

Белые шторы, прибитые прямо к земле короткими деревянными кольями, колыхались на ветру. И вопреки всем мифам и ощущениям, вселяли в Марту странную обречённую уверенность.

Девушка медленно семенила мелкими шажками, едва приближаясь к белому шатру. Посреди обгорелых руин имперского лагеря это белое квадратное полотно выглядело странно. Странно настолько, что сразу приобретало невидимый судьбоносный оттенок. Давало понять бедной магичке: есть твоя нынешняя жизнь, пусть и замешанная на горе и неопределённости, но всё ещё лучащаяся надеждой, а есть эти самые белые стены. Зайди внутрь, отогни беспокойную простыню, и больше не будет тяжёлого ожидания, червём выедающего что-то внутри тебя. Зайди внутрь, и ощути, как тяжёлый невидимый меч, подобный тому, что был у барона, со свистом опускается в миллиметре от твоего затылка. Почувствуй, как массивное лезвие отсекает всю эту суету, заставляющую крутиться волчком на месте, грызть ноги и ходить из стороны в сторону. Зайди, Марта и либо вознесись, либо рухни напрямик в бездну. Оставь эту душашую непонятность снаружи, отбрось эту неопределённость.

Но знай, что и надежды больше не будет.

И поэтому Марта не спешила. Она медленно-медленно продвигалась вперёд, не убирая кончики пальцев от приоткрытого рта и невидяще смотрела перед собой. Мимо пробегали вечно куда-то спешащие солдаты, хмуро ворчали офицеры где-то на границе слуха. Ушлые интенданты и маркитанты звонко цокали языками, восторженно рассматривая богатые трофеи и с руганью отгоняли бойцов, так и намеревавшихся стащить какую-нибудь плохо лежащую добычу.

Но Марта не видела ничего из этого. Шумная чепуха победившей армии нисколько не занимала её. Всё внимание девушки было приковано только к одному, к белым стенам госпиталя, сумасшедше выгибающихся на ветру. Наверное, так ощущает себя какой-нибудь очень набожный и очень правильный жрец, подходя к храмовому алтарю для очередной проповеди. Впрочем, почему именно жрец? Именно так и должен себя ощущать любой человек, готовящийся хоть на мгновение оставить всё земное, все те гнетущие переживания и хотя бы на мгновение вступить на ту прямую и короткую дорогу, которую открывает сделанный выбор.

И юная магичка, отчаянно цепляясь за счастье своего неведения, никак не решалась этот самый выбор сделать.

Марта больной ойкнула, когда неожиданно уткнулась носом во что-то мягкое и кожаное.

— Глаза-то разуй, — весело поприветствовал её Пьер, раскинув руки в стороны и загородив дорогу. — Совсем не видишь, куда идёшь.

Марта подняла предательски блестящие глаза. Пьер был выше неё всего на полголовы, но разница в росте становилась колоссальной, когда она стояла к нему почти вплотную. По сравнению с бывшим вором, улыбающимся и пышущим жизнью, она казалась самой себе каким-то карликом, каким-то маленьким и ничтожным человеком, чей хребет окончательно переломил груз жизненных трудностей.

— Пьер... — спросила Марта, задыхаясь от подступавших к горлу рыданий. — Пьер, миленький, скажи мне... скажи мне, пожалуйста, ты был в госпитале?

— Был, — разом посерьезнев и убрав из голоса хоть какой-то намёк на весёлость, кивнул парень.

— Пьер... — дыхание Марты окончательно перехватило. Девушка вдруг разом поняла всё, абсолютно. Перед глазами мелькали страшные картины, чёрная дымка не давала ясно смотреть на окружавший её мир. Ей не хотелось, изо всех сил не хотелось задавать последнего, самого важного вопроса, не хотелось слышать ответ на него.

Но не задать его Марта не могла. Когда надежды уже не остаётся, удар того самого невидимого клинка, о котором шептали всё ещё далёкие, но такие близкие стены госпиталя, — это лучший выход.

— Пьер, скажи... — продолжила девушка с истеричным, трепещущим у последней черты горя, придыханием. — Ты видел его?

Маг ещё раз наклонил голову.

— Я понимаю... — с тяжёлым вздохом начал он. — Я понимаю, о ком ты говоришь. О некоем избалованном герцогском сынишке, которого тащили на носилках два дюжих санитаров, а он вопил как резаный что-то типа:

И, прочистив горло, Пьер громогласно, противно и очень карикатурно спародировал вопли раненого Линда.

— «Не смете, твари! Не смейте отрезать, сволочи! Уй, дай мне только встать, говно, ты у меня землю жрать будешь!..» — на лице бывшего вора расплылась ехидная улыбка. — Ты про этого человека у меня спрашиваешь?

Коротко взыв, то ли от обиды, то ли от радости, Марта набросилась на друга с кулаками.

— Ты идиот! — орала она, смешно колотя веселящегося Пьера маленькими кулачками по груди. — Ты полнейший кретин! Как ты вообще, как тебе только в голову такое пришло, баран.

Пьер же, заливаясь хохотом, натужно отбивался, больше заботясь о том, как не прослезиться со смеху, чем об уворотах от безболезненных девичьих ударов.

— Видела бы ты своё лицо, — едко хихикая и одновременно уворачиваясь от очередного кулачка, произнёс он. — Ну натурально на плаху идёшь, оскорблённая невинность. Мордочка кротенькая-кротенькая, лапки поджала и ногами еле перебираешь. Просто уморительно.

— Так он жив?! — возмущённо спросила Марта, сдувая с мокрого от слёз и пота лица тонкую прядь волос.

— Жив, жив, — заверил её маг. — И, судя по качеству той брани, которой он поливал медиков, вполне в сознании. С ногой у него, правда, всё скверно, тот имперец хорошо постарался. Врач, увидев её в первый раз, даже сказал, что скорее всего придётся ампутировать. Он потому и ругался. Но вроде, всё обошлось. Там сейчас Марк с ним, как выйдет, так у него и спросим.

— Как, как же так? — удивилась девушка. — Я же сама видела, что он...

— Мы все видели, — подтвердил Пьер. — Линд, героически опирающийся на рапиру, и плотное кольцо имперцев вокруг него. Вот только у кого-то из солдат хватило ума не переть на раненого, но всё ещё опасного мага в лоб, а тихонько подойти сзади и тюкнуть по затылку чем-то тяжёлым. Так что оказывается, пока мы в кровь рубились со всадниками у стен Дарммола, эта крыса преспокойно себе в плену отлёживалась.

— Крыса?!.. — возмутилась Марта, разом покраснев от натуги.

— Ну конечно, — спокойно отозвался Пьер, делая вид, что не замечает эмоций подруги. — Если бы имперский командующий не решил лично возглавить кавалерию, если

бы барон не перерезал его пополам, если бы мы быстренько не сообразили нашу контратаку, он бы и сейчас там отлеживался. И наедал бы харю на имперских харчах. А мы в Дарммолле скоро начали бы жрать подошвы от ботинок. Осады они, знаешь, такие...

— Да не сильно-то он и отъелся бы, — произнёс Марк, неожиданно отодвинувший белую ткань входной шторки. Брови его, полностью сгоревшие во время недавнего боя, начинали потихоньку пробиваться из-под кожи свежей щетиной. — Его хорошо по затылку приложили. До сих пор мутит маленько. Но, вроде оклемается. Врач даже с ногой его справился.

— Ты видел его? — заполошно метнулась к нему Марта, хватая бывшего однокашника за грудки. — Ты говорил с ним? Как он?

— Я же говорю, — мягко отстраняя девушку, произнёс Марк. — Нормально всё с Линдом твоим. Лежит, материт барона на все лады за то, что отправил нас сжигать требушеты. Очень грустит, что пропустил нашу триумфальную атаку и возмущается, что ты до сих пор к нему не зашла.

На Марту было совсем жалко смотреть. Глаза её широко раскрылись и округлились до такой степени, что даже самому чёрствому сухарю было бы понятно: девушка готовится снова зареветь.

— Да ладно, — успокаивающе хлопнул её по плечу Марк. — Про возмущение я только что придумал. Но вообще да, тебе лучше зайти к нему. А ещё лучше — если мы это сделаем вместе.

Марта согласно кивнула, безуспешно пытаясь справиться с дрожащим подбородком. Пьер весело пожал плечами, как бы выражая неуверенность, но сделал это так искусно, что в его согласии никто не мог усомниться.

— Ну, тогда пошли?.. — неуверенно спросил Марк.

Тканевые стены госпиталя продолжали так же бешено колыхаться на неожиданно холодном летнем ветру.

Барон с радостной искрой во взгляде наблюдал за сумбурным диалогом своих подопечных.

Командующий, радуясь тому, что сумел хоть на короткое время улизнуть от бесконечных донесений и докладов, стоял, облокотившись боком на какую-то непонятную балку, и наблюдал за разворачивающейся драмой, а затем и за её счастливым исходом. Из его рта медленно вытекали облачка табачного дыма, который он с редким наслаждением высасывал из тлеющей деревянной трубки. Он было хотел сперва сам обрадовать Марту хорошими новостями, однако её товарищи сделали это куда талантливее прямолинейного вояки. Пусть и не без доли иронии.

В любом случае, барон был чертовски рад тому, что Линд остался жив.

Он с нежностью погладил свою чёрную ленточку.

— Я знаю, ты бы мной гордилась, — тихо прошептал барон, словно опасаясь, что кто-нибудь в этом непрекращающемся гомоне сумеет его расслышать.

А лишние уши в таком деликатном деле, как правильные поступки, ему были не нужны. Как, наверное, и никому из живущих.

У ребят был повод для веселья, пусть и достаточно жестокого. Им казалось, что свой главный долг они исполнили. Враг разбит, опозорен и смят, он бежит и отступает. Потери минимальны и даже мёртвые вдруг, словно в детской сказке, оказываются лишь тяжело

ранены, а не убиты. Чудо, не иначе.

Чудом их победу считал и барон.

Чудо, что де Рюттенхойф, как и говорил о нём виконт, оказался настолько несдержанным, что самолично шёл впереди всего строя. Чудо, что барону удалось справиться с ним одним-единственным ударом. Чудо, что парочка неизвестно как уцелевших после бойни у городских ворот всадников сумела доскакать до своего лагеря, посеяв панику в войсках известием о гибели командира. Чудо, что барон сумел так быстро организовать атаку, и вся многотысячная имперская армия бросилась на утёк после первого же серьёзного натиска.

Чудо, чудо и ещё раз чудо. Но чудес ведь не бывает? По крайней мере барон в них не верил.

Зато он очень хорошо верил в мужество, расчёт и силу.

Имперская армия отступила, это верно. Но вряд ли она отойдёт дальше Вороньегс перевала. Первый раунд битвы за Дарммол остался за королевством, однако кто может сказать, сколько их вообще будет, этих раундов? До сих пор нет новостей из других областей королевства. Как там король? Что с остальной армией, что со столицей? Какова вообще обстановка?

Разочарованно вздохнув, барон лёгким усилием оттолкнулся от балки. Пусть ребята радуются, благо, есть повод. Ему же предстоит ещё огромная куча работы.

Как, впрочем, и им. Но не сегодня. Сегодня их стена, скреплённая нерушимым цементом из общей любви и ненависти, радости и горя, выстояла. И, барон надеялся, не падёт уже никогда.

Настоящая война ещё только начиналась...

[1] — Прекрасно! Значит, ты будешь первым... (имп.)

[2] — Что же... так даже лучше. (имп.)

[3] — Что? Это всё, на что ты способен? (имп.)

[4] — И всё? Я ожидал большего. (имп.)